

Книжка 68

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографического Отдѣленія

В. И. Ламанского

и Секретаря Отдѣленія Н. Н. Виноградова

Выпускъ IV

Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1909.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

„Камень на морѣ“ и камень алатырь.

Въ русской народной поэзии нерѣдко встрѣчается загадочный образъ чудеснаго камня на морѣ. Этотъ образъ иногда является въ легендахъ и пѣсняхъ космогонического содержанія, причемъ чудесный камень оказывается среди первоначального моря въ началѣ творенія. Таковъ образъ малорусской колядки:

А що намъ было въ нащаду світа,
Ой не было жъ намъ хиба сина вода,
Синая вода, тай білій камінь,
А привривъ Господь сироў землицевъ
Виросло на німъ кедрове древо“ и т. д.¹⁾

Иногда на этомъ камнѣ представляется сидящимъ одинъ изъ творцовъ міра, какими часто въ космогоническихъ легендахъ является животное, особенно птица. Чаще на камнѣ сидить чудесное животное, которое если и имѣло значеніе деміурга, то утратило, а можетъ быть играетъ не роль деміурга, а иную космическую роль. Образъ камня съ сидящими на немъ чудесными животными обладаетъ рядомъ устойчивыхъ чертъ. Такъ часто камень называется бѣльмъ:

Образъ бѣлого камня на морѣ мы встрѣчаемъ въ самыхъ разнообразныхъ произведеніяхъ, какъ малорусской такъ и великорусской поэзіи. Только что мы видѣли его въ колядкѣ о твореніи міра въ качествѣ первозданного камня, существующаго уже въ началѣ творенія. Мы его найдемъ съ загадочнымъ именническимъ значеніемъ въ заговорахъ.

„На небѣ свѣтель мѣсяцъ, на морѣ бѣлый камень, въ полѣ сырой дубъ; когда эти три брата сойдутся“, тогда мои

¹⁾ „Кievsk. Ст.“, 1889, Январь.

зубы не будут болеть”¹⁾). Въ другомъ великорусскомъ же заговорѣ бѣлый камень оказывается среди золотого моря. „Есть море золотое, на золотомъ морѣ бѣлый камень, на камнѣ сидить красная дѣвица съ палицей желѣзной”²⁾). Бѣлый камень заговоровъ часто называется „латыремъ”, „алатыремъ”.

Образъ бѣлого камня на морѣ встрѣчается и въ не обрядовыхъ великорусскихъ пѣсняхъ, съ подробностями, напоминающими образъ бѣлого камня на золотомъ морѣ съ сидящей на немъ дѣвицей.

„По утру ранешенько, на зарѣ
Щебетала ласточка на дворѣ,
Всплавалось дѣвонюшкѣ на морѣ,
На бѣломъ горючемъ на камнѣ”.

Иногда этотъ бѣлый камень представляется горящимъ:

„Не отъ пламичка, не отъ огничка
Загорѣлась въ чистомъ полѣ ковыль трава,
Добрался огонь до бѣлого камешка,
Что на камешкѣ сидить младъ ясенъ соколь”.

Этотъ образъ горящаго камня напоминаетъ образъ горящаго камня въ колядкѣ о загадкахъ:

„Камень горить безъ поломеня,
А вода біжитъ безъ прогону” и т. д.

Въ другихъ вариантахъ колядки о загадкахъ мы находимъ знакомый образъ бѣлого камня, который „растетъ безъ корня”:

„Біль камінь росте безъ корінічка”

Образъ бѣлого камня среди моря встрѣчается и въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

„А на морѣ, на морѣ на синянъкомъ,
А тамъ лежавъ бѣлый камень,
А на каменѣ соколь, соколь сядзицъ”.

Очень сходенъ съ этимъ образъ малорусской пѣсни

„Ой у полі білий камень лежавъ,
А на тому каминеві сивий орель седить,
Ой седить же він седить, думу думає”

¹⁾ Майковъ, „Заклинанія” 454.

²⁾ Майковъ, „Заклинанія” 457.

Образъ бѣлого камня на морѣ встрѣчается и въ былинахъ. Добрыня говорить матери:

„Ты бы лучше меня, матушка, спородила
Бѣлымъ горючимъ камешкомъ,
Завернула бы въ тонкій бѣлый рукавичекъ,
А спустила бы меня въ синее море“.

Является вопросъ, откуда получился этотъ устойчивый образъ бѣлого камня на морѣ, о которомъ былинный герой говоритъ, какъ о чёмъ то общезвестномъ? Образъ этотъ тѣсно связанъ съ образомъ „камня алатау“.

Миологическое толкованіе этого образа Aeанасьевымъ, который видѣлъ въ словѣ алатау древнюю форму, чуть ли не восходящую къ праарійской, а въ самомъ алатау солнце,— неудачно. Основывается оно на томъ, что камень плаваетъ на морѣ, т.-е. по Aeанасьеву, на воздушномъ океанѣ, и на немъ сидитъ дѣвица Зара. Но прежде всего нужно убѣдиться, что море, по которому плаваетъ камень, действительно воздушное море, а этого Aeанасьевъ не доказываетъ, кромѣ того, врядъ ли возможно считать вѣроятнымъ образъ камня солнца, на которомъ сидитъ Зара. Почему Зарѣ должно сидѣть на солнцѣ?

А. Н. Веселовскій даетъ иное толкованіе слова и образа „алатау“.

Установивъ несомнѣнную связь представленій обѣ алатау въ некоторыхъ духовныхъ стихахъ съ камнемъ алатаремъ христіанскихъ сказаний, А. Н. Веселовскій говоритъ:

„Дальнѣйшее развитіе (sic) этого образа въ русской народной поэзіи и суевѣріи насъ здѣсь не интересуетъ: тамъ онъ претворился до неизнаваемости, до разнообразныхъ проявленій, связанныхъ другъ съ другомъ однимъ лишь общимъ понятіемъ—какой-то чудной силы, сверхъ-естественныхъ качествъ. Пользоваться позднѣйшими искаженіями и приложеніями этого образа съ цѣлью опредѣлить его первичныя формы—едва ли возможно“¹⁾.

Такимъ образомъ все, что не носитъ слѣда близости къ христіанскому представлению камня алтаря, сіонского камня и т. д.,—все это отнесено Веселовскимъ къ числу „позднѣйшихъ искаженій“.

Какія основанія имѣются налицо для такого заключенія?—Ни какихъ, кромѣ предвзятаго стремленія школы Бенфея воз-

¹⁾ Разысканія. III—V, стр. 25.

водить непременно образы народной фантазии къ книжному памятнику. Это предвзятое стремление постоянно приводить къ такому силлогизму: „образъ *A* есть въ народной поэзии, образъ *B* нѣсколько съ нимъ сходный есть въ памятнике *N*, следовательно *A* есть искаженіе *B*“.

Этотъ софизмъ Бенфеевской школы отмѣченъ Бедье въ его прекрасномъ трудаѣ о фаблѣ.

„Nous avons marqu  le caract re essentiel de la m thode indianiste: c'est de prendre un conte dans la tradition populaire vivante et de le „suivre   la piste“, d' ge en  ge, en remontant le courant des litteratures.

Le plus souvent, elle se r sume en ce resonnaiement: Soit un conte moderne; je le retrouve dans le Directorium humanae vitae. Or, je prouve que ce recueil a une origine indienne. Donc le conte est indien. Soit cet autre conte moderne: je le retrouve dans le Roman des sept sages fran ais. Or, je prouve que le livre des Sept sages remonte   un original indien. Donc le conte est indien.

Nous voici de la sorte, innocemment, malgr  nous, ramen s   l'Inde. Tant que la th orie n'a point d'argument plus probant (et souvent il en est ainsi) son raisonnement est m diocre. Il se reduit   ceci: la plus ancienne forme conserv e de ce conte est indienne; donc le conte lui-m me est indien.

Ce sophisme porte un nom dans l'Ecole: „Post hoc, ergo propter hoc“¹⁾.

Методы школы Бенфея приобрѣли у насъ въ изученіи народной поэзии господствующее значеніе благодаря зрудціи и

¹⁾ „Мы отмѣтили существенные черты метода индіанистовъ: они берутъ разсказъ въ живомъ народномъ преданіи и „прослѣживаютъ“ его изъ вѣка вѣка, восходя къ источникамъ литературного развитія.

Чаше всего этотъ методъ резюмируется въ слѣдующемъ разсужденіи:

Вотъ новый разсказъ, я его нахожу въ „Directorium humanae vitae“. Я доказываю, что этотъ сборникъ индійского происхожденія. Слѣдовательно, и разсказъ индійского происхожденія.

Вотъ другой новый разсказъ. Я его нахожу во французскомъ романѣ о семи мудрецахъ. Я доказываю, что этотъ романъ восходитъ къ индійскому оригиналу. Слѣдовательно, и разсказъ индійского происхожденія.

Пока теорія не имѣть болѣе убѣдительныхъ аргументовъ (а часто это бываетъ такъ), ея разсужденія не сильны. Они сводятся къ слѣдующему: наиболѣе древняя изъ сохранившихся редакція разсказа индійская, — слѣдовательно, разсказъ индійского происхожденія.

Этотъ софизмъ въ логикѣ носитъ название: „Post hoc, ergo propter hoc“. Bedier, „Les Fabliaux“, Paris, 1895, p. 86.

таланту А. Н. Веселовского, а съ ними перевечевалъ и отмѣченный французскимъ ученымъ софизмъ.

Чрезвычайно характернымъ является при этомъ игнорирование всѣхъ данныхъ, могущихъ дать иное объясненіе образа. У А. Н. Веселовского это игнорирование тѣмъ болѣе странно, что онъ много разъ высказывается въ пользу важности того туземного „усвоивающаго субстрата“, съ которымъ сливаются заносные представлѣнія¹⁾, но практически эта „субстратъ“ остается обыкновенно у А. Н. Веселовского безъ вниманія. Между тѣмъ эта „субстратъ“, эта слой аналогичныхъ съ усвоемыми туземныхъ представлѣній иногда является такимъ очевиднымъ, такъ легко объяснимымъ, что казалось бы его нельзя не замѣтить.

Такимъ „субстратомъ“ для представлѣнія о камнѣ алтырѣ намъ кажутся разныя мѣстныя представлѣнія о чудесныхъ камняхъ, иногда сливающіяся съ христіанскими представлѣніями о камнѣ алтарѣ, иногда свободныя отъ христіанскихъ наслоненій.

Существование этихъ представлѣній не можетъ насъ удивлять, если мы вспомнимъ, что мы имѣемъ много надежныхъ свидѣтельствъ о существованіи по всей Европѣ (и у насъ въ частности) культа камней.

Снегиревъ приводитъ слѣдующіе любопытные факты почитанія камней у русскихъ. Въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской губ. есть камни, носащіе название Башъ и Башихъ. Когда помѣщикъ ихъ рубить, на нихъ выступаютъ кровавыя пятна. Помѣщикъ, ихъ рубившій, былъ наказанъ слѣпотой, а окрестности бесплодіемъ²⁾.

Аналогичное вѣрованіе Аѳанасьевъ отмѣчаетъ въ Литвѣ. Въ Литвѣ, говорить онъ, долгое время сохранялось благоговѣйное уваженіе къ нѣкоторымъ камнямъ; объ одномъ камнѣ рассказываютъ, что когда какой-то мельникъ хотѣлъ было достать его и употребить на жареновъ, то въ глаза ему полетѣла съ камня пыль — и онъ ослѣпѣлъ; помощниковъ его также постигла небесная кара — одинъ вскорѣ умеръ, у другого отнялись руки³⁾.

Оба эти вѣрованія совершенно ясно обнаруживаютъ характеръ камня, какъ фетиша, въ которомъ живетъ духъ, — вѣрованіе широко распространенное во всѣхъ концахъ міра. О тѣхъ

¹⁾ Напр. въ „Разысканіяхъ“, XVIII, стр. 4.

²⁾ Снегиревъ. „Простонар. Праздн.“, IV, стр. 70—74.

³⁾ Аѳанасьевъ. „Поэт. Воззр“. II, 357.

же камняхъ Башъ и Башихъ Снегиревъ въ другомъ мѣстѣ разсказываетъ, что около Петрова дна народъ въ Одоевскомъ уѣздѣ стекается на поклоненіе двумъ камнямъ, „какъ на могилы родителей“. Камнямъ этимъ приписывается чудодѣйственная сила: „одни ихъ считаютъ за мужчину и женщину, другие за супруговъ, иные за кума и куму или за богатырей, обращенныхыхъ въ камни“¹⁾.

Въ этомъ фактѣ очень ясно обнаруживается почитаніе камней и ихъ значеніе какъ предковъ: къ нимъ приходятъ „какъ на могилы родителей“.

Факты явного поклоненія камнямъ можно отмѣтить и въ другихъ мѣстахъ.

Въ Переяславскомъ уѣздѣ былъ среди потока камень, къ которому ходили на поклоненіе также въ Петровъ день.

Житіе преподобнаго Иринарха, оцѣнивъ это вѣрованіе съ христіанской точки зренія, говоритъ, что въ камень этотъ вселился бѣсъ и „творить мечты“. Однако и христіанскій авторъ житія признаетъ силу этого бѣса. Преп. Иринархъ велѣлъ дьякону Онуфрію зарыть камень въ землю, дьяконъ исполнилъ это, но бѣсъ озлобился, наслалъ на него трасовичную болѣзнь и причинилъ ему много пакостей²⁾.

Чествованіе камня около Петрова дна конечно результатъ христіанскаго пріуроченія, но оно не нарушаетъ сути явленія—поклоненія камню. Само значеніе имени Петръ — камень, могло дать поводъ самого Петра рассматривать какъ божество камня. Во всякомъ случаѣ здѣсь передъ нами несомнѣнныи фактъ поклоненія; бѣсъ въ камнѣ—духъ предка, ставится бѣсомъ въ глазахъ христіанскаго писателя, не свободнаго однако отъ вѣры въ могущество этого бѣса. Свободны отъ христіанскихъ наслоеній слѣдующія вѣрованія.

Близъ Нерехты, среди рѣки того же имени, есть камень, похожій на бочку; кто осмѣлится брать у него воду, тотъ впадеть въ сумашествіе³⁾. Брать воду очевидно оскорблять духа, живущаго въ камнѣ. Характерно также, что здѣсь, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, священный камень „среди рѣки“, съ этими представлениами мы еще встрѣтимся.

Чрезвычайно характерны повторяющіеся въ разныхъ мѣстахъ рассказы о конѣ камнѣ.

1) Снегиревъ. „Простонар. Празди.“ I, 186.

2) Афанасьевъ. „Поэт. Возз.“ II, 360.

3) Снегиревъ. „Прост. пр.“ I, стр. 187.

„На Ладожскомъ озерѣ, говорить Аeanасьевъ, на островѣ Коневцѣ подъ Святой горой лежитъ большой Конь-камень (12 сажень въ окружности и 7 аршинъ въ высину), которому еще въ XV вѣкѣ приносили въ жертву коня. Въ даръ духамъ, которые обитали около этого камня и охраняли скотъ, перевозимый съ берега на островъ и оставляемый на тамошнихъ пастбищахъ въ продолженіи цѣлаго лѣта, безъ всякаго надзора, прибрежные жители ежегодно обревали по одному коню; конь этотъ погибалъ зимой, и суевѣрные крестьяне были убѣждены, что его пожирали незримые духи. Преподобный Арсеній окропилъ камень св. водой и нечистые улетѣли съ острова въ видѣ вороновъ. Въ Ефремовскомъ уѣзда, на берегу Красивой Мечи, вокругъ Коня камня до позднейшаго времени совершалось опахивание, чтобы пристановить губительное дѣйствіе скотскаго мора“¹⁾.

Объ этомъ Конѣ камнѣ Ефремовскаго уѣзда подробнѣе Аeanасьевъ говорить въ другомъ мѣстѣ такъ:

„Въ Ефремовскомъ уѣзде на берегу Красивой Мечи, близь села Козыяго есть огромный гранитный камень. Крестьяне называютъ его Конь-камень и рассказываютъ о немъ слѣдующее преданіе: въ незапамятную старину явился на берегу Красивой Мечи витязь-великанъ, въ блестящей одеждѣ на бѣломъ конѣ... въ тоскливомъ раздумы глядѣлъ онъ на рѣку и потомъ бросился въ воду, а одинокій конь его тутъ же окаменѣлъ. По ночамъ камень оживаетъ, принимаетъ образъ коня, скачетъ по окрестнымъ полямъ и громко ржетъ“²⁾.

Мы не можемъ согласиться съ Аeanасьевымъ, который въ конѣ хотѣть видѣть „видимаго представителя Бога громовника“³⁾. Для такого пониманія мы не видимъ никакихъ основаній. Конемъ представляется здѣсь повидимому духъ, заключающійся въ камнѣ. На это указываетъ приношеніе ему въ жертву коня на Коневцѣ и бѣганіе „ожившаго“ коня въ легендахъ съ Красивой Мечи. Представленіе души конемъ явленіе обычное. Мы указывали уже на обычность представленія души умершаго въ видѣ коня⁴⁾. Къ сказанному тогда можемъ прибавить авторитетное мнѣніе Вундта, который считаетъ коня однимъ изъ распространенныхъ животныхъ душъ⁵⁾. Въ этомъ сочетаніи

¹⁾ Аeanасьевъ. „Поэт. Возэр.“ II. 359.

²⁾ Аeanасьевъ „Поэт. Возэр.“ II, 676.

³⁾ Ibidem, 359.

⁴⁾ Къ изуч. малор. колядокъ, 27.

⁵⁾ Volkespsychologie. II, 2, 77.

представленія души коня и ея вмѣстимости — камня мы видимъ полную аналогію съ представленіями о душахъ деревьевъ въ видѣ живого существа, зооморфнаго или антропоморфнаго (дріады), Конь здѣсь — душа живущая въ камнѣ, какъ дріада — душа, живущая въ деревѣ. Отмѣтимъ пока характерную черту, что чудесный конь камень въ одномъ случаѣ надъ рѣкой, въ другомъ — на островѣ, и перейдемъ къ дальнѣйшимъ материаламъ.

Вѣрованіе въ души камней (и деревьевъ) очень рельефно сказывается въ одвомъ малороссійскомъ сказаніи о чумѣ, которая представлена во главѣ шествія душъ мертвыхъ. Къ этому шествію присоединяются даже деревья и камни, т.-е. души камней и деревьевъ¹⁾.

Изъ фактовъ, указывающихъ на поклоненіе камнямъ у славянъ приведемъ еще свидѣтельство Козьмы Пражскаго о поклоненіи камнямъ у чеховъ и Гельмонда о поклоненіи камнямъ у балтійскихъ славянъ²⁾. Священный камень балтійскихъ славянъ, носящий до сихъ поръ название Buskahn (Божій камень) находится въ морѣ недалеко отъ мыса Söhren³⁾. Аеанасьевъ приводить также свидѣтельство одного стариннаго русскаго проповѣдника который говорить паствѣ: „не нарицайте себѣ бога... ни въ каменіи“⁴⁾. Насколько дословно можно здѣсь понимать слова „нарицать бога въ камнѣ“ можетъ показать намъ тотъ фактъ, что повидимому у славянъ заимствовали свое божество камня — финны.

Въ Калевалѣ Леминкайненъ обращается съ такимъ заклинаніемъ.

„Вы, среди рѣки каменья,
Опѣненные утесы!
Вы чело нагните ваше
И главы спустите книзу.
На дорогѣ лодки въ красной,
На пути лады смоленой.
Если-жь этого вѣе мало,
Камень Кимио, ты, сынъ Камио!
Буравомъ ты щель продѣлай,
Проколи ты здѣсь отверстье,
Чрезъ утесь среди потока,

¹⁾ Аеанасьевъ. Поэт. Воззр. III, 111.

²⁾ Аеан. Поэт. Воззр. II, 358.

³⁾ Гильфердингъ. „Собр. Соч.“ 4, 191.

⁴⁾ Аеан. Поэт. Воззр. II, 359.

Черезъ злой подводный камень,
Чтобы лодка, не засѣвши,
Пробѣжала невредимо“¹⁾.

Характерно, что обращеніе это направлено къ камнямъ среди рѣки, какими являются чудесные камни въ большей части приводимыхъ нами славянскихъ вѣрованій. Это совпаденіе станетъ еще болѣе знаменательнымъ, если мы примемъ во вниманіе слѣдующее мнѣніе Кастрена.

„Киммо, конечно, получилось при помощи перегласовки изъ Кашто, послѣднее же очевидно произошло отъ славянскаго камень“²⁾. Этимологія Кастрена будетъ еще яснѣе, если вместо принимаемой имъ позднѣйшей формы „камень“ взять старинную „камы“, которая только и могла быть заимствована финнами у славянъ. Въ другомъ мѣстѣ Кастренъ говорить, что финны почтали единичные камни, считая ихъ мѣсто-пребываніемъ боговъ и духовъ. „Само божество моря, говоритъ Кастренъ, находилось на цвѣтномъ камнѣ, на днѣ моря. Вѣроятно жилъ въ камнѣ и Киммо, не говоря уже о духахъ болѣзней, которые находились въ камнѣ на Кірумѣкѣ (горѣ болѣзней)“³⁾.

Отмѣчаемъ здѣсь еще разъ образъ камня среди моря—какъ жилище морского божества.

Поклоненіе камнямъ не является конечно особенностью вѣрованія финновъ и славянъ. Какъ всѣ низшіе культуры оно распространено очень широко и формы его чрезвычайно сходны у народовъ античнаго міра или древнихъ индусовъ и современныхъ низшихъ расъ. Заслуживаетъ вниманія устойчивость культа камня въ Европѣ послѣ принятія христіанства. Какъ у насъ представители церкви должны были обращаться къ паствѣ съ увѣщаніемъ не сотворить себѣ бога изъ камня и даже закапывать священные камни въ землю, такъ же и на западѣ христіанству приходилось бороться съ устойчивымъ камнепоклоненіемъ.

„Существуетъ много указаний, говоритъ Леббокъ, относительно обширнаго распространенія камнепоклоненія въ западной Европѣ, откуда легко видѣть, насколько сильно оно держалось въ народѣ. Такъ поклоненіе камнямъ осуждалось въ VII вѣкѣ архіепископомъ Центербернскимъ Теодорикомъ, и, въ числѣ

¹⁾ Калевала, 468—9.

²⁾ Castren „Vorlesungen über die Finnische Mythologie“, S. 114 (примѣчаніе).

³⁾ Ibidem, стр. 200.

другихъ языческихъ дѣйствій, оно было запрещаемо въ Х вѣкѣ королемъ Эдгаромъ и въ XI Канутомъ. Соборъ, бывшій въ Турѣ въ 567 году по Р. Х., вмѣналъ священникамъ въ обязанность не допускать въ церковь всѣхъ покланяющихся камнямъ, а Magе говоритъ, что въ рукописномъ протоколѣ засѣданія собора, происходившаго въ Нантѣ въ IX вѣкѣ, упоминается о камнепоклоненіи въ Арморикѣ¹⁾.

Тотъ же авторъ приводить слѣдующую цитату изъ Дюлора о поклоненіи камнямъ во Франціи.

„Французы покланялись камнямъ еще нѣсколько вѣковъ послѣ введенія у нихъ христіанства. О существованіи этого культа свидѣтельствуютъ, какъ церковные, такъ и гражданскіе законы. Капитуларія Карла Великаго и соборъ въ Лентинѣ 743 года запрещаетъ всѣ суевѣрные обряды, совершаемые у камней и дубовъ, посвящаемыхъ Меркурію и Юпитеру. Нантскій соборъ, о которомъ упоминаетъ Регинонъ, имѣлъ такое же запрещеніе.

„Мы узнаемъ оттуда, что эти камни находились въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ и что народъ, обольщенный дьяволомъ, приносилъ туда свои обѣты и дары. Въ 789 году эти запрещенія вновь возобновляются соборами, бывшими въ Арли и Турѣ, Ахейскимъ капитуларіемъ и другими постановленіями²⁾.

Леббокъ приводить также факты позднѣйшіе—именно остатки поклоненія камнямъ у Норвежцевъ въ концѣ 18 вѣка³⁾.

Характерная аналогія въ почитаніи камней и дубовъ отмѣчена французскими источниками. Это напоминаетъ намъ сопоставленія камня и дуба въ вопросѣ Пенелопы „отъ кого происходишь—отъ камня или отъ дуба“, и въ русскомъ заговорѣ: „на небѣ свѣтель мѣсяцъ, на морѣ бѣлый камень, въ полѣ сырой дубъ; когда эти три брата сойдутся...“ и т. д. Общая черта въ вопросѣ Пенелопы—роль камня и дуба, какъ возможныхъ предковъ, и сказывается въ кульѣ того и другого.

Происхожденіе людей отъ камня мы находимъ въ греческомъ миѳѣ о Девкалоніѣ,—изъ бросаемыхъ имъ камней родились люди. Тотъ же миѳъ встрѣчается у жителей Самоса⁴⁾. Въ миѳѣ Дакотовъ происхожденіе отъ камня выражено проще. Определенные камни являются родоначальниками племени⁵⁾. Въ Меланезии возвдаютъ почитаніе камнямъ, говоря, что въ нихъ преврати-

¹⁾ Леббокъ. Начала Цивилиз. 212.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibidem, 213.

⁴⁾ Lang. Myth, Cultes et Rel. 141.

⁵⁾ Ibidem.

лись чудесных животных¹⁾). Это превращение представляет собой ничто иное, какъ вселеніе души предка животнаго въ камень. Мы видимъ, что камень является предкомъ и въ то же время вмѣстилищемъ души, но сама душа не сливается съ представлениемъ камня, а остается въ своей животной формѣ, какъ это ясно изъ русскихъ сказаний о конѣ камнѣ. Въ полномъ соотвѣтствии съ этимъ вѣрованіе Цуни (Zuni), передаваемое Лангомъ. Встрѣтить камень, имѣющій отдаленное сходство съ животнымъ, счастливое предзнаменованіе для охотника, встрѣча съ камнемъ, имѣющимъ видъ свиньи съ порослями—счастливая встрѣтка для безплодной женщины. Здѣсь совершенно отчетливо видно, что суть не въ камнѣ, а въ скрывающемся въ немъ образѣ животнаго. Наконецъ яснѣе всего значеніе камня только какъ формы животнаго сказывается въ слѣдующемъ примѣрѣ изъ вѣрованій тѣхъ же Цуни (Zuni). Одинъ изъ такихъ камней имѣлъ нѣкоторое сходство съ индѣйскимъ пѣтухомъ и его кормили зерномъ, какъ индѣйскаго пѣтуха²⁾.

Подобно дереву, камень бываетъ хранителемъ семьи. Въ Меланезіи, говоритъ Лангъ, нѣтъ сада, гдѣ бы не было камня, поставленного для плодородія³⁾.

Такое сходство въ положеніи камня и дерева въ кульѣ и въ ихъ отношеніяхъ къ душѣ заставляетъ поставить вопросъ: нѣть ли аналогіи и въ возникновеніи самой идеи о камнѣ-предкѣ и камнѣ-носителѣ души съ таковыми же, относящимися къ дереву.

Идеей, легшей въ основаніе взгляда на дерево какъ предка, легче всего могла быть идея самопроизвольнаго роста дерева. Возникшее такимъ образомъ представление о деревѣ прародителѣ привлекаетъ къ себѣ представление о душѣ предка въ видѣ животнаго, которое окончательно съ нимъ не сливается. Тоже можетъ быть нужно сказать и о камнѣ. Мысль, что камни растутъ, можно слышать даже теперь и отъ полу-интеллигентныхъ людей. Народнымъ вѣрованіямъ она присуща вполнѣ. Приведемъ при每一天 изъ колядокъ.

„Пане господарю! А на твоимъ двору,
На твоимъ двору біл камінь росте,
На тимъ камені два голуби“.

¹⁾ Ibidem 380.

²⁾ Lang, Myth Cultes et Rel., 92.

³⁾ Ibidem.

Точно также въ колядкѣ „Загадки“.

„Біл камінь росте без корінчка,
Золото горить без поломіна,
Папороть цвіте без синєго цвіту“¹⁾

Идея самостоятельного роста камня тѣми же путями вводить его въ космогонической и антропогонической миѳъ, какъ и идея самостоятельного роста дерева. Только этимъ свойствомъ камня можно объяснить его значение, какъ предка. Въ космогоническомъ миѳѣ камень является какъ нѣчто самостоятельно возникающее изъ морской глубины, какъ вырастаетъ дерево другихъ космогоническихъ версій.

Представление о первоначальномъ маленькомъ клочкѣ (камії) среди первоначального моря находилось въ слѣдующемъ тагальскомъ миѳѣ о созданіи міра. Въ началѣ было море и небо и между ними леталъ соколь. Соколу негдѣ было отдохнуть, и онъ поссорилъ небо съ водой. Небо придавило воду островами, и соколь получилъ возможность отдохнуть. Такое представление о маленькомъ клочкѣ суши средь моря, клочкѣ, изъ второго выростаетъ земля, обще многимъ космогоніямъ, между прочимъ тѣмъ, где есть мотивъ иыранія на дно. Такъ въ вогульской космогонической легендѣ, приводимой А. Н. Веселовскимъ, первая пара людей, созданныхъ богомъ, носится по морю на клочкѣ суши не больше какъ въ хижину²⁾.

Въ мордовской легендѣ, приводимой тамъ же³⁾, твореніе міра начинается съ того, что однажды, когда ничего не было, кроме одной воды, пыль Чамъ-Пасъ на камії и размышляла самъ съ собой, какъ сотворить міръ.

Точно также въ колядкѣ о построеніи Св. Софії начало творенія изображено такъ:

„А що намъ било зъ нашаду світа!
Ой не било жъ намъ хиба сина вода
Синя вода, тай білій камінь,
А прикривъ Господь сировъ землицевъ и т. д.

Здѣсь, какъ въ вогульской космогонической легендѣ, бѣлый камень на морѣ несомнѣнно первозданный камень. Образъ камня на морѣ широко распространенъ и въ русской народной поэзіи иногда съ сохраненіемъ космического значенія, иногда

¹⁾ Головацкій, III/2, 71.

²⁾ Разысканія, XI—XVII, 15.

³⁾ Стр. 8.

безъ такового. Несомнѣнно космический характеръ сохраняется въ образѣ того орла, который

На морѣ сидѣть на камени.
Аще той орель сворохнется
Сине морюшко сколыблется,
А въ деревняхъ пѣтухи поютъ".

Эти космогоническія и связанныя съ вультомъ представлѣнія о чудесномъ камнѣ и должны быть признаны усвоющими субстратомъ, на который наслояются христіанскія и христіанизированныя черты, заимствованныя изъ памятниковъ древней письменности. Къ числу такихъ, возникающихъ на мнѣической почвѣ представлений, нужно отнести и образъ чудеснаго камня среди моря, повидимому первозданнаго камня, возникшаго изъ моря въ началѣ творенія.

Непосредственно къ этимъ представлѣніямъ чудеснаго камня на морѣ примыкаетъ камень заговора: „на небѣ свѣтель мѣсяцъ, на морѣ бѣлый камень, въ полѣ сырой дубъ; когда эти три брата сойдутся вмѣстѣ, тогда у NN будутъ болѣть зубы".

Отсюда съ полной послѣдовательностью придемъ къ другимъ образамъ камня на морѣ въ заговорахъ „На чистомъ морѣ чистый камень, на камнѣ стоять дубъ крюковастый, подъ тѣмъ дубомъ сидѣть красная дѣвица"¹⁾).

„Камень бѣлый на золотомъ морѣ, на камнѣ дѣвица съ желѣзной палицей"²⁾.

„На синемъ морѣ лежитъ бѣлый горючъ камень, на этомъ камнѣ стоять престолъ Божій, на этомъ престолѣ сидѣть пресвятая Матерь, въ бѣлыхъ рученъкахъ держитъ бѣлаго лебедя, обрываєтъ, оципываетъ изъ лебеда бѣлое перо"³⁾).

Но отсюда уже прямой переходъ къ камню Алатырю.

„На морѣ Божи островъ лежитъ бѣль Латырь камень, на томъ камнѣ стоять святая церковь, въ той церкви Матерь Божья прядеть и сучитъ шелкову кудельку"⁴⁾.

Здѣсь какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ нельзѧ не видѣть христіанскаго вліянія. Но каковы его размѣры?

Самый образъ камня на морѣ не объясняется изъ христіанскихъ представлений. Если даже считать его „искаженіемъ до неузнаваемости, то почему же такое „искаженіе“ про-

¹⁾ Майковъ „Заклинаніе“ 479.

²⁾ Ibidem 457.

³⁾ Ibidem 459.

⁴⁾ Ibidem 480.

изошло и притомъ съ удивительной настойчивостью? Изъ космогонической легенды оно объяснимо вполнѣ. Необъяснимы изъ христіанскихъ представлений и нѣкоторыя детали: щипанье Богородицей лебедя, три сестры прахи; между тѣмъ оба эти образа удовлетворительно объясняются на мифологической почвѣ. Богородица съ двумя сестрами предшествія нить, несомнѣнно образъ родственный прахамъ судьбы — паркамъ, паркамъ и литовской дѣвѣ судьбы Верпѣй, которая сидѣть на небесномъ сводѣ и, какъ только человѣкъ рождается, начинаетъ прѣсть нить его жизни и прикрѣпляетъ къ его вѣздѣ¹⁾). Образъ Богородицы, оципывающей лебедя, находитъ нѣкоторое объясненіе въ ассоціаціяхъ между снѣгомъ и перьями. Аѳанасьевъ съ ссылкой на Маннгардта приводить литовскую загадку: „птица летить, перья сыплются“ — снѣговое облако. Онъ же указываетъ, что по свидѣтельству Геродота скіены говорили, что сѣверныя страны покрыты перьями. По его же словамъ, въ Англіи, когда идетъ снѣгъ, говорятъ, „что на небѣ щиплютъ гусей“, а въ Германіи — „frau Holle вытряхаетъ перину“²⁾.

Такое взаимоотношеніе христіанскихъ и не-христіанскихъ элементовъ въ образѣ заставляетъ насъ думать, что первые насытились на послѣдніе, а не обратно, и что въ разсмотрѣнныхъ нами случаахъ мы имѣемъ дѣло не съ христіанскимъ представлениемъ искаженнымъ до неузнаваемости, а съ образомъ мионическими, нѣкоторыя детали которыхъ получили христіянское истолкованіе.

Вѣроятно такого же не-христіанского происхожденія, хотя по христіански истолкованъ, и знаменитый Латырь камень въ стихѣ о Голубиной Книгѣ:

„Бѣль Латырь камень — всѣмъ каменямъ мати.
Почему бѣль Латырь камень каменямъ мати?
На бѣломъ Латырѣ на камени
Бесѣдовалъ да опочивъ держаль
Самъ Иисусъ Христостъ Царь небесный
Со двунадесяти со апостоламъ,
Со двунадесяти со учителями;
Утвердилъ онъ вѣру на камени,
Распустилъ онъ книги по всей земли:
Потому бѣль Латырь камень каменямъ мати“³⁾.

¹⁾ Аѳан. „Поэт. Воззр.“, III, 328.

²⁾ „Поэт. Воззр.“, I, 500.

³⁾ Безсоновъ „Калики“, 290—1.

Въ другомъ варіантѣ стиха о Голубиной Книгѣ этотъ бѣль Латырь камень оказывается отцомъ всѣмъ камнямъ по другой причинѣ:

„Бѣлыи Латырь камень всѣмъ камнямъ отецъ.
Почему же єнъ всѣмъ камнямъ отецъ?
Съ-подъ камешка, съ-подъ бѣлого Латыря
Протекли рѣки, рѣки быстрыя
По всей землѣ, по всей вселенную,
Всему миру на исцѣленіе,
Всему миру на пропитаніе:
Потому же камень всѣмъ камнямъ отецъ“¹⁾.

А. Н. Веселовскій говорить по поводу этого образа слѣдующее:

„Преданіе о чудесномъ камнѣ, положенномъ Спасителемъ въ основаніе Сіонской церкви; о камнѣ, спасенномъ съ Синая и положенномъ на мѣсто алтаря въ той же церкви, матери всѣхъ церквей; память о трапезѣ Христа въ сіонскомъ Соенасилум, за которой Спаситель возлежалъ съ апостолами, установилъ таинство Евхаристіи и, наставивъ тому учениковъ, послалъ ихъ въ міръ возвѣстить новое Откровеніе: таковы были материалы мѣстной легенды. Стоило было поработать надъ ними народной фантазіи, чтобы найти въ нихъ символический центръ: алтарный камень, алтарь, на которомъ впервые была принесена безкровная жертва, установлено высшее таинство христіанства. Въ русской народной поэзіи этотъ алтарь, церковно-слав. олтарь, сталъ камнемъ алатыремъ (вм. алатарь), латыремъ. Такъ въ стихѣ о Голубиной Книгѣ:

„На бѣломъ Латырѣ на камени
Бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
Самъ Иисусъ Христосъ Царь небесныій
Съ двунадесати со апостоламъ,
Съ двунадесати со учителамъ;
Утвердилъ онъ вѣру на камени,
Распустилъ онъ книги по всей землї“.

Когда обѣ этомъ камнѣ говорится, продолжаетъ А. Н. Веселовскій, что изъ-подъ него текутъ рѣки

„Всему миру на исцѣленіе,
Всему миру на пропитаніе“ —

¹⁾ Безсоновъ. „Калики“, 313.

то это не удаляет насъ отъ указанной символики, какъ и выражение, что алатырь-камень всѣмъ „камнямъ отецъ“¹⁾.

Если можетъ быть и не удаляетъ, такъ какъ христіанская символика можетъ пользоваться этимъ образомъ, какъ другими образами народно-поэтическаго происхожденія, то объясняеть ли христіанская символика происхожденіе этого образа? Огромное большинство символовъ развивается изъ реальныхъ ассоціаций, или пользуются готовыми образами извнѣ. Какая реальная христіанская ассоціація можетъ истолкововать образъ камня, изъ-подъ которого текутъ рѣки? Гораздо понятнѣе будетъ возникновеніе символа, если мы будемъ видѣть въ немъ истолкованіе въ христіанскомъ духѣ народно-поэтическаго образа. Какимъ образомъ изъ христіанской религіи могло получиться представление, что алтарь—отецъ всѣхъ камней?

Изъ космогоническихъ и другихъ народныхъ вѣрованій—это представление объяснимо легко. Естественно, отцомъ всѣхъ камней является камень первозданный, на которомъ вырастаетъ земля. Но камень по народно-поэтическимъ представлениямъ можетъ быть отцомъ и въ буквальномъ смыслѣ. „Дики, говоритъ Лангъ, приписываютъ полъ и способность рожать даже камни и скалы“.

Прекрасно объясняется изъ первобытнаго міровоззрѣнія и самая идея „отцовъ“ и „матерей“ всѣхъ вещей, которую мы находимъ въ известныхъ вопросахъ стиха о Голубиной Книѣ. О такой именно идеѣ, Тэйлоръ говорить слѣдующее:

„Въ средѣ сравнительно цивилизованныхъ перуанцевъ, Авеста нашелъ другое ученіе о небесныхъ архитипахъ. Говоря о звѣздныхъ божествахъ, онъ замѣчаетъ, что пастухи поклонялись нѣкоторой звѣздѣ по имени Овца; другая, носившая имя Тигра, защищала ихъ отъ нападенія тигровъ, и т. д.“ Вообще они полагали, что всѣ звѣри и птицы, живущіе на землѣ, имѣли свой первообразъ на небѣ, отъ которого зависѣло ихъ размноженіе и процвѣтаніе, и объясняли такимъ образомъ существованіе различныхъ звѣздъ называемыхъ Чакана, Топаторка, Мамана, Мицко, Микирии и проч.“ приблизяясь тѣмъ до нѣкоторой степени къ докладамъ ученія Платона. Съверо-американскіе индѣйцы также занимались вопросомъ объ общихъ предкахъ или божествахъ видовъ. Одинъ

1) „Разысканія“, III V, 23—24.

изъ миссіонеровъ излагаетъ ихъ понятія въ томъ видѣ, какъ онъ написалъ ихъ въ 1634 г. „Они говорятъ, кромѣ того, что всѣ животныя каждого вида имѣютъ старшаго брата, который служить какъ бы начalomъ и корнемъ всѣхъ другихъ особей. Этотъ старшій братъ удивительно силенъ и величъ. Старшій братъ бобровъ, говорили они мнѣ, можетъ быть величиною съ нашу хижину“. Другое старинное сочиненіе говоритъ, что у нихъ каждый видъ животныхъ имѣть свой архитипъ или первообразъ въ странѣ душъ; тамъ находится напримѣръ маниту или архитипъ всѣхъ быковъ, который одушевляетъ всѣхъ животныхъ этого вида“. И здѣсь, говоритъ Тэйлоръ, встрѣчается достойное вниманія совпаденіе съ идеями другой, отдаленной расы. На Буянѣ, райскомъ островѣ русскаго миѳа, живетъ змѣя, старѣшшая изъ всѣхъ змѣй; вѣцій воронъ—старшій братъ всѣхъ вороновъ; птица самая большая и старая изъ всѣхъ птицъ, съ желѣзнымъ клювомъ и мѣдными когтями, и Пчелиная Матка, старѣшшая изъ пчелъ. Въ сравнительномъ описаніи ирокезовъ у Моргана говорится объ ихъ вѣрѣ въ духа каждого вида деревьевъ и растеній, напримѣръ: дуба, бѣлоголова, клена, бруслики, малины, мяты, табаку; такимъ образомъ, большая часть предметовъ въ природѣ находится въ вѣденіи покровительствующихъ духовъ“¹).

Подводя итоги, мы приходимъ къ заключенію, что образъ чудеснаго камня гораздо болѣе удовлетворительно объясняется изъ особенностей примитивнаго міросозерцанія, чѣмъ изъ христіанскаго источника. Не отрицаю въ иныхъ случаяхъ вліянія христіанства на представление о камнѣ алатырѣ, мы думаемъ, что воздѣйствующій образъ камня-алтarya самъ усвоилъ элементъ народно-поэтическихъ вѣрованій. Это усвоеніе могло произойти на почвѣ Греціи, даже Палестинѣ. Культъ камней знакомъ и этимъ странамъ. Лангъ отмѣчаетъ, что подобно тому, какъ Дельфійцы въ праздники мазали масломъ и одѣвали въ ткани камень Зевса, также Яковъ поступалъ съ Виолеемскимъ камнемъ².

Культъ камней у русскихъ не позволяетъ сомнѣваться, что христіанство застало уже въ Россіи представленія о чудесныхъ камняхъ. Принеся съ собой съ юга родственный хри-

¹) Тэйлоръ. „Первобытн. культ.“, т. II, стр. 288—9.

²) Lang. „Mythes, Cultes et Religion“, 46.

стіанізовання представлінія, оно создало здѣсь сліяніе нѣкоторыхъ изъ туземныхъ элементовъ съ заносными, это сліяніе можетъ быть содѣйствовало христіанізації нѣкоторыхъ образовъ, но часто эта христіанізація поверхностна, такъ Богородица является то съ чертами одной изъ трехъ дѣвъ судьбы, то съ чертами миѳической женщины, щиплющей лебяжій пухъ.

Значительная часть представлений—тѣ, которые А. Н. Веселовскій считаетъ „искаженными до неузнаваемости“, остались совершенно свободными отъ христіанскаго вліянія или затронуты имъ очень поверхностино.

H. Коробка.

Историческая легенда пинчуковъ „о началѣ вѣры католической въ Пинскомъ краѣ“.

Вѣковая культурная борьба русской и польской народностей въ Сѣверо-западномъ Край, главнымъ образомъ, базируется на почвѣ религіознаго и національнаго самосознанія, причемъ въ общественныхъ слояхъ, низшихъ по своему развитію, борьба эта ведется, почти исключительно, на религіозной почвѣ. Здѣсь борющіяся стороны, кроме фанатизма, проявляютъ иногда замѣчательную изобрѣтательность въ доказательствахъ своей правоты. Кульминаціоннымъ пунктомъ въ спорѣ противниковъ о преимуществахъ католичества и православія является стремленіе доказать древность той и другой вѣры въ исторіи вообще, и въ особенности, въ исторіи мѣстной. Въ этой области противники выдвигаютъ весь запасъ своихъ скучныхъ историческихъ свѣдѣній, лучше выразиться, легендарныхъ сказаний, корень которыхъ надо искать частію въ священныхъ книгахъ, но большую частію въ спутанныхъ народныхъ преданіяхъ, дополненныхъ измышленіями народной фантазіи. Но если даже и не брать на себя трудной задачи найти исторический корень этихъ легендъ, онѣ имѣютъ этнографический интересъ, какъ своего рода произведенія народного творчества. Одна изъ такихъ легендъ довольно распространена въ древнѣйшей области Сѣверо-западнаго края—Пинщинѣ.

Проживая, назадъ тому пятнадцать лѣтъ въ Пинскѣ, я встрѣтилъ ходившую по рукамъ ветхую рукопись на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „o poczatkach wiary katolickiej w pinskiem kraju“, но она пробыла въ моихъ рукахъ очень короткое время, такъ что я не могъ тогда ей удѣлить достаточно вниманія. Недавно, собирая материалы по исторіи эпохи западно-русского

возрождения 1860-хъ годовъ, я въ архивѣ Виленскаго генераль-губернаторства нашелъ прилагаемое ниже сказаніе о началѣ католической вѣры въ Пинской области въ русскомъ переводаѣ, сходное по содержанію съ видѣнною мною ранѣе польскою рукописью. Оно входило въ составъ когда-то громкаго Лагишинскаго дѣла, къ которому оно приложено, какъ документъ, покрытый подписями многихъ лагишинскихъ обычатель—католиковъ. Это дѣло настолько интересно и характерно, что заслуживаетъ краткаго о немъ сообщенія вмѣстѣ съ историческими свѣдѣніями о м. Лагишинѣ.

М. Лагишинъ находится въ двадцати верстахъ оть г. Пинска и относится къ довольно древнимъ поселкамъ пинского края. Исторические документы о Лагишинѣ впервые упоминаютъ въ началѣ XVI вѣка, когда населеніе его и ближайшихъ мѣстностей было исключительно православнымъ, въ Лагишинѣ существовала Спасо-Преображенская церковь. Въ 1567 г. представитель одной изъ выдающихся западно-русскихъ православныхъ фамилій, подскарбій великаго княжества Литовскаго,— Война, записалъ этой церкви плацъ и три уволоки земли. Впослѣдствіи лагишинская церковь имѣла столь важное значеніе для православнаго населенія, что когда въ XVII вѣкѣ, послѣ упорной борьбы съ православными, ею завладѣли униаты, то, по Зборовскому договору (1649 г.), она снова была возвращена православнымъ вмѣстѣ съ другими четырьмя древнейшими церквами Сѣверо-западнаго Края¹⁾). Но получивъ на время защиту отъ уни, лагишинцы не выдержали натиска римско-католической пропаганды, ревностными пособниками которой явились владѣльцы Лагишина знаменитые Радзивиллы, сдѣлавшіеся въ XVII в. римско-католиками. Они, съ цѣлью привлечь къ себѣ жителей, постарались Лагишинъ, тогда уже очень значительное особое старство (удѣль), обратить въ торговое мѣстечко и выхлопотать ему у Владислава IV магдебургское право. Въ 1648 г. въ Лагишинѣ появилась ратуша, имъ стали управлять бургомистры²⁾). Но заботясь о внѣшнемъ благосостояніи лагишинцевъ, римско-католичесіе землевладѣльцы не оставляли своимъ попеченіемъ и ихъ души. Соединившись съ римско - католическими миссіонерами, они, дѣйствуя всѣми, извѣстными уже въ исторіи, способами римско - католической пропаганды, достигли того, что въ началѣ XVIII в. въ

1) Бантышъ-Каменскій. „Исторія уни“, стр. 115—116.

2) Городовое положеніе III, стр. 175. И. Г. Словарь, Семенова.

Лагишинъ появился костель, и въ теченіе этого столѣтія лагишинское населеніе сдѣлалось римско-католическимъ; были, впрочемъ, и униаты. Въ 1794 г. при первомъ возсоединеніи униатовъ къ православной церкви было возвращено изъ деревень лагишинского прихода 2.113 душъ обоего пола и двѣ лагишинскія церкви: Преображенская и Егорьевская¹⁾), но оба униатские священники не пожелали присоединиться къ православію. Это породило среди прихожанъ расколъ, вызвавшій упорную религіозную борьбу жителей, продолжавшуюся въ теченіе слѣдующаго столѣтія. Римско-католическое духовенство, пользуясь борьбой православныхъ и униатовъ, почти всѣхъ ихъ обратило въ латинство. По разбирательству 1842 г., всѣ прихожане лагишинского прихода римско-католики признаны были подлежащими возвращенію въ православіе. Но въ этомъ году сгорѣла православная церковь въ м. Лагишинъ, благодаря чему начатое разбирательство не было доведено до конца. Не дало желательныхъ результатовъ и разбирательство 1857 г. Въ 1864 г., подъ вліяніемъ пробужденія національного самосознанія, началось массовое возвращеніе римско-католиковъ въ православіе. Тогда же 8 деревень лагишинского прихода въ количествѣ 1.887 душъ возвратились въ православіе, при чмъ, оказавшись въ большинствѣ, они просили, чтобы лагишинский костель былъ обращенъ въ православную церковь. Началось новое разбирательство комиссій, состоявшей изъ духовныхъ лицъ римско-католического и православнаго вѣроисповѣданій, а тѣмъ временемъ костель былъ закрытъ, но лагишинскіе мѣщане не хотѣли подчиниться рѣшенію комиссіи и оказались въ нѣкоторомъ средостѣніи: въ силу данной подписки о принятіи православія они не могли посѣщать костель и обращаться къ ксендзамъ, а обращаться къ православному духовенству съ требами и посѣщать православную церковь—они не хотѣли, почему всѣ требы или тайно исполняли ксендзы, или прихожане оставались безъ покаянія и погребенія. Такъ появились „упорствующіе“ въшинскомъ краѣ и впослѣдствіи такое упорство получило въ краѣ нарицательное название „лагишенской вѣры“. Упорствующіе не хотѣли подчиняться административнымъ распорядкамъ и подавали прошеніе за прошеніемъ о возвращеніи ихъ въ католичество. Въ одномъ изъ этихъ прошеній на имя главнаго начальника Сѣверо-западнаго края (отъ 8 сент. 1867 г.) изла-

¹⁾ Арх. Вилен. Ген.-губерн., 1864 г., № 1511.

гается следующая легенда, покрытая многими подписями лагишенцевъ.

„Предки нась — Лагишинскихъ мѣщанъ — происходить не изъ рода православнаго, но римско-католического исповѣданія, принявшаго христіанскую вѣру прежде появленія въ здѣшнихъ странахъ православной вѣры, еще съ тѣхъ поръ, какъ жиды нахлынули въ сюю страну изъ нѣмецкой земли, состоящей въ предѣлахъ австрійскаго цесарства, находившагося въ одномъ составѣ Римскаго государства. Жидове Римскаго государства еще до Рождества Христова по гоненіямъ повыходили въ нѣмецкія страны и чрезъ побывавіе въ этихъ странахъ многихъ лѣтъ сдѣлялись настоящими нѣмцами. Изъ нихъ часть принявшихъ римско-католическую христіанскую вѣру называли нашую вѣру римско-католическую — Нѣмецкою, и россійскія лѣтописи иначе не называютъ ее вмѣсто Римско-католической — вѣрою — Нѣмецкою. Отъ этой-то Нѣмецкой вѣры сія Пинская страна имѣть начало исповѣданія римско-католическаго. Извѣстно изъ святой Евангелии Посланія святаго апостола Павла къ Римлянамъ, главы 15, статьи 28, что проникнула христіанская вѣра вскорѣ по воскресеніи Христовомъ до береговъ Океана Атлантичскаго въ Гишпанію и прочь, гдѣ между язычниками обитали жидове. Изъ нихъ одни жидове оставались закоренѣлыми въ первой вѣрѣ ветхаго завѣта, а другіе — остались при христіанской вѣрѣ — вся же страна западныхъ государствъ и понынѣ исповѣдуется римско-католическую вѣру.

Когда же тѣ жидове, которые не приняли христіанской вѣры, негодовали на другую часть жидовъ, обитающихъ въ Римскомъ государствѣ за то, что увѣровали въ Спасителя нашего Іисуса Христа, постоянно одни другихъ укорали, брали и производили большое въ народѣ возмущеніе, то Бесарь Клавдій для установленія въ своей Римской имперіи спокойствія, заблагоразсудилъ въ своемъ государствѣ выгнать воинъ всѣхъ жидовъ, какъ исповѣдующихъ христіанскую вѣру, такъ и неисповѣдующихъ, вслѣдствіе чего на 51 году отъ Рождества Христова жидове, будучи выгнаны изъ Римской Имперіи въ голодное время, упоминаемое въ Дѣяніяхъ Апостоловъ въ главѣ 11 статьѣ 28, принуждены были оные жидове и изъ нѣмецкихъ земель и Гишпаніи и изъ Рима (какъ написано въ Дѣяніяхъ Апостоловъ въ главѣ 18 статьѣ 2 и, какъ написано есть въ книгѣ житія святыхъ Іудеянина, вышедшаго изъ Италіи, называющагося Акиллы и жены его Прискиллы), искать себѣ пристанища въ менѣе населенныхъ народомъ земляхъ, —

каковыя находились въ здѣшнихъ Пинскихъ странахъ. Въ нихъ обиталъ Лаховскій народъ, имѣющій столичный свой градъ называемый Коростень, лежащій надъ рѣкою называемою Богомъ, а послѣ получившей название Стырь, отъ имени цара Стыра, имѣющаго трехъ сыновей: Чеха, Лѣха и Роса. Извъ нихъ первый Чехъ былъ владѣтелемъ въ Богеміи, названной отъ народа находящагося при Рѣкѣ Богу.—Два же послѣдніе—Лѣхъ, имѣвшій сына Добромысла и Росъ, называющійся по отцу Старо-Русь,—увидѣвъ нахлынувшихъ жидовъ-нѣмцевъ на столицу ихъ городъ Коростень, носящій до сихъ поръ одно название города того Коростена надъ рѣкою Стырью Пинского уѣзда въ Жолинскомъ имѣніи (при границѣ Вишенскаго имѣнія), оставили его. Оные Жидове, овладѣвъ всею страною, выгнали Лѣхова сына съ дядею Старо-Русомъ подъ Новгородъ. Съ того времени здѣсь Нѣмецкая римско-католическая вѣра распространилась въ нашемъ мѣстечкѣ Лагишинѣ. Здѣсь былъ одинъ выходецъ Ишпанской христіянской вѣры, онъ основаль столичный градъ, выстроенный въ области славянскихъ князей. Сказъ о сихъ славянскихъ князяхъ и славянскомъ князѣ Добромыслѣ сыне Лѣха Стыровича, и о дядѣ его Старо-Русѣ удостовѣряется исторіею, показывающею, что Дулебскія племена вышли съ Пинскаго уѣзда, которыхъ обитаніе находилось въ Диковицахъ (по нынѣ по привелегіямъ ихъ городъ есть описанъ). Вышедши же въ Новгородъ, назывались отъ Дулебовъ—Дулбажниками. Такъ въ нашемъ мѣстечкѣ Логишинѣ построенный Ишпаномъ городъ на пространствѣ четырехъ верстъ обсыпанъ былъ высокимъ валомъ, былъ столицею владѣтелей,—пришедшихъ сюда Римско-католическихъ нѣмецкихъ жидовъ. Они, жительствуя съ оставшимися Славянами, приняли славянскій языкъ и признавали, по прежнему въ нѣмецкой землѣ жительства, вѣру Римско-католическую, званую нѣмецкою. По русскимъ лѣтописямъ и князь ихъ, владѣющей здѣсь на Лаховскихъ областяхъ, прозвантъ былъ Лахомъ, нося княжеское достоинство въ нѣмецкомъ нарѣчіи Герцунъ-Лахъ,—Ширма, котораго потомки въ сихъ странахъ по нынѣ находятся. Онъ, владѣя надъ жидами и нѣмцами, владѣлъ рѣкою Пиною и Припетю и былъ съ Киевомъ въ коммерческихъ соображеніяхъ. Узнавъ, что святый Владиміръ Святославовичъ предполагаетъ въ 988 году по Рождествѣ Христовомъ оставить языческую вѣру, по повелѣнію папы Римскаго, предлагалъ, не согласится ли принять эту нѣмецкую римско-католическую вѣру, а впрочемъ хотя жировскую, котопая на основ-

вания Священного Писания сдѣлалась и христіанская. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что въ Пинскихъ странахъ римско-католическая нѣмецкая вѣра освѣтила народъ прежде времени появленія здѣсь православной вѣры.

Выведенныи факты есть настоящая истина, заимствованная изъ историческихъ фактovъ, не имѣющихъ никакой въ истинѣ сомнительности. Первый городъ Новгородцевъ, былъ указанный городъ Коростень, лежащий нынѣ въ Волынской губерніи Овручскомъ уѣздѣ, мѣстечкѣ Накорости. Быть можетъ вышедшіе изъ Коростена люди называли то мѣстечко Накорость,—а настоящій Коростень есть вышепоказанный въ Пинскомъ уѣздѣ, въ предѣлахъ Жолкинского имѣнія надъ рѣкою Стырью, въ древнѣйшія времена называемой Богомъ отъ преславнѣйшаго языческаго капища богини Лады, выстроеннаго по лѣвому берегу рѣки Стыри, гдѣ понынѣ существуетъ отъ онаго капище название деревушки Ладорони.

Все это соотвѣтствуетъ исторіи славянскихъ князей,—что дѣйствительно изъ Стыри, Корости отъ нахлынувшихъ нѣмецевъ римско-католиковъ и жидовъ вышелъ народъ въ сѣверные страны съ народомъ, называемымъ Лаховитянами. Дуле-баны, Емане—народы поселившіеся у Пскова и возлѣ Новгорода, особенно въ селѣ Лаховичахъ и Старо-Русѣ, оные имѣютъ подобное наименіе здѣшнему народу. Находящаяся отъ Новгорода въ 125 верстахъ Старая-Русса названа есть отъ избранной тамъ столицы Русомъ, вышедшими изъ сихъ странъ.

Изъ Чуди, Ями и Плескова возлѣ города Коростена (построеннаго) Лаховянскимъ княземъ сыномъ Стыра Русомъ и Добромысломъ, Россійские князья впослѣдствіи укрѣпились въ Новгородѣ, а оставленныи области владѣемы были Римско-католическими нѣмецкими князьями Герунами-Лахами-Ширмами, кои Латинскую вѣру защищали, находясь сами римско-католиками, (защищали) предковъ лагишинцевъ и отъ татарь, а также во время нашествія на Новгородъ со Шведами нѣмецкихъ рыцарей около 1240 года съ Римско-католическими монахами, находившимися при дворѣ татарскаго хана Гаюка въ Монголіи—въ тѣ поры, какъ почти вся Россія была завоевана татарами. Что римско-католическая вѣра въ нашемъ мѣстечкѣ Лагишинѣ не нарушилась, когда Шведы напали было на наше мѣстечко Лагишинъ, о семъ свидѣтельствуетъ народная пѣснь въ нашемъ мѣстечкѣ Лагишинѣ до сихъ поръ разного возраста лагишинскими мѣщанами, спѣваемая въ 9 стихахъ, слѣдующихъ на польскомъ языке описанная:

стихъ 1-й:

„Najświętsza Panno w Lahiszinskim obrazie — w kościele zostajesz, widzieć się dajesz — widzenia żądamy do ciebie uciekamy — chowaj nas u Syna, Panno jedyna“;

стихъ 2-й:

„od Ruiny Szwedzkiej w Lahiszynie została, — od Szwedzkich rąk sobie spodobała — Pszez Ałaburde była gdzieś wzięta — Matko Przeiczysta — Panienko święta“;

стихъ 3-й:

„W domu Maliszewskich, była zapomniana — od przeszłych mieszkańców, kościółowi ofiarowana — Ateraz zostajesz, jak u jasnym Niebie — My grzeszni ludzie — prosimy ciebie;“

стихъ 4-й:

„Jednego czasy, gdy miasto paliło — ogniem żarczym, z dymem waliło — Już y przysady, kościelne gorzeli, — ogniem żarczym, do dachu nie tknęty“;

стихъ 5-й:

„Matka i Panna, swemi łascami — okryła płaszczem, i naszemi łączami — Bo bez nadziei, kościół ocaliła — swemi cudami, toć to sprawiła“;

стихъ 6-й:

„Tej monarchini, zdawna doznaei — chore kalecy zdrowemi stali — Nędzne sieroty, wdowy i mężatki — Mieli wyzywienie, jak u swajey Matki“;

стихъ 7-й:

„Prosmы w Zakonie, xiędu Lahiszynskiego — żeby nam przeczytał, wszystkie cuda tego — żeby nam ogłosil, wszistkim w kościele — Bardzo młody lud niewie co dzeje“;

стихъ 8-й:

„Teraz my wszystkie, głowe skłaniajmy — Najśwetszej Pannie, modły składajmy — żeby nam uprosiła, w Trojcy swego syna, — aby tu nie była, żadna Ruina“;

стихъ 9-й:

„Trojca Przesweta we trzech osobach — Błogosław ten lud, w każdych sbosobach — Byśmy tu żyjaia, ciebie wychwalali — Po smierci wiecznie, Niebo dostali“.

„Эта письма доказываетъ, что предки Лагишенскихъ мѣщанъ еще до временъ вышеписанныхъ нашествий на сю страну Шведовъ съ нѣмецкими рыцарями исповѣдали христіанскую и римско-католическую вѣру и тогда въ своемъ мѣстечкѣ Лагишинѣ имѣли латинскій костелъ“¹⁾.

Слѣдуютъ подписи лагишенскихъ мѣщанъ.

Очень сожалѣмъ, что въ настоящее время не имѣемъ подъ руками, видѣннаго нами ранѣе, подлинника легенды: онъ сказалъ бы намъ болѣе, чѣмъ предложенный переводъ, сдѣланный какимъ-то полуинтеллигентомъ, претендовавшимъ на „ученныя слова“, но не владѣвшимъ правильно литературною русскою рѣчью, что особенно часто встрѣчается среди ксендзовъ, которые въ тому же большіе охотники до всякаго историческаго сочинительства, особенно въ области своей церковной исторіи.

Разобрать приведенную легенду—это значитъ взять на себя нелегкій трудъ распутать клубокъ гнилыхъ нитокъ, которыя не разъ придется надвязывать и все-таки оказаться въ возможности добраться до средины,—узнать вѣроятную историческую правду. Но все-таки, какъ историческое вѣрованіе народа, за которое его вожакамъ пришлось испытать тюрьму и поселеніе, какъ своего рода исповѣдь цѣлой большой области,—приведенная легенда имѣть свою цѣну.

A. Милославъ.

¹⁾ Арх. Вилен. Ген.-губерн., 1864 г., № 1511, лл. 72—73.

Якуты въ ихъ домашнѣй обстановкѣ.

(Этнографический очеркъ).

В. Ф. Троццанскаго¹⁾.

(Окончаніе).

II.

Чтобы познакомить читателя съ якутской юртой, я предполагаю разсказать, какъ она строится, такъ какъ при обыкновенномъ описаніи, можно, пожалуй, наговорить вдору, какъ это и случилось съ однимъ ученымъ изслѣдователемъ Якутской области, у которого юрта врылась какъ-то угломъ въ землю²⁾.

При выборѣ мѣста для постройки юрты стараются, чтобы оно имѣло наклонъ на востокъ или на югъ, такъ какъ это счастливый наклонъ, а наклонъ на сѣверъ и западъ—несчастливый. Я уже говорилъ, что двери обыкновенно выходятъ на востокъ, а потому каждая изъ стѣнъ обращена къ какой-либо одной странѣ свѣта. Приступая къ постройкѣ юрты, вкапываютъ, прежде всего, четыре угловыхъ столба (базана=маназана) толщиною въ 4—6 вершковъ въ диаметрѣ. Сначала вкапывается юго-западный столбъ, который у якутовъ пользуется почетомъ; вкопавъ его, кладутъ на него сверху конскій волосъ изъ гривы—въ видѣ жертвы; столбъ этотъ служить мѣстопребываніемъ духа юрты, и на немъ виждется, по мнѣнію якутовъ, вся прочность жилища; волосъ—жертва самому столбу, чтобы онъ не обвалился ни вообще, ни теперь, во время постройки юрты. Еще

¹⁾ Автора изслѣдованія: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ“. Казань. 1902.

²⁾ Авторъ имѣлъ въ виду М. С. Врученіча и его сочиненіе: „Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области“ (Записки И. Р. Г. Общества по отдѣленію Этнографіи, т. XVII, вып. II. Спб. 1891). Въ свое время г. В. И. по-мѣстиль въ „Этнографич. Обозрѣніе“ подробный разборъ этого „сочиненія“ въ противовѣсь незаслуженно-лестному отзыву редактора „Вѣстника Европы“ (1891, октябрь: Литерат. Обозрѣніе).

и теперь акутскіе плотники рассказываютъ, что очень недавно юрты строились такъ плохо, что тутъ же обваливались. Въ верхнемъ концѣ каждого углового столба вырубается выемка,— такъ, чтобы можно было, сдѣлавъ соответствующій вырѣзъ въ балкѣ, служащей боковой матицей, соединить сѣверные столбы съ южными попарно и чтобы балка не могла податься на сторону, а для устраненія возможности движенія по длини дѣлаются на ея концахъ еще вырѣзы, которыми она захватывается каждый столбъ съ сѣверной и южной сторонъ. Затѣмъ, на концы двухъ такимъ образомъ укрѣпленныхъ балокъ, соединяющихъ попарно угловые столбы, кладутся еще двѣ перпендикулярно къ нимъ [сѣбѣрганы или сѣгурганы],—тутъ опять дѣлаются надлежащіе вырѣзы для устраненія движенія въ какую-либо сторону. Въ большихъ юртахъ устанавливается и третья балка между этими двумя,—такъ, чтобы она раздѣлила юрту на двѣ части, изъ которыхъ одна, лѣвая отъ входа, будетъ большей; подъ концы этой балки, а также подъ средину остальныхъ ставятся подпорки [туласын]. Чтобы образовать крышу на два ската, прикрѣпляютъ на каждую изъ этихъ балокъ по 3 обрубка, кладя ихъ по длини, причемъ средній значительно толще крайнихъ, которые отстоять отъ наружныхъ стѣнъ и отъ средняго обрубка на равномъ разстояніи, а затѣмъ кладутся поперекъ на эти обрубки 3 матицы [усуб или сіс мас], и получается такимъ образомъ 4 пролета, заполняющіеся бревнами вершка 2—3 толщиною и аршина въ полтора длиною, плотно прикладываемыми другъ къ другу. Когда поднимаются среднюю матицу, то ее предварительно вымазываютъ масломъ,— тоже жертва; хозяева и рабочіе Ѹдѣятъ при этомъ саламату [саламат] и сору [сурат]—простоквашу изъ варенаго молока съ масломъ. Крышу затѣмъ обкладываютъ либо мхомъ, либо сѣномъ, а сверху набрасываютъ корыѣ и затѣмъ уже насыпаютъ землю, но все это такъ плохо дѣлается, что крыша обращается во время сильныхъ дождей въ рѣшето. Для того же, чтобы образовать стѣны, выкапываютъ, хотя и не всегда, ровчики въ видѣ четырехугольника на разстояніи 6—7 четвертей наружу отъ угловыхъ столбовъ и параллельно соединяющимъ ихъ линіямъ, а затѣмъ ставить торчма бревна такъ, что нижній конецъ помѣщается въ ровчики, а верхній приваливается къ балкамъ, связывающимъ угловые столбы. Такимъ образомъ, получаются во внутрь наклонные стѣны, въ которыхъ устраиваются окна и двери и также съ наклономъ. Бревна, употребляемыя для крыши и стѣнъ, очищены отъ коры только на

половину по всей длине, и въ юрту выходятъ гладкія стороны, а наружу покрыты корой. Однако у якутскихъ юртъ большою частью устраиваются только три такихъ стѣны, такъ какъ съ сѣверной стороны пристраивается хотон, который строится такъ же, какъ и юрта, но небрежнѣе и съ бревенъ не снимается кора вовсе,— со стойлами и съ деревяннымъ поломъ изъ мелкихъ кругляковъ, покрытыхъ корой. Поль—самый неудобный какъ для скота, которому приходится балансировать по сырьимъ круглякамъ, кое-какъ положеннымъ, такъ и для женщинъ, очищающихъ его ежедневно отъ нечистотъ; поль, къ тому же, представляетъ какъ бы шахматную доску съ квадратиками различной величины, изъ которыхъ, притомъ, нѣкоторые болѣе углублены. Такой видъ получается оттого, что бревна одного квадрата влѣдутся перпендикулярно къ бревнамъ другого, а это обуславливается тѣмъ, что скотъ стоитъ не по одной линіи, а въ различномъ направлениі. Разумѣется, чистить такой поль очень трудно, да якутки не особенно хлопочутъ о чистотѣ: выбрасывается изъ хотона то, что можетъ быть взято на лопату, а остальное остается на мѣстѣ для гніенія и распространенія того отвратительного запаха, о которомъ я говорилъ выше. Чаще всего хотон ничѣмъ не отдѣляется отъ юрты, а если и отдѣляется, то легкой перегородкой, въ которой оставляется отверстіе для прохода скота. Затѣмъ, въ юртѣ устраиваютъ ороны [неподвижная лавка] и каминъ. Ороны, какъ и въ урасѣ, занимаютъ то мѣсто, которое образуется отъ линіи, соединяющей угловые столбы между собою, до наружной стѣны. Юрты богачей устраиваются нѣсколько иначе и часто безъ хотона, но по тому же типу; онѣ рѣдко имѣютъ деревянный поль, но если и имѣютъ, то еще рѣже якуты его моютъ. Я видѣлъ только у двухъ богачей юрты съ полами и только у одного поль былъ чистъ, но за то это—едва ли не самый богатый и во всякомъ случаѣ самый влиятельный якутъ во всемъ округѣ. Постройка битаго камина [сімі осох] начинается съ того, что дѣлаютъ изъ бревенъ или жердей его остовъ, или, точнѣе сказать, облицовку, въ которой устраивается будущее устье, закрываемое временно досками, а затѣмъ нѣсколько якутовъ лѣзутъ на крышу, всыпаютъ въ деревянную облицовку глину и убиваютъ ее длинными жердями; когда работа дойдетъ до половины, вставляютъ гладко обстроганное бревно, сплошное, либо со сквознымъ продольнымъ дупломъ, а затѣмъ обсыпаютъ его вокругъ глиною, которую утрамбовываютъ такимъ же способомъ. Когда работа доведена до конца, то сплошное бревно

осторожно вынимают и получается отверстие для трубы, а если было вставлено дуплистое, то его не трогают, ибо оно само сгорит¹⁾). Каминъ ставить въ съверо-восточномъ углу юрты, но такъ, чтобы можно было ходить вокругъ него свободно; устье обращено къ юго-западному углу, такъ что лучи камина идутъ по діагонали къ тому столбу, который, какъ я сказалъ, охраняетъ юрту отъ разрушенія. Южный орон юрты около этого столба считается самыми почетными мѣстомъ,—тутъ на полѣ имѣются въ настоящее время иконы, передъ каждой изъ которыхъ прильпана восковая свѣча; одна изъ нихъ обыкновенно зажигается хозяиномъ во время вечерней молитвы,—я не помню, чтобы зажигали во время утренней. У состоятельныхъ якутовъ въ этомъ углу стоитъ крашеный столъ съ разными вычурами; онъ не употребляется для хозяйственныхъ надобностей, да и, какъ мнѣ помнится, онъ выше обыкновенныхъ столовъ; на немъ служать молебны, пишутъ, при случаѣ, и—только. Онъ стоитъ обыкновенно на небольшомъ квадратномъ земляномъ возвышеніи, обложенномъ кругомъ деревянными плахами, и похожъ на прежній ихъ очагъ. Я не рѣшаюсь дѣлать сближеній, но обращаю вниманіе на это сходство, особенно знаменательное въ виду значенія углового столба, у основанія котораго устроены эти очаги.

Въ каждой юртѣ имѣется свой духъ дома (б а л а б а н і ч ч і т ы), который и кочуетъ вмѣстѣ съ хозяевами, такъ что это въ то же время и духъ семьи. Если поселяются двѣ семьи вмѣстѣ, то въ юртѣ живеть духъ хозяевъ, а если образуется новая семья и переѣзжаетъ въ новую юрту, то для нея создается духомъ земли новый домовой. Нужно замѣтить, что богъ огня и домовой—отдѣльные существа. Якутская семья, при каждомъ переѣздѣ въ другую юрту, разводитъ, прежде всего, огонь, принеся углей отъ сосѣдей или добывъ его кресаломъ, затѣмъ варять саламату, которую большуха раскладываетъ по отдѣльнымъ чашкамъ, по числу наличныхъ ртовъ, такъ какъ каждый якутъ—взрослый и ребенокъ—всегда есть одинъ изъ чашки. При этомъ откладывается немного и духу дома въ отдѣльную посудку, которая ставится съ лѣвой стороны камина, т.-е. съ восточной, где и стоитъ до слѣдующаго дня, когда, затѣмъ, уносится въ хотон

¹⁾ У автора описано здѣсь устройство такъ называемаго „битаго камина“ (сімі осох), встрѣчающагося сравнительно рѣдко и обыкновенно у зажиточныхъ якутовъ; большую частью дѣлается „мазанный каминъ“ (сыбах осох), который мѣстные русскіе называютъ „камелькомъ“ (см. Сирошеевскій, стр. 355).

и тамъ гдѣ-нибудь оставляется; ему же даютъ еще и соры съ масломъ. Но почему жертва относится въ хотон, гдѣ имѣется специальный духъ, покровитель скота (Нячи хотун, ха-час діакі)? Ужъ не думаютъ ли якуты отѣлаться одной подачкой? Весьма вѣроятно, такъ какъ они отчаянныескареды. И въ самомъ дѣлѣ, покровительницѣ скота дѣлается такой подарокъ, да и то разъ навсегда: сущать изъ конской гривы веревочку и протягиваются ее надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ обыкновенно стоять телята, на нее навѣшивается 9 крошечныхъ берестяныхъ ведерокъ наподобие тѣхъ, въ которыхъ надаиваются молоко, и 9 такихъ же телячьихъ намордниковъ, которые надѣваются на телятъ, чтобы они не высасывали молока, но могли бы въ то же время щипать траву; въ промежуткахъ навязываются пучки изъ конской гривы. Но, кроме этихъ жертвъ, при перебѣзѣ въ юрту бросаются еще и въ огонь немногого саламаты,—это жертва богу огня. Если въ семѣ имѣется много дѣтей, то въ огонь вливаются еще ложку топленаго масла, а если одинъ ребенокъ или дѣтей совсѣмъ нѣтъ, то это масло остается въ экономіи, и принесеніе въ жертву масла откладывается до какого-либо другого случая. Когда я спросилъ, какая связь между количествомъ дѣтей и количествомъ жертвы, то мнѣ отвѣтили, что такъ какъ огонь и никто другой насыщаетъ на дѣтей разныя накожныя болѣзни, то многосемейному приходится быть щедрѣ. Не только якуты вѣрять въ такое дѣйствіе огня, но даже одна попадья увѣряла меня, что огонь дѣйствительно насыщаетъ струпья, и привела въ доказательство случай съ ребенкомъ ея работника-якута. Ребенокъ покрылся струпьями оттого, по ея словамъ и словамъ якутовъ, что въ огонь нечаянно попалъ кусочекъ лучины, запачканной испражненіемъ ребенка. Такимъ образомъ, нужно тщательно остерегаться, чтобы не нанести какъ-нибудь оскорблѣнія богу огня, который, какъ видно, очень мстителенъ; въ огонь нельзя ни плевать, ни плескать воду, ни тыкать ножомъ или чѣмъ-либо острымъ, чтобы не поранить бога огня.

Когда я пожелалъ узнать, считаются ли якуты бога огня добрымъ или злымъ, то изъ разспросовъ ничего определенного нельзя было вывести: одни признавали его добрымъ, потому что онъ грѣеть, свѣтитъ, варитъ пищу и т. д., другіе же, и ихъ было большинство, признавали его злымъ духомъ, потому что малѣйшее прикосновеніе его причиняетъ большія несчастія, сжигая строенія, и нестерпимую боль, часто обжигаетъ людей, а въ особенности дѣтей, насыщаетъ болѣзни и т. д. Уяснить связь между огнемъ и струпьями дѣтей можно только слѣдую-

щимъ образомъ: огонь, непосредственно обжигая тѣло, обрѣзаетъ струпья, не отличающіеся по наружному виду отъ всѣхъ другихъ струпьевъ; съ другой же стороны—дѣти чаще всего обжигаются, а потому якутъ видѣтъ, что огонь чаще всего искать на дѣтяхъ и что они же чаще всего покрываются вообще струпьями, а, слѣдовательно, это тоже месть бога огня.

Всегда ли богъ огня имѣть такой двойственный характеръ? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить категорически, но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что персидскій богъ свѣта и добра—Ормуздъ создалъ изъ огня всѣ чистыя существа, что у персовъ огонь—источникъ жизни и души человѣка, что отъ—источникъ нравственной и физической чистоты. У монголовъ сохранилось кое-что изъ этихъ вѣрованій, а у якутовъ изъ нихъ сохранилась только вѣра въ очистительную силу огня, да и то только преимущественно въ сферѣ физической. Такимъ образомъ, въ то время какъ у монголовъ богъ огня сталъ добрымъ богомъ, у якутовъ онъ сохранилъ двойственный характеръ, смотря по тому, обращаютъ ли они вниманіе на его благодѣянія или на вредъ, имъ причиняемый, но всегда разсматриваютъ вопросъ съ точки зрењія утилитарной. Замѣчу, что, по понятіямъ монголовъ, „многія болѣзни, особенно наружныя, и пожаръ—слѣдствіе гнѣва Утъ“, бога огня (Черная вѣра Банзарова, 24).

Огонь, какъ я сказалъ, играетъ роль силы очистительной, разгоняя всякую нечисть. Люди, отозвавшіе покойника на кладбище, очищаются, переступая черезъ огонь,—такимъ же образомъ очищается быкъ, на которомъ возили трупъ, сани и другие инструменты, употреблявшіеся при погребенії.

Самый чистый и священный огонь—молнія, а потому пожаръ отъ нея не тушится. Она очищаетъ все, на что упадетъ, и дерево, разбитое молніей, считается чистымъ, а зажженныя лучины отъ такого дерева употребляются при обрядѣ очищенія. Въ старину, передъ началомъ неводьбы, шаманъ зажигалъ такую лучину и, стоя на льду среди озера, махалъ ею по всѣмъ направлениямъ, произнося заклинанія; это дѣжалось съ тою цѣлью, чтобы очистить мужчинъ и женщинъ отъ возможной въ нихъ нечисти. Въ настоящее же время, когда шаманы не совершаютъ публичныхъ обрядовъ, всѣ жители той юрты, въ которой недавно былъ покойникъ, и всѣ посѣтители ея не могутъ до новолуния вступать на ледъ озера, пока не кончится неводьба, а стоять, какъ я самъ видѣлъ, на берегу. Новый неводъ очищается при помощи такой же зажженной лучины; ею же размахиваетъ шаманъ, когда онъ, во время падежа конного скота,

камлаетъ съ цѣлью прогнать эпидемію. Мясо скотины, убитой громомъ, признается цѣлебнымъ. Огонь, кромѣ того, является посредникомъ между человѣкомъ и другими духами при жертвоприношениіи, хотя и не всегда, какъ я сейчасъ же скажу. Хозяйка, принося жертву богинѣ, покровительствующей коровамъ, береть глиняный черепокъ или горшокъ, накладываетъ горящихъ угольевъ, относить въ хотон и тамъ на уголья выливаетъ ложку масла. Тутъ огонь является посредникомъ. Но вотъ хозяйка смазываетъ масломъ верхнюю жердь яслей, въ которой привязываютъ телать,—это жертва непосредственная; такъ какъ это божество, специально завѣдующее здоровьемъ телать, слизываетъ масло; если не принесутъ этой жертвы, то новорожденные телята передохнутъ отъ поноса.

Хозяйка дома есть и главная хранительница очага, покровителя семьи. Только она имѣеть право проходить мимо камина съ передней его стороны,—всѣ же остальные женщины обходить его сзади. Если передъ каминомъ сидѣть или стоять хозяинъ дома или почетный гость, то и хозяйка не проходить между ними и каминомъ, если бы даже мѣсто и позволяло, а обходить ихъ сзади. Во время менструаций женщина не можетъ касаться огня и даже близко подходить къ нему, точно также роженица и бывшая при ней повитуха не могутъ до новолуния входить въ ту часть юрты, которая освѣщается огнемъ камина. Невѣста, вступая въ домъ жениха, бросаетъ въ огонь нѣсколько палочекъ, заранѣе приготовленныхъ, а затѣмъ выливаетъ туда же топленого масла,—послѣ этого она ужъ членъ семьи. Очевидно, что бросаніе палочекъ — символъ разведенія огня, чтѣ можетъ дѣлать только членъ семейства и чтѣ дѣлаютъ только женщины. У монголовъ вступающій въ члены семьи поклоняется богинѣ огня и приносить ей жертву. То же самое дѣлаютъ въ день свадьбы женихъ и невѣста, въ чемъ и выражается обрядъ бракосочетанія.

Въ кузницѣ передъ каминомъ врыть такъ называемый стуль для наковальни, и только кузнецъ — хозяинъ можетъ пройти между каминомъ и этимъ стуломъ,—всѣмъ же остальнымъ строго воспрещается.

Вся мебель юрты состоитъ изъ одного или двухъ столовъ [остуол], чаще круглыхъ, о трехъ ножкахъ, и изъ табуретокъ [олох мас] разной величины. Табуретки слѣланы довольно остроумно. Берутъ 4 таловыхъ прута толщиною въ полвершка и длиною аршина въ полтора; на каждочкѣ изъ нихъ дѣлаются два вырѣза—такъ, чтобы, если согнуть прутъ, получилась буква П и чтобы можно было вставить въ мѣста изгиба сво-

бодные концы другого такого же П,—концы закругляются и на нихъ дѣлаются заплечики. Такимъ образомъ вставляются другъ въ друга всѣ прутья и получается оставъ скамьи; сидѣніе дѣлаются изъ тонкихъ досочекъ, врѣзанныхъ въ верхнія ребра. Кроме этой мебели, имѣется еще сундукъ [цасыкъ=русс. ящикъ], величина которого зависитъ отъ степени зажиточности семьи; въ немъ хранится подъ замкомъ все болѣе или менѣе цѣнное: серебряные браслеты, шелковый головной платокъ, а то и просто какая-нибудь дрянь, которая можетъ имѣть цѣнность только въ глазахъ якутки.

Хозяйственный инвентарь семьи очень несложенъ. Прежде всего и главнѣе всего, въ каждой семье имѣется многое множество берестяной посуды [ту ос ісітъ], въ которой лѣтомъ стоять молоко въ подпольѣ дней 5—6 для образования сливокъ или сметаны. Затѣмъ имѣется не мало деревянныхъ чашекъ [кытыя] разной величины для пищи,—онѣ выдалбливаются изъ березы или изъ лиственницы при помощи особаго инструмента. По краямъ чашки вырѣзаны съ наружной стороны незатѣйливыя украшенія; чашка обтянута вверху обручикомъ изъ латуни или изъ желтой мѣди; къ обручику придѣланы оловянные привѣски. У зажиточныхъ якутовъ эти чашки—отъ 15 до 20—поставлены въ рядъ на одну полку, и нѣкоторыя изъ нихъ [кытахъ] очень большихъ размѣровъ. Далѣе идутъ горшки [кубсъ], которые якутки сами дѣлаютъ, но не всѣ, потому что не всѣ умѣютъ, подобно тому какъ и чашки выдалбливаются не всѣми якутами,—большинство покупаетъ и ту и другую посуду. Не маловажную роль въ хозяйствѣ якутки играетъ мутовка [ытыкъ]. Это палочка въ аршинъ длиною, на концѣ которой насаженъ небольшой отрѣзокъ полаго рога съ пробуравленными въ нѣсколькихъ мѣстахъ дырками. Такой мутовкой сучать всякую болѣе или менѣе жидкую пищу во время ея приготовленія, мѣшаютъ тѣсто для оладій, сбиваютъ масло и т. д. Для сбиванія же сливокъ употребляется мутовка [кубрчахъ], у которой вместо рога насаженъ деревянный кружокъ съ вырѣзами по радиусу на наружной сторонѣ. Если къ этому прибавить еще деревянные ложки собственнаго издѣлія, таганъ, сковороду, желѣзную лопатку для поворачивания оладій, когда они пекутся, нѣсколько фарфоровыхъ чашекъ съ блюдцами и мѣдный чайникъ, то получится вся посуда якута средняго достатка¹⁾). Затѣмъ нужно упомянуть, что у всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи имѣется по ножу [бысахъ], который носится въ ножнахъ за го-

¹⁾ Вся эта посуда носитъ русскія названія.

ленищемъ или на поясъ. У болѣе зажиточнаго якута вы встрѣтите мѣдные котлы (алтан солур) для варки пищи, самоваръ, а у богача нѣсколько самоваровъ разной величины, хорошую и разнообразную чайную посуду, столовую, чаще всего эмалированную металлическую, серебряныя ложки и вилки издѣлія якутскихъ кузнецовыхъ, разные графинчики, рюмки и даже бокалы, но все это держится подъ замкомъ, такъ что, войдя въ юрту богача, вы ничего не увидите такого, изъ чего бы можно было заключить о степени достатка хозяина. Только по большей или меньшей чистотѣ и просторности юрты отчасти можно судить о достаткѣ; но и то только у болѣе или менѣе тронутыхъ русской культурой. Впрочемъ, самовары всегда на виду и у богачей демонстративно блестятъ.

Но святая святыхъ у зажиточнаго и особенно у богатаго якута — шкатулка, прочно сдѣланная и запирающаяся на замокъ. Въ ней хранится домашній архивъ, состоящій изъ разныхъ черновыхъ прошений, расписокъ, записей, счетовъ и т. д.; всѣ эти свидѣтельства изворотливости якутскаго ума и безстыдѣйшей эксплоатации съ примѣсью неимовѣрнаго сутажничества доступны только главѣ семьейства. Впрочемъ, у какого-нибудь просвѣщенаго якута въ этомъ же ящикѣ лежать разныя фотографическія карточки и вдобавокъ въ рамкахъ, — ихъ показываютъ близкимъ знакомымъ и особенно почетнымъ русскимъ гостямъ.

Большинство якутовъ имѣеть только самую необходимую одежду, да и то въ одномъ экземплярѣ. Якуть никогда не заводить болѣе одной пары бѣлья — ни для себя, ни для членовъ семьи; между прочимъ, женщины лѣтомъ также носятъ дабовые штаны. Бѣлье у якутовъ никогда не моется, а носится, пока не изорвется въ клочья, не допускающіе починки. Только у богачей имѣется 3—4 пары бѣлья, которое изрѣдка моется, но отъ этого мало толку, такъ какъ грязь никогда дочиста не смыывается, да и мудрено смыть ее, если бѣлье носится мѣсяцъ и больше и если почти совсѣмъ не употребляютъ мыла. Якутки увѣряютъ, что бѣлье отъ мытья скоро изнашивается, а потому онѣ его не моютъ, но онѣ почти никогда не моютъ и чайную посуду, и обѣденную, — послѣднюю только тщательно вылизываютъ. И бѣда, если якутка вздумаетъ щегольнуть передъ вами чистотой и станетъ мыть посуду, чайную или обѣденную — все равно: она будетъ вытираТЬ ее подоломъ собственной рубахи...

Кое у кого имѣются небольшіе жернова [тас или сурона]; въ каждой семье имѣются бычы сани [буссыарбата], на которыхъ возять сѣно и дрова, да еще топоръ (сүгѣ) и пепни [аини], а затѣмъ ничего больше. Сохи и бороны можно найти

только у бояре зажиточныхъ; у посельскихъ часто имѣется хотя одна лошадь, а, слѣдовательно, съдло [ынѣр] и наряда [иартаг].

Нужно замѣтить, что якуты любятъ заводить себѣ разную одежду, которая всегда у нихъ хранится въ амбарѣ подъ замкомъ и надѣвается только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ; важно, чтобы всѣ знали, что имѣется много одежды, а носить ее нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что отъ этого она изнашивается. Особенno якутки любятъ заводить одежду и разнаго рода украшенія, доказывая лишній разъ, что дщери Евы во всѣхъ широтахъ одинаковы,—любопытный предметъ для размышленія. Однако желаніе прельщать сердца не побуждаетъ якутокъ къ чистотѣ, такъ что самая отъявленная щеголиха неимовѣрно грязна. Якуты не любятъ купаться и никогда не моютъ тѣла; единственное, что они усвоили въ этомъ отношеніи,—смачивание по утрамъ физиономіи водой, именно—смачиваніе, потому что этотъ процессъ не можетъ быть названъ умываньемъ: мыла не употребляется вовсе, а воды идетъ не болѣе чайной чашки, и выходитъ не умыванье, а равномѣрное размазыванье грязи, причемъ все-таки отъ ушей къ шеѣ образуется болѣе густая тѣна; послѣ такого умыванья нѣкоторые вытираются тряпичкой, но что это за тряпичка!—грязные грязи; большинство же просто обсушивается у камина. И вотъ такая обсушеннная щеголиха, съ растрепанными волосами, которыхъ причесываются только по какимъ-либо торжественнымъ случаямъ или когда черезчуръ разводятся насыпомъ,—съ цветнымъ повойникомъ, сбившимся нѣсколько на сторону, или съ грязнымъ платкомъ на головѣ, если она замужня, и простоволосая, если девица,—съ тяжелыми серебряными серьгами, состоящими изъ большого количества серебряныхъ пластинокъ разной величины,—съ оттянутыми мочеками ушей, съ большой четырехугольной застежкой, застегивающей воротъ грязнейшей рубахи,—съ широкими серебряными браслетами на рукахъ,—стоять сбоку камина и меланхолически сучить мутовкой кипящее молоко, испещренное нападавшими угольями. Нужно замѣтить, что у якутскій женщинъ замѣчается природная грація въ движенияхъ и что руки у нихъ красивы и невелики, съ длинными музыкальными пальцами, хотя изъ музыкальныхъ инструментовъ у нихъ имѣется только хомус¹⁾—кропечный желѣзный инструментъ, который

¹⁾ Хомус или хамыс—общераспространенный музыкальный инструментъ, такъ называемый варганъ или кобызъ (кобузъ), „желѣзная лирка со стальнымъ язычкомъ; прикладывается къ зубамъ, пальцемъ бьють по язычку, образуя звуки измѣнениемъ полости рта“ (Даль II, 739, 1-ое изд.).

одной рукой прикладывается къ полуоткрытыму рту, тогда какъ другая рука приводить въ движение тонкую пластинку, прикрепленную къ подобію арфы, ударяя по ея свободному концу. Такой же музикальный инструментъ „дрымба“ я видѣлъ у чыганъ на югѣ Россіи.

Въ общемъ якуты и якутки некрасивы: выдающіяся скулы, приплюснутый сѣдистый носъ съ почти круглыми ноздрями, обращающіе на себя вниманіе косовато насыженные и широко разставленные глаза, часто низкий и некрасивый лобъ,—таково громадное большинство. Но есть и другой типъ—типъ якутской аристократіи, встрѣчающейся, главнымъ образомъ, между старинными богатыми фамиліями. Представители этого типа—богаты они или бѣдны въ настоящее время—гораздо интеллигентнѣе остальныхъ и не спускаются до положенія чьего-нибудь работника. Мужчины этого типа болѣе рослы, красивѣе сложены, болѣе сильны, цвѣть лица болѣе, но все-таки смуглый, носъ съ горбинкой и хотя не тонокъ, но и не приплюснутъ, да и ноздри не бросаются въ глаза,—лобъ широкий и высокий, глаза посажены ровно и не слишкомъ удалены другъ отъ друга, ротъ красивый, съ полными, чувственными губами, но волосы такие же, какъ и у остальныхъ—черные, прямые, матовые, болѣе напоминающіе шерсть, чѣмъ человѣческий волосъ. У этого типа мужчинъ несравненно чаще встрѣчаются усы и даже небольшая растительность на подбородкѣ, тогда какъ у большинства якутовъ на лицѣ нѣтъ никакой растительности. Если гладѣть еп face, ничто не указываетъ вамъ на то, что передъ вами представитель низшей расы, въ профиль же вы сейчасъ замѣтите, что носъ, хотя и съ горбинкой, слишкомъ низокъ въ переносицѣ, что зависитъ отъ особаго положенія скулъ,—но и только. Я видѣлъ лишь одну якутку, которая могла бы подойти къ этому типу, и вообще я чаще видѣлъ среди якутовъ красивыхъ мужчинъ, чѣмъ женщинъ, хотя и между женщинами попадаются изрѣдка очень красивыя. Впрочемъ, красивые глаза и даже съ „новомохой“ встрѣчаются довольно часто¹⁾.

¹⁾ О наружномъ видѣ якутовъ съ характеристикой обоихъ физическихъ типовъ: тюркскаго и монгольскаго, а также и промежуточныхъ формъ см. у *Миддендорфа* (Путеш. на сѣв. и вост. Сибири, ч. II, отд. VI, стр. 631 и 766), *Маака* (Виллойскій округъ, ч. III, стр. 82), особенно *Н. Л. Геккера* (Къ характеристикѣ физич. типа якутовъ, Ирк. 1896). Ср. также: *Сирошевскій*: Якуты т. I, гл. III: „Физическая особенности племени“.

Поездка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г., подъ видомъ купца Хорошева.

(Окончаніе).

О мѣрахъ къ развитію торговли съ Западнымъ Китаемъ.
Переходя теперь къ тѣмъ мѣрамъ, которыхъ надлежало бы
принять къ возстановленію нашей торговли съ западнымъ Ки-
таемъ, для желаемаго ея развитія, долгомъ считаю изыскать
следующее:

Для существованія и развитія всякой торговли необходимы
три главныхъ условія: взаимная потребность въ произведеніяхъ,
капиталы и удобства сообщенія.

О потребности въ нашихъ товарахъ уже достаточно было
говорено выше. Къ этому можно только присовокупить желаніе: чтобы оные шли въ западныя мѣста Китая лучшаго каче-
ства, нежели какіе теперь туда отпускаются, что по времени,
при измѣненіи положенія сей торговли, безъ сомнѣнія, и сдѣ-
лается само собою.

1) Установленіе *правильной торговли*. Что касается до капи-
таловъ, то большихъ капиталистовъ понынѣ въ этой торговлѣ нѣть,
и они не явятся до тѣхъ поръ, пока она не будетъ поставлена на
другихъ основаніяхъ, пока не сдѣлается для россійскаго купечес-
тва *правильною и законною*; ибо тогда только купцы наши могутъ
избавиться отъ тѣхъ притѣсненій и непріятностей, которымъ под-
вергаются при нынѣшнемъ ея положеніи. Устраненіе сего глав-
наго препятствія—установленіе *правильной торговли съ китай-
цами въ западныхъ мѣстахъ ихъ*—есть, слѣдственно, первый шагъ,
первое дѣло, съ котораго слѣдовало бы начать, если желать имѣть
въ сихъ мѣстахъ торговлю. Безъ этого же торговля будетъ всегда
находиться въ рукахъ однихъ мелочниковъ и азіатцевъ, и желает-
мого развитія никогда не будетъ. Удовлетворить, или не удо-

власторить китайское правительство справедливому требованиею Россіи объ учрежденіи торговли въ западныхъ областяхъ его, есть вопросъ, не подлежащій моему сужденію; но я только осмѣлюсь сказать, что существующее опасеніе: якобы китайцы, въ случаѣ неудовлетворенія нашего домогательства, прервать всякия торговые въ тѣхъ мѣстахъ съ нами сношения, лишать насъ и той торговли, которую теперь тамъ пользуемся, есть опасеніе совершенно напрасное; торговля теперь производится въ сущности не нами, а азиатцами, имъ она законнымъ образомъ дозволена; чрезъ нихъ мы всегда можемъ производить ее, какъ и теперь производимъ. Все что рискуемъ — это, что три, четыре человѣка изъ русскихъ приказчиковъ не будутъѣздить въ Чугучакъ и что хозяева ихъ будутъ посыпать свои товары съ ташкентцами, съ коими и теперь большая часть изъ нихъ посыпаетъ. Но едва ли даже и это можетъ случиться; ибо выгоды мѣстныхъ китайскихъ властей всегда будутъ состоять въ томъ, чтобы торговля эта не прекращалась.

Что же касается еще до весьма важнаго въ этомъ дѣлѣ вопроса, а именно: какой пунктъ для мѣновой съ китайцами торговли удобнѣе и лучше, Чугучакъ или Кульджа? то отвѣтъ на сіе положительно и съ увѣренностью трудно. Чугучакъ ближе къ нашей границѣ, къ внутреннимъ нашимъ рынкамъ, и въ этомъ весьма важное его преимущество; но Кульджа обширнѣе; въ ней болѣе жителей, болѣе самаго купечества; она ближе и къ Кашкарію, что тоже весьма важное обстоятельство. Вообще ограничивать торговлю однимъ какимъ-либо размѣннымъ пунктомъ,—Чугучакомъ или Кульджею,—не слѣдовало бы. Напротивъ того, если можно, то къ Чугучаку и Кульдже надлежало бы присоединить еще Кашкарію, т. е. и въ Кашкарію проложить законный путь для нашего купечества. Кстати здѣсь замѣтить, что послѣ размолви, которая была въ 1828-мъ году у хокандцевъ съ китайцами, ханъ хокандскій выговорилъ у китайского правительства, для своихъ подданныхъ, право свободной торговли во всѣхъ кашварскихъ городахъ, и не только изъятіе ихъ отъ всякихъ пошлинъ, но разрѣшеніе собирать даже въ свою казну пошлины съ хокандцевъ, ташкентцевъ и бухарцевъ, при всякой мѣнѣ ихъ съ китайцами. Для этого и для надлежащей защиты своихъ купцовъ въ Кашкаріи, отъ хокандского правительства назначены два чиновника, изъ коихъ одинъ живетъ въ Кашгарѣ, другой въ Яркентѣ¹⁾.

¹⁾ Всѣ эти подробности мнѣ сообщены азіатцами, бывшими въ Кашкаріи; объ оныхъ знаютъ и ташкентцы, у насъ находящіеся.

2) *Обезопасеніе караванныхъ путей.* Другая необходимая, по моему мнѣнію, мѣра есть обезопасеніе путей въ западной области Китая. Въ этихъ видахъ для чугучакской торговли весьма бы полезно было: *во-первыхъ* — привлечь въ наше подданство кочующихъ за Тарбагатаемъ Байджигитовъ, что, по-видимому, не представляетъ особеннаго затрудненія, ибо два самыхъ сильныхъ ихъ султана, Сабекъ и Дуламбай (неъ коихъ съ послѣднимъ я имѣлъ случай разговаривать), уже давно изъявляютъ наклонность поступить въ число русскихъ подданныхъ и тѣмъ обезопасить положеніе своихъ киргизовъ, тѣснѣнныхъ теперь со всѣхъ сторонъ нашими. Мысль и желаніе поступить въ русское подданство болѣе и болѣе дѣлаются общими между Байджигитами и даже между Кызайцами. Конечно, къ подобной мѣрѣ, если бы она удостоилась одобренія правительства, нельзя вдругъ приступить, а предоставить исполненіе ея болѣе времени и обстоятельствамъ, имѣя ону только въ виду и облегчая пути къ ней. *Во-вторыхъ:* полезно бы также было содергать небольшой отрядъ казаковъ за Тарбагатаемъ, на рѣкѣ Урджарѣ, пунктѣ весьма удобномъ и лежащемъ на самомъ торговомъ грактѣ. Содержаніе тутъ подобнаго казачьаго отряда, или пикета, хотя бы только въ лѣтнее время, имѣло бы спасительное дѣйствіе на поманутыхъ киргизовъ, удерживая ихъ отъ всякихъ своеольствій и насилий. Китайцы же едва ли бы стали возражать намъ и противиться подобной мѣрѣ, какъ не возражали они, когда въ 1839-мъ году посланъ былъ наинъ отрядъ въ эти же самыя мѣста, для пониженія султана Сиванкула. Тогда отрядъ этотъ, исполнивъ возложенное на него дѣло, пробылъ въ тѣхъ мѣстахъ, за Тарбагатаемъ, еще съ мѣсяцъ, до окончанія въ Чугучакѣ расторжки; онъ стоялъ не далѣе какъ въ 25-ти верстахъ отъ Чугучака (а отъ китайскаго пикета въ 3-хъ верстахъ), и китайцы не только не жаловались, но, напротивъ, были весьма довольны, ибо чрезъ это прекратились тогда всѣяя со стороны сосѣднихъ киргизовъ своеольства, отъ коихъ сами китайцы первые страдаютъ. Высылка на лѣтнее время на Урджаръ нашего отряда всегда можно бы было дать въ глазахъ китайцевъ благовидный предлогъ, сказавъ, въ случаѣ надобности, что это дѣлается для защиты купечества, для обузданія своеолій киргизовъ. При этомъ нельзя еще не замѣтить, что Тарбагатай въ сущности не есть граница съ нами китайцевъ: за Тарбагатаемъ кочуетъ часть нашихъ киргизовъ Средней Орды: вѣтъ главные зимовки Мурунцевъ и Туминцевъ нашихъ находятся по той сторонѣ Тарбагатая. Собственно китайскою границею въ

этихъ мѣстахъ, какъ мнѣ кажется, должна почитаться цѣль ихъ шкетовъ: какъ скоро мы не заходимъ за черту сихъ шкетовъ, то мы, такъ сказать, у себя, дома, и, новидимому, имѣемъ полное право распоражаться по усмотрѣнію. Въ этихъ мѣстахъ, какъ известно, никакихъ границъ никогда не было съ Китаемъ постановлено.

Что касается до обезпеченія путей въ Кульджу, то мѣра эта еще болѣе представляется необходимою, во-первыхъ по большей опасности сихъ путей, и во-вторыхъ, по соединяющимся съ оною разными другими видами въ торговомъ отношеніи. Изъ двухъ путей, ведущихъ въ Кульджу, разумѣется слѣдовало бы обратить вниманіе на тотъ, который представляется изъ нихъ удобнѣйшимъ, т.-е. на путь чрезъ Карагатъ и Семь-рѣкъ (чрезъ Большую Орду). Въ этихъ мѣстахъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы непремѣнно занять пунктъ на рекѣ Карагатъ, чтобы держать киргизовъ Большой Орды въ большомъ повиновеніи. Теперь они оказываются намъ преданность, и даже отдѣленные рода ихъ (всѣ Дулатовцы) изъявляли желаніе поступить въ россійское подданство. Но безъ ванатія означеннаго пункта, преданность эта не прочна и подданство будетъ только мнимое. Къ приведенію въ исполненіе сей мѣры обстоятельства удивительно теперь какъ благопріятствуютъ: они вовсе не тѣ, что были въ 1825 году, когда дѣлана была экспедиція на Карагатъ: во первыхъ, что сами киргизы Большой Орды, прежде смотрѣвшіе на насть съ недовѣрчивостію, теперь просятся въ русское подданство, и даже именуютъ уже себя русскими подданными (въ проѣздѣ мой черезъ Большую Орду они прямо говорили мнѣ, что они теперь русскіе подданные); во вторыхъ, китайцы потеряли всякое вліяніе на сіи мѣста, на которыхъ прежде и даже еще во время помянутой экспедиціи, простирали свои притязанія; въ третьихъ (и это совершенно уже доказывается, что киргизы, тамъ кочующіе, вышли изъ подъ всякой зависимости отъ Китая), что на нихъ съ тѣхъ поръ распространилось вліяніе хокандцевъ: бывшій ханъ хокандский, Магометъ - Али, подчинилъ было ихъ своей власти до того, что послалъ ежегодно на Карагатъ, Куксу и Или, своихъ заключниковъ, для сбора ясака съ кочующихъ тамъ Дулатовъ и другихъ киргизовъ Большой Орды; но смуты и разные перевороты, случившіеся въ послѣднее время въ Хокандѣ, мало по малу ослабили это вліяніе, и теперь власть хокандцевъ тамъ совершенно исчезла; обстоятельство также весьма благопріятное для вскихъ нашихъ видовъ. Занятіе Карагата представляетъ неисчислимые выгоды: всѣ эти

мѣста, всѣ такъ называемыя Семь - рѣкъ, суть богатѣйшія земли во всей Киргизской степи; отъ Карагата до Кульджи всего 7-ми дней караваннаго хода; чрезъ Карагатъ же лежить дорога въ Кашкарію, и другой не имѣется. Путь въ самый Ташкентъ и Хокандъ изъ Семипалатинска чрезъ эти мѣста (чрезъ Семь - рѣкъ) также и ближе и во всѣхъ отношеніяхъ удобиѣе, нежели теперешняя дорога чрезъ Актау, и если купцы по оному не Ѵздали, то это по той же причинѣ, по коей не Ѵздили доселъ чрезъ Карагатъ въ Кульджу, т.е. изъ боазни киргизовъ Большой Орды, на которыхъ полагаться (безъ дѣйствительныхъ мѣръ къ ихъ усмиренію) трудно. На Карагатѣ такимъ образомъ, по занятіи выгоднаго тамъ пункта, могло бы приставать купечество, торгующее съ Кульджею, Ташкентомъ и Хокандомъ и съ самою Кашкаріею; тамъ могла бы быть главная складка ихъ товаровъ, которые, по надобности, они посыпали бы въ означенныя мѣста и страны.

Въ тѣхъ же видахъ распространенія торговли съ западомъ Китая весьма полезно было бы сдѣлать опытъ прямыхъ сношеній съ Кашкаріею, отправивъ туда караванъ изъ Семипалатинска. Подобнымъ отправленіямъ уже были примѣры въ прежнее время, и не далѣе какъ въ 1824 году посланъ былъ небольшой караванъ въ сию страну, снаряженный купцомъ Чоповымъ; но тогда разныя обстоятельства неподлагопріятствовали сему начинанію. Главное тутъ препятствіе состоять въ переходѣ чрезъ кочевыя Дикокаменныхъ киргизовъ,—препятствіе, которое впрочемъ легко преодолѣть, отрядивъ небольшую команду казаковъ, для прикрытия каравана, какъ было сдѣлано въ 1824 году. При томъ же обстоятельства и между Дикокаменными киргизами съ некотораго времени измѣнились въ нашу пользу: главный родъ сихъ киргизовъ (Буге), кочующій на самой дорогѣ въ Кашкарію, извѣзъ въ послѣднее время желаніе быть подъ покровительствомъ Россіи: родоначальникъ ихъ присыпалъ съ этою цѣлью своихъ депутатовъ въ прошломъ 1844 году въ Аягузъ, и хотя, по отдаленности помянутыхъ киргизовъ, домогательство ихъ было отклонено (съ оказаниемъ однако же разныхъ знаковъ вниманія главному ихъ родоначальнику), но тѣхъ не менѣе самый поступокъ ихъ доказываетъ степень теперешнихъ благопріятныхъ ихъ отношеній въ Россіи. При такомъ положеніи вещей отправление при караванѣ какихъ-нибудь 70 человѣкъ казаковъ было бы достаточно для огражденія купцовъ отъ всякихъ обидъ и насилий со стороны неблагонамѣренныхъ киргизовъ. А если бы Правительство рѣ-

шилось занять Караганъ, то влікніе наше чрезъ одно это и на Дикокаменныхъ киргизовъ распространилось бы и дало бы возможность совершенно со временемъ обеспечить этотъ путь чрезъ ихъ кочевья въ Кашкарію. Посыщеніе сей страны нашими торговцами ознакомило бы ихъ съ тамошними произведеніями, распространило бы сбыть нашихъ товаровъ въ край, который столько представляетъ выгодъ для торговли и во всѣхъ отношеніяхъ было бы дѣломъ для торговли и промышленности нашей наиполезнѣйшимъ. Въ Кашкаріи, кромѣ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые находятся въ Чугучакѣ и Кульдѣ, и изъ коихъ иные тамъ гораздо дешевле, можно бы получать и нѣкоторыя новыя статьи, какъ то: кашкарскій шелкъ сырецъ добываемый въ Хотенѣ, лаписъ-лазури, привозимый туда изъ Бадакшана, ковры, тибетскую шерсть, мускусъ и т. п. Статьи эти, сколько известно, тамъ весьма дешевы и могли бы, следствіено, войти въ обороты нашей торговли съ Западомъ Китая. Семипалатинскіе купцы наши (сколько мнѣ довелось разговаривать съ ними), не только не прочь отъ сей попытки, но съ радостію бы согласились, если бы только правительство дало имъ средства безопасно пройти въ Кашкарію, т. е. не отказалось бы въ отряженіи помянутой казачьей команды для ихъ сопровожденія. Другихъ способовъ они для себя не требуютъ. Если бы предположеніе отправить караванъ въ Кашкарію удостоились одобренія, то весьма бы полезно было приступить къ сему будущимъ же лѣтомъ, вызывавъ заблаговременно желающихъ. На первый разъ, и дабы не дѣлать изъ сего опыта шумного дѣла, можно бы, кажется, ограничиваться семипалатинскими купцами, объявивъ имъ обо всемъ заранѣе.

Выше сего было замѣчено о вредныхъ послѣдствіяхъ для торговли (для правильнаго ея теченія и развитія) отъ существующей контрабанды по всей Сибирской линіи. Предметъ этотъ неоднократно обращалъ на себя заботливое вниманіе министерства финансовъ; но я осмѣлюсь повторить при семъ, что обыкновенныя мѣры тутъ недостаточны. Линія, состоящая въ вѣдѣніи сибирскаго таможеннаго округа, имѣеть 1.800 верстъ протяженія. А по ней всей таможенной стражи, т. е. обѣзѣдчиковъ — 68 человѣкъ¹). Спрашивается: что могутъ сдѣлать 68 человѣкъ на пространствѣ 1.800 верстъ? Таможенное начальство представляло обѣ усиленіи сей стражи еще 232-мя че-

¹⁾ И сверхъ того 116 казаковъ, высылаемыхъ на таможенную службу; но казаки въ этомъ случаѣ плохая помога.

ловъкими, такъ чтобы было всего 300 человѣкъ, находя, что контрабанда, при подобномъ усиленіи стражи, можетъ значитель но уменьшиться. Не отвергая вообще пользы отъ усиленія таможенной стражи, находя даже, что подобного рода мѣры должны служить основаніемъ для прочихъ, я позволяю себѣ однако же думать, что 300 человѣкъ объездчиковъ и стражниковъ, на такомъ огромномъ протяженіи линіи, ничего не произведутъ существенаго. То, что теперь въ особенности увеличиваетъ контрабанду — это возможность привезти товаръ безъ малѣшаго опасенія быть пойманнымъ, и затѣмъ, въ случаѣ даже поимки, *устремность отъ наказанности*: все что угрожаетъ купцу, пойманному наприм., съ контрабанднымъ чаемъ это, что его заставитъ заплатить 50% въ пользу поимщика и взыщутъ пошлину съ чая, котораго впрочемъ его не лишать, а отдать ему назадъ (очищенный уже пошлиною). Его не подвергаютъ ни пени, ни конфискаціи товара, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ въ случаѣ поимки контрабанды. Возчиковъ контрабанды тоже не подвергаютъ никакому наказанію: отъ нихъ даже не отираютъ лошадей, на конѣ контрабанда везется, и они ровно ничѣмъ не рискуютъ и пускаются на промыселъ сей съ необыкновенною дерзостію. И такъ, во-первыхъ: надобно непремѣнно *увеличить тару взысканія съ торговцевъ изобличенныхъ въ контрабандѣ и замѣтъ положить наказаніе противъ провозящихъ контрабанду*. При теперешнемъ положеніи линіи, при невозможности усилить таможенную стражу до желаемой степени, страхъ большаго взысканія и наказанія есть еще та мѣра, которая наиболѣе, повидимому, можетъ принести существенной пользы и удерживать отъ контрабанды. Необходимо бы также зарѣчную въ Семипалатинской слободку, гдѣ находится главная складка товаровъ (всѣ складочные магазины купцовъ, торгующихъ съ Чугучакомъ, Куальджею и Ташкентомъ), ввести въ таможенную черту: слободка эта теперь вѣдь всякаго таможеннаго надзора, чтобъ еще болѣе дать возможность недобросовѣстнымъ купцамъ тайно привезти товаръ свой.

При этомъ долгомъ поставляю еще замѣтить: что главнѣйшая контрабанда по Сибирской линіи состоять въ чай. Причина оной та же, какъ и всѣхъ вообще контрабандъ, это — значительная на чай пошлина (по 60 к. сер. съ фунта). Теперь эта пошлина съ кяхтинскаго чая нѣсколько уменьшена, т. е. съ чернаго, или торговаго чая, вмѣсто 60 к., взимается 40 к. сер. съ фунта; но для семипалатинскаго чая она отта-

влена прежняя (по 60 к. сер. съ фунта). Если это сдѣлано съ тю цѣлью, чтобы уменьшить привозъ чрезъ Семипалатинскъ изъ западныхъ областей Китая байхового чая, то можно рѣшительно сказать, что цѣль эта не достигнется. Стбить только взглянуть на карту, чтобы въ этомъ убѣдиться. Большая теперь пошлина съ семипалатинского чая въ сравненіи съ пошлиною, взимаемою съ того же чая на Кяхтѣ, только поведеть въ большей контрабандѣ онаго, тогда какъ въ сравненіе ея съ Кяхтинскою, и принятіе въ то же время нѣкоторыхъ необходимыхъ мѣръ противъ контрабанды, было бы также однимъ изъ дѣйствительнейшихъ средствъ къ уменьшенію самой контрабанды и къ преподаванію торговли болѣе правильного движения. По этому, казалось бы необходимымъ, въ числѣ прочихъ мѣръ,— *сбавить и пошлину съ чернаго чая¹⁾*, отъ какой сбавки вреда для кяхтинскихъ купцовъ не предвидится, ибо количество вывозимаго изъ Чугучака чернаго чая чрезъ это въ сущности ни прибавится, ни уменьшится, но можетъ уменьшиться контрабанда и увеличаться таможенные сборы.

Для поощренія же къ вывозу изъ западнаго Китая нѣкоторыхъ новыхъ статей не безнолезно бы было, (какъ это сдѣлано и для Кахты), нѣкоторые предметы, въ томъ числѣ шелкъ, хлопчатую бумагу, шерсть и другое во 2-мъ пункте высочайшаго указа 20 июля 1845 г. означенные, а также товары въ кяхтинскомъ тарифѣ не поименованные²⁾ пропускать беспошлино; а вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить вывозъ ревенья, который по кяхтинскому тарифу, сколько мнѣ известно, не находится въ числѣ запрещенныхъ статей. При этомъ замѣчу, что ревень могъ бы въ семипалатинской торговли составить немаловажную статью привоза, по удобству получения его изъ мѣстъ ближайшихъ.

О цѣнахъ на русскіе товары въ Чугучакѣ и Кульджѣ, съ замѣчаніями на оные китайскихъ купцовъ.

Сукна. Сукна наши и въ западномъ Китай весьма требуются Но доселѣ въ эту торговлю шли сукна низкой доброты (отъ 3 до $4\frac{1}{2}$ р. ас. аршинъ). Китайскіе купцы весьма бы желали имѣть Мизирицкія наши сукна. Цвѣта ихъ должны быть тѣ же, какіе идутъ въ Кяхтинскую торговлю.

1) Сравнить оную съ пошлиною, взимаемою въ Кяхтѣ.

2) Семипалатинская таможня въ отношеніи къ привознымъ изъ Китая товарамъ руководствуется кяхтинскимъ тарифомъ; но послѣднія въ семь тарифѣ измѣненія (въ силу высочайшаго указа 20 июля 1845 г.) на семипалатинскую торговлю не распространены.

Цѣна сукну, (стоящему въ покупкѣ отъ 3 до $4\frac{1}{2}$ р., ас.)—4 и $4\frac{1}{2}$ дабы за аршинъ въ Чугучакѣ; а въ Кульджѣ обыкновено дается 3 штуки сукна (приведенные въ мѣру 20 аршинъ, итого 60 арш.)—за одну ямбу, т. е. 380 рублей ассигнациями¹⁾.

Драдедамы На нихъ требование замѣтно стало въ Чугучакѣ и Кульджѣ увеличиваться съ 1841 года. Драдедамовъ чернаго цвѣта возить не нужно, а только прочихъ извѣстныхъ цвѣтовъ (синяго, голубаго, фіолетового, алого, малиноваго, коричневаго). Драдедамы (въ 3 р. 50 к. ас.) можно сбывать въ Чугучакѣ по $2\frac{1}{2}$ и до 3 дабѣ за аршинъ; въ Кульджѣ же— $3\frac{1}{2}$ куска драдедама (70 арш.) дается за 1 ямбу.

Камлотъ. Его почти вѣссе найдеть въ нашу торговлю съ западнымъ Китаемъ. Китайскіе купцы мнѣ говорили, что они охотно бы стали раскупать его.

Нанка. Сверхъ обыкновенной нанки, какая идетъ въ эту торговлю, китайскіе купцы просили также побольше привозить набивной, или тисненой нанки. За нее обѣщали по 15 дабѣ за штуку (при промѣнѣ на китайскій товаръ), тогда какъ за обыкновенную, не тисненую нанку, не даютъ болѣе 11 дабѣ за кусокъ. Размѣръ ея долженъ быть такой же, какъ требуемой для нанки, т. е. 40 арш. въ кускѣ. Обыкновенная въ Чугучакѣ цѣна нанки, стоющей въ покупкѣ отъ 30 до 37 к. ас. аршинъ, а кусокъ отъ 12 до 14 р. 80 коп. ас.,—какъ выше сказано, 11 дабѣ за кусокъ, а въ Кульджѣ—1 ямба (380 р. ас.) за 16 кусковъ.

Плисъ. Плисъ обыкновенно возится черный и весьма низкаго качества, копеекъ 70 ас. аршинъ, и не дороже 90 к. ас.; а продается въ Чугучакѣ, тотъ что въ 70 к. ас., или около того. — по $\frac{1}{2}$ дабѣ за аршинъ; въ Кульджѣ же — по $2\frac{1}{2}$ мыскала за аршинъ. Китайскіе купцы просили, кроме чернаго плиса, доставлять побольше плиса другихъ цвѣтовъ (зеленаго, голубаго, яхонтового, малиноваго и проч.). Ширина плиса, по ихъ словамъ, должна быть: цвѣтного — $\frac{3}{4}$ аршина, а чернаго — 1 аршинъ. Цѣна цвѣтному плису въ Кульджѣ (тому, который туда возится и который стоитъ не болѣе 1 р. ас. аршинъ)—6 мыскаловъ (2 р. ас.) за аршинъ.

¹⁾ Цѣна въ Чугучакѣ и Кульджѣ сукну и прочимъ нашимъ товарамъ показана здѣсь *промѣнная*, т. е. по чѣмъ онѣ при промѣнѣ расцѣниваются и отдаются китайскимъ купцамъ. Расцѣнка эта въ Чугучакѣ производится на дабы, въ Кульджѣ же на серебро, или на мѣдную китайскую монету. Дабы въ торговыхъ расчетахъ принимается обыкновенно въ 2 р. ас.; ямбу серебра можно считать въ 380 р. ас.; сары мѣдью, или ермаками (китайскими чохами)—въ 4 р. ас., а мыскалъ въ 40 к. ас.

Коленкоръ. Его можно возить гораздо болѣе противъ нынѣшней пропорціи, по значительному требованію его къ Кашкарію. Ширина коленкора должна быть $1\frac{1}{4}$ аршина, а длина — 15 аршинъ. Цѣна ему въ Чугучакѣ — $4\frac{1}{2}$ и 5 дабъ за кусокъ (стоящій въ покупкѣ отъ 6 до 7 р. 50 к. ас.), а въ Кульдѣжѣ — за 40 штукъ коленкора даютъ 1 ямбу.

Миткаль. Это издѣліе, въ сравненіи съ коленкоромъ, слѣдуетъ возить въ меньшемъ количествѣ; такъ по крайней мѣрѣ мы говорили китайскіе купцы.

Ситецъ. Китайцы просили привозить ситца, если можно, лучшаго качества, нежели какой доселе шелъ къ нимъ, и особенно лучшихъ цветовъ¹⁾. Ситецъ впрочемъ, въ сравненіи съ сукномъ, драпедамомъ, наанкою и коленкоромъ, составляютъ уже статью второстепенную. Цѣна въ Чугучакѣ ситцу (стоящему отъ 25 до 30 к. ас. аршинъ, а кусокъ отъ 10 до 12 р. ас.) — 10 и 11 дабъ за кусокъ; а въ Кульдѣже — 1 ямба за 17 штукъ.

Платки бумаажные. Они привозятся или слишкомъ малаго, или слишкомъ большаго размѣра. Лучшій для нихъ размѣръ $1\frac{1}{2}$ арш. длины и столько же ширины. Требованіе на нихъ въ Китай довольно значительно.

Покрывала. Въ слишкомъ большомъ количествѣ ихъ возить не слѣдуетъ, хотя Китайцы довольно цѣнятъ этотъ родъ издѣлія, особенно такъ называемыя кашемировыя покрывала. За нихъ въ Чугучакѣ даютъ $2\frac{1}{2}$, дабы за покрывало (стоящее 4 р. ас.), а въ Кульдѣже — 1 сари и 5 мыскаловъ (6 р. ас.).

Чешуйка и тикъ. О сихъ издѣліяхъ китайскіе купцы въ Чугучакѣ мнѣ говорили, что оныхъ возить не нужно. Видно, что чешуйка и тикъ въ западномъ Китаѣ вѣсно не требуются, а только идутъ во внутреннія провинціи Китая, которыхъ снабжаются ими чрезъ Кяхту. Въ Кульдѣже, впрочемъ, привезеннную для образца чешуйку китайцы (собственно жители Кульджи) довольно охотно раскупали, по цѣнѣ весьма выгодной.

Холстъ. Холстъ нашъ весьма могъ бы идти въ эту торговлю. Образцы холста, купленного въ Москвѣ по 30 к. ас. аршинъ, Китайскимъ купцамъ понравились. За подобный холстъ они могутъ дать по 1 дабѣ за 4 аршина (по 50 к. ас. за аршинъ).

Юфтеевыя кожи. Цѣны юфтеевымъ кожамъ въ Чугучакѣ — $6\frac{1}{2}$ дабѣ и 7 дабѣ за кожу (стоящую въ Семипалатинскѣ 12 р. ас.); а въ Кульдѣже дается 1 ямба за 25 кожъ.

¹⁾ Лучшіе на ихъ вкусъ цвета — тѣ, которые по бѣлому полу.

Сафьяны и козлы. Ихъ неидеть въ эту торговлю; но, казалось бы, можно сдѣлать опыты.

Мишурь. Цѣна мишурѣ (стоющей въ покупкѣ 98 к. ас. литра): въ Чугучакѣ — $6\frac{1}{2}$ дабъ за 10 літръ, а въ Кульджѣ — 4 мыскала за літру. Сбыть мишуры въ Кульджѣ выгоднѣе и ея болѣе туда требуется.

Позументъ. Позументъ также требуется въ Кульжу, по большей близости Кульджи отъ Кашкарии, куда преимущественно идетъ нашъ позументъ и мишурь. Цѣна оному въ Кульджѣ — 1 мыскалъ (40 к. ас.) за аршинъ (за позументъ, который въ покупкѣ стоитъ 20 к. ас. аршинъ).

Пуговицы мѣдные. Изъ пуговицъ слѣдуетъ возить болѣе круглыхъ нежели плоскихъ, по большему на нихъ требование Китайцевъ. Онѣ должны быть бронзовыя желтые, а не бѣлые. Плоскія же пуговицы должны быть небольшаго размѣра. Цѣна въ Чугучакѣ пуговицамъ (стоющимъ отъ 2 до 3 р. ас. гротъ, въ коемъ 12 дюжинъ) — 2 дабы за гротъ; а въ Кульджѣ 1 сарі за гротъ.

Чайники мѣдные. Они главнѣйше требуются Киргизами; китайские же купцы берутъ ихъ въ небольшемъ количествѣ (для Калмыковъ).

Тазы мѣдные. Ихъ много привозится въ Чугучакъ, гдѣ проходятъ по 3 дабы за тазъ, фунта 2, или $2\frac{1}{2}$ вѣсомъ. Тазы эти — небольшаго размѣра и довольно тонкіе.

Желѣзо. Желѣзо не въ дѣлѣ мало требуется Китайцами. Въ Кульжу его вѣвсе неидеть, а только небольшая часть въ Чугучакѣ (полосовое желѣзо). Оно продается тамъ по 5 дабъ за пудъ.

Желѣзные столы. Это — небольшіе столики, выдѣлываемые, по особымъ образцамъ, изъ листового желѣза на Тагильскомъ заводѣ. Ихъ довольно много идетъ въ чугучакскую и кульджинскую торговли. Цѣна въ Кульджѣ подобному столику (стоящему въ Ирбитѣ 12 р. ас.) отъ 7 и до 10 сарей (отъ 28 до 40 р. ас.).

Подносы желѣзные. Тѣ, которые теперь идутъ отъ насъ въ Чугучакъ и Кульжу, также выдѣлываются на Тагильскомъ заводѣ. Ихъ идетъ весьма много, особенно въ Чугучакъ. Покупная цѣна ихъ въ Ирбитѣ — 90 к. ас. за подносъ (въ 8 вершковъ длины, какового размѣра наиболѣе требуется); а въ Чугучакѣ они продаются по 8 дабъ за десятокъ. Круглыхъ подносовъ возить не слѣдуетъ.

Замки висячіе. Ихъ въ послѣднее время купцы стали на-

возить въ слишкомъ большомъ количествѣ, и отъ этого сбыть ихъ сдѣлался не такъ выгоденъ.

Ножи складные и перочинные. Китайцы мало ихъ требуютъ, и статьи эти не могутъ представлять особенныхъ выгодъ. По крайней мѣрѣ въ большомъ количествѣ ножей возить не слѣдуетъ.

Ножницы. О ножницахъ слѣдуетъ сказать то же самое. Если ихъ возить, то лучше среднихъ размѣровъ и маленькия.

Иглы. Ихъ доселѣ мало шло въ Чугучакъ и Кульджу. Китайцы, впрочемъ, охотно ихъ разбираютъ. Но вообще надоѣно замѣтить, что подобнаго рода издѣлія (иглы, замки, ножи, ножницы, мѣдные чайники, самовары и т. п.) лучше предоставить мелкимъ купцамъ: они затрудняются только сбыть капитальныхъ статей: чтобы продать ихъ съ выгодою, нужно продавать въ розницу и на это потребно не мало времени.

Чугунные котлы. Ихъ въ значительномъ количествѣ доставляется нашими купцами въ Чугучакъ и Кульджу. Они расходятся между Киргизами и Калмыками. Купцы продаютъ ихъ довольно выгодно, при всемъ томъ, что перевозка подобныхъ тяжеловѣсныхъ товаровъ обходится не дешево.

Кромѣ котловъ, изъ подобнаго рода издѣлій привозится не мало тагановъ, чугунныхъ небольшихъ кувшиновъ, калкановъ, и т. п., которые тоже преимущественно продаются Киргизамъ и Калмыкамъ.

Фарфоровая посуда. Съ нѣкотораго времени стало идти отъ насъ довольно много всякаго фарфора въ Чугучакъ и особенно въ Кульджу. Изъ фарфоровой посуды всего болѣе отправляется туда чайныхъ чашекъ, блюдечекъ (которые продаются отдельно) и чайниковъ; а затѣмъ—десертныхъ тарелочекъ и т. п. Тѣ изъ нихъ, которые съ позолотою и особыхъ формъ, болѣе уважаются. Цѣна въ Кульджѣ чайнымъ чашкамъ (стоющими въ покупкѣ 6 р. ас. дюжина)—2 мыскала 6 фынъ (1 р. 4 к. ас.) за пару, т. е. за чашку съ блюдечкомъ.

Стекло и хрусталь. Сихъ издѣлій доселѣ шло весьма мало; но, кажется, можно бы сбывать ихъ съ выгодою. Стекла должны быть небольшихъ размѣровъ. Изъ хрустальныхъ же вещей всего лучше привозить небольшіе графинчики, стаканы, рюмочки, цвѣтники и маленькия тарелки. Цѣна въ Кульджѣ стеклу 8-ми-вершковому (весыма плохому)—5 мыскаловъ, т. е. 2 р. ас.

Зеркала. Китайцы просили привозить имъ туалетныхъ зеркаль въ деревянныхъ оправахъ, изъ краснаго, или другаго дерева, съ выдвижными ящичками. Зеркала эти должны быть небольшихъ размѣровъ.

Заключение. И такъ, для развитія нашей торговли съ западнымъ Китаемъ, въ настоящее время, сколько мнѣ кажется, слѣдовало бы:

1) Установить эту торговлю правильнымъ и законнымъ образомъ, по сношенію съ китайскимъ правительствомъ.

2) Болѣе обезопасить караванные пути въ Чугучакъ и Кульджу, и въ этихъ, и другихъ торговыхъ видахъ: а) привлечь киргизовъ, кочующихъ за Тарбагатаемъ въ русское подданство; б) выставить тамъ пикетъ на Урджарѣ, и въ особенности, в) занять пунктъ въ Большой Ордѣ, на рекѣ Карагалѣ.

3) Сдѣлать опытъ прямыхъ сношеній съ Кашгарію, отправивъ караванъ изъ Семипалатинска подъ небольшимъ военнымъ прикрытиемъ.

4) Принять болѣе, действительныя мѣры противъ контрабанды по Симбирской линіи.

5) Сбавить пошлину съ торговаго чая, сравнивъ оную съ кяхтинскою, и

6) Пропускать безпошлино нѣкоторыя новыя статьи изъ Китая и тѣ товары, которые не поименованы въ тарифѣ.

Вотъ главныя мѣры, которыя, при настоящемъ положеніи нашей торговли съ западными областями Китая, были бы, по моему мнѣнію, необходимы и могли бы всего ближе и вѣрнѣе вести къ желаемой правительствомъ цѣли, и къ разширенію нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ и къ открытию большихъ истоковъ для нашей промышленности.

С.-Петербургъ.
6-го Мая, 1846 года.

Эта Записка, вмѣстѣ съ отзывомъ государственного канцлера гр. Нессельрода и министра финансовъ Вронченки, была представлена на благоусмотрѣніе Государя, причемъ ими испрашивалось высочайшее разрѣшеніе на приведеніе къ осуществленію проектовъ Н. И. Любимова. Государь Императоръ на подлинномъ докладѣ написалъ: „исполнить“. Всѣдѣ затѣмъ были предприняты мѣры къ организаціи русского представительства въ предѣлахъ Илійскаго края, и дальнѣйшая исторія нашихъ отношеній къ западнымъ владѣніямъ Китая получила основаніе изъ поездки Н. И. въ Чугучакъ и Кульджу.

Н. Веселовский.

Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ*).

(Окончание **).

2. Начала пастурели

Тѣ категории пастурели, которыя стоять въ анализированной группы, выясняются въ иной связи. Выдѣляя древнѣйшія французскія пьесы, присоединяя къ нимъ провансальскія „нетипическія“ пастурели и классифицируя собранный такимъ путемъ материаль, мы получимъ нѣсколько сюжетныхъ категорій, среди которыхъ нѣкоторыя несомнѣнно искусственны. Прежде всего куртуазные диалоги рыцаря съ пастухомъ¹⁶²). За нѣкоторыми исключеніями¹⁶³) бесѣда идетъ въ предѣлахъ общихъ куртуазныхъ вопросовъ, и мы совершенно забываемъ, что имѣемъ дѣло съ простымъ пастухомъ. Пастухъ держитъ себя съ рыцаремъ какъ съ ровней и иногда даже доминируетъ надъ нимъ въ спорѣ. Провансальская пастурель Gui d'Uisel (можетъ быть навѣянная отчасти французскими образцами)¹⁶⁴) отражаетъ образно первый моментъ: пастухъ жалуется въ пѣснѣ на измѣнника¹⁶⁵); увидя подходящаго рыцаря онъ быстро вскакиваетъ и направляется къ нему:

v. 64 ...dieus sal mo senhor,
Qu'er ai trobat ses falsia
Lial amic celador
A cui m'aus clamar d'amor.

* См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1901, № 12, часть СССХХХVIII, отд. 2, стр. 250 и слѣд.: Прилѣвъ и аналитический параллелизмъ.

**) См. „Жив. Стар.“, вып. III, 1908 г.

¹⁶²) III 2, 33, 34, затѣмъ III 36, II 54, 55.

¹⁶³) II 55, ср. начало III 36.

¹⁶⁴) L'autrier de just' una via.

¹⁶⁵) traidor, ср. III 2, Cadenet.

Въ III 33 пастухъ успокаиваетъ рыцаря:

v. 39 si tost ne vous desesperez,
mais bien et loiaument servez
fine amour;
• • • • • • • •
nus n'en puet avoir grant joie
s'il n'en sueffre paine¹⁶⁶).

v. 75 Sire, ci a povre ochoison:
de haut seigneur haut guerredon
s'atendez,
ja certes n'i perderez
en si bon seigneur servir.
Qui bien et loiaument aime,
Sa joie ne doit faillir.

Въ анонимной (fragm.?) II 55 рыцарь завидуетъ пастуху: si bone vie ais enver moi (v. 2). Пастухъ разубѣждаетъ его: и онъ служилъ любви, при всякихъ условіяхъ:

v. 12 non por cant ne m'an vant mie,
mais an chantant m'esbanoi par teil donoi
k'an l'anoi, jus an l'anoi ambrais m'amie¹⁶⁷).

Терпѣніе ироновѣдуетъ и Gui d'Uisel (v. 68 сл., ср. Cadenet), но пастухъ спокойно замѣчаетъ ему:

v. 5mot di gran feunia
Queus faisatz castiador,
Vos que dig avetz man dia
Mal de donas e d'amor,
So don soi en gran error;
E sai que ver dis Maria
Can (ilh) ditz que chantador
Son leugier e camjador.

Г. Парисъ могъ бы вывести эти формы изъ монолога пастуха, какимъ¹⁶⁸ могла, ввиду II 54 или 21, открываться па-

¹⁶⁶ Ср. II 115 fragm?.., ср. III 2, v. 37—45.

¹⁶⁷ Къ этому типу пастурели относятся отрыв. II 105—Motet (M, T) 108—Motet (T) и начало II 21.

¹⁶⁸ Если пѣсню, которую поетъ пастухъ въ началѣ II 54 и 21 (наоборотъ II 115), считать такимъ монологомъ.

стурель этого типа. Такой монологъ пастухъ мы находимъ въ III 38¹⁶⁹⁾, и въ Сборникѣ Париса (Ch. du XV s.) № I¹⁷⁰⁾ безъ обычнаго вступленія (пастухъ). Конечно, послѣднихъ данныхъ не достаточно: III 38, по всей вѣроятности, отрывокъ. Искусственнымъ было бы и обобщеніе эпизода II 54, ничѣмъ не поддержанаго. Наконецъ, отъ такой гипотетической схемы до той, которая лежитъ въ основѣ указанныхъ пьесъ, очень далеко, и снова пришлось бы предположить искусственное внесеніе новаго, не элемента, а параллельнаго мотива. Мы считаемъ всю схему вообще искусственной: обычнай формула—вступленіе, за которой слѣдуетъ куртуазный діалогъ, въ извѣстной мѣрѣ, параллель къ схемѣ такой пастурели какъ II 66. Они вполнѣ понятны рядомъ съ пастурелью *L'antrier al issida d'abriu* Маркабрю или пьесой *Le douz chans d'un anzehl* Гиральда де Борнель (политический сирвентесь-пастурель Паулета Марсельского идеть въ той же колѣ обобщенія формы). Древнѣйшая французская пьеса этого типа III 2 принадлежитъ, согласно указанію рукописей, Thibaut de Blazon, которому приписывается также нѣсколько провансальскихъ пѣсень¹⁷¹⁾. Предположить за этими пастурелями какой-нибудь народный прототипъ, изъ которого бы они вытекали безъ натяжекъ довольно трудно: элементарное *débat* должно было бы подвергнуться, ввиду антитезы рыцаря и пастуха (не говоря уже о вступленіи), передѣлкѣ по готовому типу, т. е., въ сущности, главную роль игралъ бы послѣдній.

Несомнѣнно народны въ своей основѣ II 24 и 26—первоначально *débat*, къ которому позже могла быть пріурочена пасторальная обстановка, когда явилось сознаніе особой литературной категоріи—пастурели, или, точнѣе, которое въ извѣстный моментъ оказалось внутри послѣдней.

II 24 v. 1. Quant voi la prime florete
blanchoier aval ces pres
et j'oi chanter l'alouete
au comancement d'este,
lors oi dous pastorettes
ki s'antremetent d'amer,
de lour loialz amoretes
comancierent a parler.

¹⁶⁹⁾ Ср. I 40, 51, 68, 72; I 22, 23, 24, 25, 26; II 90 (О) и 113.

¹⁷⁰⁾ Ср. II 104.

¹⁷¹⁾ См. Mahn, G e d., III, стр. 36—37.

Это напоминаетъ начало одной „лѣтней“ пѣсни Нитгарта:¹⁷²⁾

v. 250 Nun ist vil gar zergangen
der winder kalt,
Mit loube wol bevangen
der grüene walt....
Zwô gespilen mære
begunden sagen,
Herzensenede swære
besunder klagen....

Дѣвушка жалуется своей подругѣ на то, что возлюбленный ея (N. von Rinwental) сталъ ей далекимъ, чужимъ. Собесѣдница старается успокоить ее, совѣтуетъ ей терпѣть, а главное не подавать вида, что она страдаетъ изъ-за любимаго єю чловѣка. Передъ нами образецъ той категоріи Sommereien, которую Бѣльшовскій характеризовалъ терминомъ *Gespielenlieder*¹⁷³⁾. Цитированныя франц. пастурели проще по содержанию въ сравненіи съ указанными нѣмецкими параллелями, но не съ ними одними. *Gespielenlieder* принадлежать къ числу относительно позднихъ работъ Нитгарта. Большая часть ихъ носить уже яркій куртуазный отпечатокъ. По поводу заявленія пастушки II 24 о матери, которая

v. 32 s'an voloie faire here,
tost me bateroit mon dos¹⁷⁴⁾,

припоминается скорѣе нѣмецкая 28, 36 съ ея жалобой *Wendeluot* на мать, которая ни за что не хочетъ опустить ее погулять къ подружкамъ и парнямъ; она заперла на ключъ ея праздничное платье. Но въ 28, 36 діалогъ развитъ крайне слабо. Частый поводъ къ бесѣдѣ въ нѣмецкихъ пѣсняхъ—предстоящій праздникъ, плясъ, на который собираются подруги, праздникъ весны или наступающаго лѣта. Мотивъ этотъ отсутствуетъ во французскихъ пастуреляхъ, но обстановка та же и тотъ же параллелизмъ мотивовъ за предѣлами указанныхъ. Въ

¹⁷²⁾ Bartsch -Golther, Deutsche Liederdichter¹ (Берлинъ, 1901), стр. 145 = Haupt 29, 27.

¹⁷³⁾ 10, 22; 15, 21; 22, 38; 28, 36; 29, 27; 33, 3=6; см. Gesch. d. Dorfpoesie, стр. 104.

¹⁷⁴⁾ Cp. II 26, v. 15 Ke fersai je lasse toute!
ma marastre me deboute
dist ke j'ai ami.

этой связи уясняются напр. некоторые chansons à personnages, какъ и I 21, 47, 47, 67 и начало I 36. Передъ нами несомнѣнно древняя, народная схема весеннаго débat, разработанного въ различныхъ примѣненіяхъ, но по существу остающагося неизмѣннымъ. Подобные мотивы могли входить въ поэтическій оборотъ различныхъ культурныхъ районовъ вида условій заимствованія. Одного факта существованія ихъ во французской поэзіи еще недостаточно для выясненія генезиса нѣмецкой Dorgpoesie; къ тому же какъ разъ соответствующія пьесы Ниттгарта не принадлежать къ числу наиболѣе раннихъ. Теперь мы, конечно, далеки отъ точки зреінія Ваккернагеля¹⁷⁵⁾. Отмѣтить вліянія французской пастурели на Neifen'a, Winterstetten'a, Steinmar'a, Niuniu и Иоанна Брабантскаго, онъ переходитъ къ Ниттгарту и указывается на постоянную борьбу въ его поэзіи двухъ началь: куртуазнаго и народнаго. Источникомъ первого, по мнѣнію Ваккернагеля, и является французская пастурель. Въ своей Исторіи нѣм. литературы онъ значительно измѣнилъ свой прежній взглядъ, ограничившись общимъ указаниемъ на вліяніе пастурели на Ниттгарта¹⁷⁶⁾. Послѣдня была принята Tischer'омъ и расширена Schmolke и R. M. Meyer'омъ. При ближайшемъ анализѣ, однако, 46, 28; 44, 36; 48, 1 и 58, 25 не представляютъ никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса о вліяніи, такъ какъ подыскать къ нимъ французскія параллели невозможно¹⁷⁷⁾. Гораздо показательнѣе общее сходство нѣкоторыхъ французскихъ пьесъ¹⁷⁸⁾, изображающихъ народныя сценки, пляски, заканчивающіяся подчасъ скорой, съ нѣкоторыми изъ Winterlieder Ниттгарта, какъ напр., 38, 9, или II 90 съ такъ называемой Mädchenlieder¹⁷⁹⁾, изображающихъ препирательство матери съ дочерью, собирающейся на праздникъ¹⁸⁰⁾.

C'est la jus c'on dit es pres,
jeu et bal i sont cries;
Enmelos i veut aler,

¹⁷⁵⁾ Altfranzösische Lieder und Leiche, 1846, стр. 235 сл.

¹⁷⁶⁾ Стр. 247.

¹⁷⁷⁾ Bielschowsky, o. с., стр. 286—292.

¹⁷⁸⁾ II 58, 77; III 21, 22.

¹⁷⁹⁾ Изъ „Лѣтнихъ“ пѣсенъ; Bielschowsky, o. с., стр. 104. Авторъ (стр. 292) пріурочиваетъ сюда же III 31, въ которой есть, однако, и слѣда активной роли матери.

¹⁸⁰⁾ Ср. Напр., 3, 21 и II 90.

a sa mere en aquiert gres.
„par dieu, fille, vous n'ires;
trop y a de bachelers“¹⁸¹).

Der meie ist der riche:
er fueret sicherliche
den walt an siner hende....
— Muoter, ich wil seble
mit richer schar ze velde
und wil den reien springen....

Къ этимъ даннымъ можно присоединить и упомянутыя Нитгартовскія параллели къ французскимъ II 24, 26. Хронология не мѣшаетъ, ибо она можетъ указывать на болѣе поздній актионный интересъ къ нимъ, не исключая болѣе раннаго знакомства съ ними и, стало быть, общаго вліянія, увлеченія извѣстной категоріей образовъ. Возраженія Бѣльшовскаго противъ возможности воздействиія извѣнѣ слишкомъ крайни; онъ ищетъ материальныхъ слѣдовъ такого усвоенія, настаивая на оригинальности Нитгарта. Одно не устраиваетъ другого. Какъ моментъ въ исторіи развитія нѣмецкой лирики идиллизмъ Нитгарта¹⁸²) отвѣчаетъ вполнѣ французской пастушеской поэзіи, особенно ея позднімъ формамъ, съ которыми она совпадаетъ и хронологически. Вероятное пребываніе поэта при дворѣ Людовика Баварскаго (1180—1231), въ годы юности, способствовавшее ознакомленію его съ куртуазной поэзіей современной ему Германіи, могло дать ему случай слышать и нѣкоторыя работы французовъ. Онъ увлекался Морунгеномъ, отклики кото-раго не разъ можно встрѣтить въ пьесахъ Нитгарта, Рейнмаромъ и Hausen'омъ,¹⁸³; французская пастушеская лирика, фрагменты которой могли проникнуть въ южную Германію, представляла собой крайне интересный контрастъ обычнымъ лирическимъ мотивамъ. Это рѣшило судьбу поэтическихъ симпатій молодого пѣвца. Самостоятельность его устранила естественное при такихъ условіяхъ заимствованіе: при всей куртуазности общаго характера работъ Нитгарта¹⁸⁴), ранняя его

¹⁸¹) Ср. I 89.

¹⁸²) См. Schönbach, Walter von der Vogelweide², (1895), стр. 132—141.

¹⁸³) Veldeke остается подъ сомнѣніемъ; см. Бѣльшовскій, о. с., стр. 118 сл.

¹⁸⁴) См. K. Marold, Ueber die poetische Verwertung der Natur und ihrer Erscheinungen in den Vagantenliedern und im deutschen Minnesange въ ZsfDPh, XXIII, стр. 21.

лирика несравненно проще и реальнѣе. Большое значеніе должна была имѣть въ этомъ мѣстѣ и отрывочность французскихъ памятниковъ, иначе вліяніе пастурели объяснилось бы въ болѣе материальныхъ формахъ. Нѣсколько образцовъ французскихъ или даже латинскихъ (хотя бы подобно пьесамъ С. В. не нѣмецкаго происхожденія) указали путь, хотя онъ былъ подготовленъ уже всѣмъ предшествующимъ развитиемъ лирики въ Германіи. Сентиментально-идиллической деревенской пѣснью увлечется и чуткій Вальтеръ, правда лишь на время и чтобы тѣмъ рѣзче выступить впослѣдствіи противъ нового увлеченія, это обычное явленіе при столкновеніи двухъ литературныхъ теченій. Близкое знакомство Нитгарта съ жизнью народа и, можетъ быть, издавній интересъ къ ней поддержали общія указанія пастурели. Впрочемъ, вліяніе могло пойти и глубже; отсюда выборъ нѣкоторыхъ сюжетовъ и, возможно, описанія природы, пейзажи, настраивающіе читателя или слушателя зѣгода: R. Meyer считаетъ этотъ элементъ пѣсни Нитгарта нѣмецкимъ¹⁸⁵). Бѣльшовскій построилъ по поводу нихъ свою фантастическую теорію весеннаго гимна, остатки которого будто бы сохранились въ этихъ NatureingÃnge¹⁸⁶).

Если нѣть никакого основанія устранять, по крайней мѣрѣ, общее вліяніе пастурели, то пейзажъ могъ быть навѣянъ послѣдней: она дала поводъ развить существующіе уже народно-поэтические элементы его¹⁸⁷).

Къ числу древнихъ французскихъ пастурелей принадлежать, между прочимъ, III 37 и III 16, указывающія на существование схемы: пастухъ и пастушка, изъ которой Г. Парисъ и выводилъ типическую форму пастурели. Это contrasto или oaristys съ варьирующими подробностями и основной темой, точнѣе любовная сценка въ болѣе широкомъ смыслѣ слова¹⁸⁸). Огромное большинство ихъ дошло, однако, въ позднихъ спискахъ, что особенно интересно относительно II 47 и 70. Интересъ къ пастурели этого типа развивался, очевидно, въ уровень съ тѣми эстетическими запросами, которые обусловили симпатію къ жан-

¹⁸⁵⁾ Alte deutsche Volksliedchen, въ ZsfdA, XXIX, стр. 192 сл.

¹⁸⁶⁾ о. с., стр. 13.

¹⁸⁷⁾ Так же Schönbach, Die Anfänge des deutschen Minnesanges. Eine Studie (Graz, 1898), стр. 23.

¹⁸⁸⁾ Ср. II 47, 70 съ III 24, 46, II 27, III 44 или II 53. Мотивъ II 27 выясняется въ связи съ I 35, 41, 42, 45; II 70 аналогична I 38, 65, тогда какъ II 53 (O), изображающая импровизированный cour d'amour, въ стилѣ Нострадама, несомнѣнно, искусственная композиція.

ровымъ пастурелямъ, рисующимъ забавы, развлечения и празднества французского крестьянства. Психологически она выражение сознательного идеализма, объективирующего въ соотвѣтствующихъ образахъ настроение, накопившееся въ предыдущихъ случайной антитезы типической пастурели. Это не исключаетъ древности схемы: пастухъ — пастушка; даже если III 37 или III 16 искусственны, то они опредѣляютъ время ея сознательной литературной оценки. Ясно, что она не могла подсказать „классической“ комбинаціи.

Наиболѣе яркой формой въ этомъ ряду пастурелей является несомнѣнно (объективная по-преимуществу) пастурель — сценка. Къ числу наиболѣе древнихъ принадлежать III 15, 21, 29, 30, II 22 и III 22¹⁸⁹). Передъ нами новый рядъ пьесъ, иллюстрирующихъ отмѣченное положеніе; все тѣ же пастухи и пастушки въ праздничномъ нарядѣ и уборахъ, на фонѣ возрождающейся весны (по-преимуществу), — знакомые намъ уже образы, которые на рубежѣ XII—XIII вв. увлекали воображенія поэтовъ рядомъ съ куртуазными образцами рыцарской поэзіи: мѣщанская среда fabliaux интересовала слушателей Тристана и бретонскихъ lais не менѣе. Въ пастурели народная обстановка несравненно болѣе условна, но это лишь первый шагъ въ данномъ направлениі. Припоминаются аналогичные факты, освѣщающіе моментъ: „зимнія“ пѣсни Нитгарта съ ихъ „деревенскими“ мотивами, вставленными въ красивую куртуазную рамку, болѣе грубыми, нежели мотивы „лѣтнихъ“ пѣсень, но разрабатывавшимися поэтомъ, главнымъ образомъ, въ ту пору, когда въ поэзію его начали все чаще и чаще проникать куртуазные элементы, когда, очевидно, увлечение созданной новой формой остыло и традиція вдоворилась въ устремленныхъ ей предыдущихъ: положеніе „деревенской“ поэзіи было уже упрочено. Во Франціи описание майского праздника вносится въ романъ¹⁹⁰): очевидно мотивы привились. Въ пастурели данного типа описание такихъ празднествъ или даже крестьянскихъ забавъ вообще занимаютъ центральное положеніе, какое они занимали, вѣроятно, и въ ихъ народномъ прототипѣ; исключать послѣдній, какъ это дѣлается, напр., Аничковъ¹⁹¹) и можетъ

¹⁸⁹) Затѣмъ идутъ II 30, 36, 41; II 58, 73 и 77; III 27, 41. У Е. В. Аничкова. о. с., стр. 268 ошибочно отнесена къ этой группѣ III 28; ошибочно въ обратномъ смыслѣ (стр. 277), III 16, 33 и 34.

¹⁹⁰) Guillaume de Dole, изд. Servois, vv. 4142—4178; Flamenga, изд. P. Meyer'a, стр. 97, vv. 3239—3243.

быть, если я вѣрио понялъ его, Жанруа¹⁹²⁾), едва есть основаніе, имѣя ввиду, что, напр., описанія хоровода или параллели къ первой группѣ (по Бѣльшовскому) „зимнихъ“ пѣсень Нитгарта легко отыскать среди великорусскихъ пѣсень. Конечно они должны были подвергнуться коренной переработкѣ.

Знакомый намъ мотивъ любовной авантюры вплетенъ въ II 22, II 58, III 29 и III 41. Если моментъ праздника не наимѣченъ непосредственно (прямое указаніе въ III 29 и 41), то о немъ позволяютъ догадываться нѣкоторыя подробности¹⁹³⁾. Такъ или иначе поводъ къ веселью ясенъ:

III 41, v. 1 L'autrier
.
. . vi par bone aventure
pastoureaus en une plaine,
ki aloient devisant
une feste et pourparlant,
k'il feront le jour de may...

Въ III 29 поэтъ разсказываетъ намъ о своей встрѣчѣ съ двумя девушкиами, которыхъ, съ пѣснями, несли массу цвѣтовъ, срѣзанного шпажника (*glai*) и зеленыхъ вѣтви (*mai*). Пока онъ бесѣдовалъ съ ними, съ другой стороны къ нимъ подошла цѣлая толпа молодежи

v. 27 un grant tropiau de gent
flahutant,
de foille et de mai chargie.

Передъ нами живо набросанная картинка приготовленій къ майскому празднику. Объ этомъ праздникѣ говорятъ и нѣкоторыя подробности III 22 (v. 23—29), принадлежащей къ другому ряду пастурелей (=веселье и скора: II 77 и III 21, 22, 30), рисующей пляску вокругъ вяза¹⁹⁴⁾.

v. 48 Godefrois molt se desroie,
saut et tresche et maine bel
le tresche entor un oumel
ou plus ot de gent assis.

¹⁹¹⁾ О. С., стр. 274.

¹⁹²⁾ Les origines, стр. 41.

¹⁹³⁾ II 22, vv. 14—20 или II 58, vv. 34 сл.

¹⁹⁴⁾ Ср. II 58, v. 34 сл.

Въ III 21, примыкающей къ содержанию къ II 77, поэтъ передаетъ намъ бесьду пастуховъ, договаривающихся объ устройствѣ предстоящаго празднества, окончившагося, какъ мы знаемъ, крупной скопией:

v. 6 entr'aus dient k'apres mangier
iert la feste crie....

II 77 совпадаетъ со второй половиной III 21 (со стиха 40 вступлениія иѣть, но рѣчь идетъ о такомъ же празднике (v. 28).—) Въ III 27 (третья группа: веселье, III 27, II 30. 36, 73) участники веселья, еще не успѣвшаго отойти, договариваются уже о томъ, чтобы устроить въ ближайшемъ будущемъ новый праздникъ; — взявши за руки они водятъ хороводъ по свѣжей весенней травѣ, у каждого на головѣ вѣночъ, сплетеный изъ хвоща (v. 34 — 37). Гораздо менѣе опредѣлена обстановка II 30 и 36, изображающихъ болѣе сложныя игры собравшихся пастуховъ и пастушекъ.— Особнякомъ стоитъ III 30— описание осеннаго праздника уборки хлѣба:

v. 1 Quant ces moissons sont faillies
ke pastorius font rosties,
baisseles sont revesties....

На широкомъ лугу собираются крестьяне изъ окрестныхъ мѣстъ (Avaines — v. 14, Oignies — v. 27, Feuchiere — v. 6, Aties — v. 6).

v. 15 vinrent a grans gens rengies,
en unes grans prairies,
en loges et en foillies,
chascuns kerola....

Участники торжества приодѣты по-праздничному, съ вѣнками на головѣ; парни плашутъ, взявъ за руку своихъ подругъ подъ нехитрую музыку усердствующаго Guios, безъ котораго не обходится не одно веселье¹⁹⁵).

Сопровождавшія его зачастую игры были или гимнастическими или же пласовыми и драматическими; коротенькая сценка, нѣмая или съ элементарнымъ импровизированнымъ текстомъ. Одинъ

¹⁹⁵⁾ Ср. II 22, 58, 77, III 21, 22; у Анчикова, стр. 274, ошибочно также II 30 и 41.

изъ участниковъ майского праздника въ III 41 собирается прыгать, завязавъ ноги въ мѣшокъ:

v. 27 g'irai en un sach tumant,

между тѣмъ какъ товарищъ его намѣренъ изображать сержанта:

v. 12 Herbers dist k'envoiseure
fera ki pas n'iert vilaine,
cote, mantel a parture
de burghie a tiretaine;
pour miex sanler preu sergant
portera un grant perchant
en ses deus mains u un rai,
ke cil ne voisent grouchant
ki orront le virelai...

Такія фигуры могли импровизоваться тутъ же. Нѣкоторыя однако могли быть и традиціонными. Рядомъ съ неяснымъ нѣмымъ, толстакомъ¹⁹⁶⁾, обжорой¹⁹⁷⁾, сторожемъ¹⁹⁸⁾, паломникомъ¹⁹⁹⁾, въ которыхъ Е. В. Аничковъ (кромѣ, впрочемъ, паломника) нѣсколько произвольно видѣть фигуры, продѣлившія одни только смѣшныя тѣлодвиженія и выкрики²⁰⁰⁾, стоитъ король, о которомъ упоминаютъ двѣ пьесы. Загадочной остается фигура ronbardel'я²⁰¹⁾; болѣе опредѣленная указанія III 21 характеризуютъ этотъ терминъ какъ обозначеніе какой-то музыкальной пьесы, сущность которой, однако, изъ контекста не выясняется: Gui долженъ исполнить ронбардель на своей muse au grant forrel (v. 10). Въ слѣдующей строфѣ онъ хвастаетъ тѣмъ, что никто во всей окружѣ лучше его не можетъ исполнить такой пьесы:

v. 21 nus miex de la contree
de moi ne fet le rabardel;
bien sai noter au chalemel
et tote la maistrie.....

¹⁹⁶⁾ II 41.

¹⁹⁷⁾ II 22, III 21.

¹⁹⁸⁾ II 30.

¹⁹⁹⁾ II 41.

²⁰⁰⁾ о. с., стр. 269.

²⁰¹⁾ rabardel—II 58, III 21, 30; roubardel—II 30.

Король фигурирует въ коротенькомъ фрагментѣ III 15 и въ II 41; Г. Парисъ ошибочно отнесъ къ этой группѣ II 36²⁰²). „Un roi nouveau“ очевидно ошибочная интерпретація ст. 25: *an pur lou chief, noviaul reis.* Пьеса взята изъ О. Риены *trois: drois, afubles: takines: res* II 30, наконецъ ст. 15-ый II 36, отвѣчающій ст. 25:

ou bouchet novial coupet

указываютъ на *reis=rasus* (см. *ibd.*, v. 5—6:—*leis: deleis*, v. 15—16:—*coupet: antracoleit*):

v. 23 lors vi ferir dou tabour
Garnot antor piet,
an pur lou chief, nouvial reis;

остается рѣшить вопросъ относится ли *nouvial reis* къ *chief* или къ *Garnot*²⁰³), т. е. идетъ ли рѣчь о головѣ или лицѣ²⁰⁴). Вмѣсто *antor piet* лучше читать *au torpiet=Garnot tortipes*.— III 15 изображаетъ только начало сценки:

v. 1 L'autrier
.
. . . trouvai une assemblee
de pastoriaus en uns pres:
lor rois estoit acesmes
d'une cotele coee,
blans gans ot, verge pelee,
sot visage avoit asses,
bien sembloit li mains senes.

II 41 остается, такимъ образомъ, единственной пьесой, сообщающей намъ болѣе или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія о забавѣ этого рода:

v. 1 A lai follie a Donmartin
a l'entree dous tens novel
s'assamblerent par un matin
pastorelles et pastorel:
roi ont fait dou plus bel.
mantel ot de kamelin

²⁰²) *Les origines* въ *Journ. des Savants*, 1891, стр. 733, примѣчаніе.

²⁰³) —*Tête nue et frais rasé* или *tête nue, rasée de frais*.

²⁰⁴) Ср. II 30, v. 17.

et kote de burel
s'ont museour mande.
et Thieris son borden
a destoupe,
ke disoit bon bon . . .
.

Le roi ont mis sor un cussin.
si l'asirent an un prael,
puis si demanderent le vin.

Начинается потѣха. Готье изображаетъ нѣмого, Жакэ—пажомника, Ги—roubardel'я, Бодуэнъ—толстяка, Тьерри по прежнему подыгрываетъ на своей волынкѣ. Король, блюдующій порядокъ на праздникѣ, клянется св. Мартиномъ, что всякий, кто осмѣлитсѧ нарушить его, немедленно будетъ брошенъ въ ручей²⁰⁵). Между тѣмъ является Gauterel, нагруженный пирогомъ, рог les compagnons diner—и этой перспективой пирушки заканчивается пастурель. Данныхъ для коментарія къ ней мало. Общій характеръ пастурелей-сценокъ и вступление II 41 даётъ поводъ вспоминать о comes vernalis, с. floralis, майской королевѣ²⁰⁶), la reine de mai²⁰⁷), sposa di maggio²⁰⁸), знакомыхъ Португалии и Провансу маio и maia²⁰⁹), которые стоятъ во главѣ молодежи, напоминающей guillonées, trimousettes, trimazos²¹⁰), совершающихъ весенній обходъ съ цѣлью поздравлениія, произнесенія пожеланія всего лучшаго, на что привѣтствуемые отвѣчаютъ подарками въ видѣ гостинца или денегъ²¹¹). Если такъ, то мы ждали бы въ нашихъ пастуреляхъ иныхъ подробностей, во вскомъ случаѣ, изображенія именно этого характерного для короля эпизода весенней обрядности. II 41 напоминаетъ скорѣе о выборахъ майскаго графа, торжественной весенней церемоніи²¹²), какая сохранялась долго въ городахъ съв. Германіи и нашихъ Балтійскихъ провинцій, усвоившихъ

²⁰⁵) Ср. акад. Веселовскій, Villa Альберти, стр. 146.

²⁰⁶) Болонская—contessa; см. L. Frati, La vita privata di Bologna dal secolo XIII al XVII (Болонья, 1900), стр. 143.

²⁰⁷) = la mariée; см. Smith, въ Romania, II, стр. 62.

²⁰⁸) Ср. нашу игру въ короля. Чубинскій, о. с., III, стр. 42 и сл. A. Mommsen, Die Feste der Stadt Athen, 1898, стр. 392 сл.

²⁰⁹) Romania, VI, стр. 52, 67. См. Аничковъ, о. с., I, стр. 168 сл.

²¹⁰) Tiersot, о. з., стр. 191 сл.

²¹¹) Славянскія и другія параллели у Аничкова, о. с., стр. 194 сл.

²¹²) См. E. Pabst, Der Maigraf und seine Feste. Римск. 1964

ее отъ феодального дворянства со всѣми деталями и мелочами, указывающими на куртуазное происхожденіе обряда. Майскій рафъ выбирался на годъ, при извѣстной обстановкѣ, послѣ чего онъ торжественно вѣзжалъ въ городъ, гдѣ организовались затѣмъ новыя процесіи, пиры, предсѣдатель которыхъ сомес напоминаетъ флорентійскаго *signor dell'amore*²¹³⁾. Въ этой связи мы склонны толковать II 41 (и III 15) съ ихъ королемъ и пастухами, имитировавшими обычай, которые они, конечно, не разъ имѣли случай наблюдать въ иной общественной средѣ. Bédier²¹⁴⁾ видѣлъ въ нашихъ пастуреляхъ отголосокъ *Indus de rege et regina*, и въ королѣ—*roi qui ne ment*—родѣ салонной игры, состоявшей въ чередованіи предлагаемыхъ королевой вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ присутствующихъ, которую имѣть въ виду Jean de Condé въ своемъ *fabliau* — *Le sentier battu*, игры, которая была запрещена клерикамъ постановленіемъ Уорчестерскаго синода 1240 г. О ней вспоминаетъ и Huars въ отвѣтѣ на предложеніе Marion въ пасторальной драмѣ *Adam de la Hale*²¹⁵⁾.

v. 441 M. Or pourpensons un ju,
H. Veus tu as roi et as roines.

Сопоставленіе Бедье не поддерживается данными французскихъ текстовъ, но несомнѣнно, что *roi a la folie de Dammartin* иѣчто большее, чѣмъ „*un président qui doit diriger la fête et y maintenir l'ordre*“, какъ полагаетъ Ланглуа²¹⁶⁾.

Итакъ, резюмируя вышеизложенные соображенія, исходной точкой развитія анализируемой поэтической формой мы считаемъ обрядовую первоначально схему, лежащую въ основѣ такъ называемой типической пастурели. Подобная пѣсня съ ея символической пастушкой могла съ полнымъ правомъ быть охарактеризована терминомъ—*pastoreta*,—*la, pastorele*, не непремѣнно пѣсня о пастушкѣ, какъ объясняетъ его Г. Парисъ, т. е. монологъ женщины, подобно *chanson dramatique*, или женская пастушеская пѣсенка, опять-таки монологъ, какъ думаетъ Pillet²¹⁷⁾, коротенькая пьеска вродѣ тѣхъ пѣсенокъ, что поетъ девушки въ

²¹³⁾ Frati, o. с., стр. 143.

²¹⁴⁾ Revue des deux Mondes, 15 июня 1890 г.

²¹⁵⁾ По изд. E. Langlois, 1896.

²¹⁶⁾ o. с., стр. 141—142.

²¹⁷⁾ o. с., стр. 46—47.

большинствъ анонимныхъ пастурелей и многихъ пьесахъ 3-е части сборника Барча²¹⁸). Такія древнѣйшія элементарныя пастурели называются въ текстахъ различно: son (novel) II 20, III 18, 29, 51; son d'amor II 18, III 42, chanson II 10, 38, 43, 71, III 28, 35, 51, chansonete III 2, 42, 45, motet II 56, doren-lot II 12, 77, III 47. Одинъ только разъ (у Richard de Semilli) pastorele (III 11):

v. 32 por meus noter
ceste pastorele
'va li dureaus
li dureaus lairele'.

Въ ряду другихъ приводимыхъ терминовъ этотъ pastorele теряетъ всякое реальное значечie. Но если именно таковъ смыслъ термина, то онъ противорѣчитъ семасиологическимъ соображеніямъ Париса и Pillet'a и, наоборотъ, виолни мириится съ нашимъ предположеніемъ. Обыкновенно сообщается лишь нѣсколько стиховъ изъ такихъ pastoreles, въ большинствѣ случаевъ въ концѣ первой строфи (рѣлко внутри строфы, ср. II 40, или какъ внутренний refrain II 12, III 40, 49); иногда обрывки эти совпадаютъ съ послѣдними стихами строфы (II 23, III 3, 51, II 7) или тождественны съ припѣвомъ, повторяющимся въ концѣ каждой строфы неизмѣнно (II 1, 5, 8, 10, 32, 37, 39, 43, 45, 46, 48—53, 56, 58, 63—65, 74, 77; III 23, 26, 25, 29, 47) или же чередуются съ другими референами (II 3, 11, 27, 34, 38, 42, 71; III 6, 28, 35, 42, 45). Такіе припѣвы—пастурели несомнѣнно обычного куртуазнаго характера²¹⁹), тѣмъ не менѣе Pillet (какъ и Жанруа, ср. его теорію припѣва въ *Les Origines*) склоненъ видѣть въ нихъ отрывки пастурели народнаго типа, откуда вноследствія и обобщился терминъ²²⁰).

Предложенная нами основная схема держалась обрядовыми отношеніями. Ее попытались разработать, сохранивъ исконную форму, но внося новые элементы содержанія (ср. провансальскую пастурель).

Такимъ образомъ постепенно слагалось представление особой политической категоріи—пастурели. Понятая въ новомъ освѣщениі, основная антитеза, случайная, не главная черта привела къ пасторализаціи частью искусственныхъ, частью готовыхъ мотивовъ, или къ литературной обработкѣ уже существующихъ

²¹⁸) III 40, 3, 29, 49, 45, 26, 42, 23, 6, 28, 35, 47. Въ нѣкоторыхъ пастуреляхъ мотивъ этотъ перенесенъ на пастуха, см. II 30, 36, 54, 77, III 20, 46.

²¹⁹) Ср. Г. Парисъ, въ *Journ. des Sav.*, 1892 г., стр. 428. примѣч. 4.

²²⁰) о. с., стр. 47.

пастушескихъ образовъ. Жанровая пастурель можетъ быть въ извѣстной мѣрѣ древней, какъ предполагалъ, возражая Жанруа Г. Парисъ²²¹⁾; но правъ конечно и Жанруа, который видѣлъ въ ней позднее литературное явленіе²²²⁾. Въ ХІІІ в. вошло въ моду, по почину автора Guillaume de Dôle (изд. G. Servois, SAT, 1893), вставлять полународные лирические куплеты въ текстъ романовъ. Jacquemard Gelée воспользовался этимъ пріемомъ въ своемъ *Renard le Nouveau* и *Adam de la Hale* руководился въ своемъ *Robin et Marion* тѣми же эстетическими соображеніями.

Формальную организацію древнѣйшей пастурели мы склонны представлять себѣ въ связи съ *Jeu de Robin et Marion*²²³⁾. Pillet считаетъ *Jeu* поздней и личной обработкой пастурели²²⁴⁾, но по этому поводу возникаетъ вопросъ объ источникахъ его формы; передъ нами обычные мотивы пастурели: рыцарь встрѣчается на охотѣ пастушку Маріонъ, завязываетъ съ ней бесѣду, оканчивающуюся съ его стороны предложеніемъ любви. Но Маріонъ любить своего Робена, котораго она предпочитаетъ всѣмъ рыцарямъ въ мірѣ; въ концѣ концовъ ей удается устраниТЬ неожиданного поклонника, который и оставляетъ ее. Является Робень; Маріонъ разсказываетъ ему обо всемъ происшедшемъ. Послѣ обѣда Робень отправляется въ сосѣднюю деревню для того, чтобы позвать нѣсколькихъ своихъ друзей и устроить сообща праздникъ. Во время его отсутствія, является рыцарь; снова повторяется первая половина пьесы. Маріонъ успѣшно отражаетъ нападеніе и рыцарь разсерженный неудачей, раздраженный, вымѣщаетъ свое недовольство на спинѣ несчастнаго Робена, подоспѣвшаго къ развязкѣ;—только присутствіе любимой дѣвушки заставляетъ его забыть о непріятномъ приключеніи. День кончается картиною пирушки и развлечений, устраиваемыхъ пастухами, напоминающими намъ сценки нѣкоторыхъ пастурелей. Но по поводу содержанія граціозной „пасторальной комедіи“ Адама, какъ ее называли бы въ XVII в., намъ припоминается интересное указаніе уже упомянутаго романа *Guillaume de Dôle*:

v. 546—549 Que de Robin que d'Aaliz
Tant ont chante que jusqu'az liz
Ont fetes durer les caroles.

²²¹⁾ *Journ. des Sav.*, 1891 г., стр. 734.

²²²⁾ Ср. Pillet, о. с., стр. 47—48; Аничковъ, Очеркъ литерат. исто-
ріи въ Аррасѣ въ ср. в., стр. 273 сл., особ. 275.

²²³⁾ Ср. Г. Парисъ, *J. des Sav.*, 1891 г., стр. 741.

²²⁴⁾ о. с., стр. 48—49; также Ланглуа въ предисл. къ *наванію*, стр. 20 сл.

Пѣсни обѣ Аѳелисъ²²⁵) и Робенѣ пѣлись въ хороводѣ, стало быть онѣ могли и разыгрываться, если не теперь, то въ болѣе раннюю пору: различіе, которое дѣлаетъ Pillet между Spiel—и Tanzlied, какой онѣ считаются пастурели (стр. 52—53), искусственно, ибо подъ терминомъ игры разумѣется, какъ скрытая посылка, нѣчто вродѣ игры Адама. Съ точки зрењія живыхъ народнопѣсенныхъ отношеній, болѣе ярко отражающихъ въ себѣ древній складъ пѣсни-игры, вопросъ рѣшается гораздо проще и естественнѣе.

„Типическая“ и, по нашему мнѣнію, древнѣйшая литературная форма пастурели хорошо знакома, какъ мы видѣли, и южной Франціи. По этому поводу естественно было поднять вопросъ о томъ, гдѣ она зародилась впервые; ему посвящена довольно обширная литература, главнѣйшие результаты которой разобраны обстоятельно Жанруа въ его *Origines* стр. 25 сл.²²⁶).

На основаніи близости провансальской и французской пастурели можно, конечно, сдѣлать только тотъ выводъ, что подобная литературная форма могла развиться лишь однажды. Это не исключаетъ существованія предположенного нами прототипа пастурели независимо на Сѣверѣ и Югѣ Франціи. Хронологиче-

²²⁵) См. Г. Парисъ въ *Mélanges Wahlund*, Парижъ, 1899, стр. 1 сл.

²²⁶) Послѣ Raynouard'a, высказавшагося за Югъ (см. *Choix*, II 229), и неясныхъ замѣчаній Poesie d. Trouv., стр. 251 и Leb. und Werke стр. 613, Дизь говоритъ о немъ нѣсколько опредѣленіе во французскомъ перевода послѣдней работы, сдѣланномъ барономъ F. de Roisin, Paris et Lille 1816, стр. 246: Ce jugement (о зависимости франц. поэзіи отъ провансальской) ne s'applique qu'à la haute poésie, c'est-à-dire à la chanson et au serventois, ar les trouvères ont cultivé avec succès une autre spécialité, genre apparenté sans nul doute à la chanson populaire, ordinairement pourvu du refrain, accusant l'empreinte nationale, et il faut le dire, attrayant de grâces et de naïveté. Nous voulons parler des romances, des pastorelles et d'autres compositions énarant d'amoureuses aventures. Въ этомъ отношеніи къ нему привѣнуль Wackernagel, A fr. L. u. L., Базель, 1846, стр. 183, виослѣдствіи Brakelmann, Jahrbuch. IX, 1868, стр. 155 сл. и 307 сл. въ статьѣ Die Pastorelle in der nord-and südfranzösischen Poesie. Ein Beitrag zur französischen Litteraturgeschichte des Ma nebst einem Anhang ungedruckter Pastorellen, по поводу книжки E. Baret, Les troubadours et leur influence sur la littérature du midi de l'Europe, Paris 1867 (авторъ высказываетъ въ пользу Юга, р. 257—274). Разрушающая рецензія P. Meyer'a въ Rev. crit. 1867 № 11). Дизу возражать не формулируя, однако, своихъ личныхъ воззрѣній, Барть, Gruodriss, стр. 36, примѣч. 17, затѣмъ Suchier въ Jahrbuch, N. F., II, 159. Югъ считаетъ исходной точкой развитія и Azais въ Trouv. de Béziers. Неясно положеніе Carducci, Studi letterari, стр. 394.

скія и историческія данныя на сторонѣ Прованса, древнійшаго очага зап.-европейской куртуазной лирики. Общія соображенія находять поддержку въ мѣстныхъ указаніяхъ, несомнѣнно традиціонныхъ. Біографъ Серкальмона говорить о немъ²²⁷⁾: C. si fos uns joglars de Gascoigna e trobet vers e pastoretas a la usanza antiga; слѣдовательно пастурель существовала на Югѣ уже въ самомъ началѣ XII в., такъ какъ одну изъ шести поэта можно съ полнымъ основаніемъ датировать, какъ показалъ Райна, 1137 г.²²⁸⁾. Каковы были эти пастурели Серкальмона? Pillet (р. 24) видѣть въ выраженіи a la usanza antiga указаніе только на форму. Въ немъ можно, при желаніи, какъ это дѣлаетъ и Pillet, вычитать также оттѣновъ отрицательной оцѣнки, такъ какъ, по мнѣнію біографа XIII в., истинная поэзія начинается только съ Peire d'Alvernha (р. 260, ср. отзывы его о Маркабрюнѣ, Peire de Valeira, Jaufre Rudel); но почему относить старомодность на счетъ одной только формы? Скорѣе біографъ имѣть въ виду общій складъ старой пастурели. Можетъ быть эти старомодныя пьесы стояли какъ разъ ближе къ предположенному нами икъ оригиналу? Пастурель, однако, никогда, повидимому, не пользовалась особой популярностью на Югѣ; когда время ея на Сѣверѣ пришло, то Раймонъ Видаль (de Besaudun²²⁹⁾), обобщая свои историко-литературные наблюденія, имѣть полное основаніе скарзаться: la parladura francesca val mais e es plus avinenz a far romanç e pasturellas²³⁰⁾, mas cela de Lemozin val mais per far vers, cansos e sirventes²³¹⁾). Это подтверждается и разъясненіями Leys (т. II, р. 392), которая, несомнѣнно имѣютъ въ виду цитированныя слова Видала: Si be dizon alqu, que la parladura francesa val mays e es plus apta a retroenchas e pastorelas que no es la nostra lenga ne aquel de Lemozi. Dizon encara mays, que la parladura de Lemozi e la nostra val mays a chansos, sirventes e a partimens ques autra parladura, laqual cauza nos no aproam, quar huey uza bom de totz aquestz dictatz en nostre lengatge. E cil, qui dizian e pauzavan dicha opinio, se movian per doas cauzas: la una, quar en lor temps en lo nostre len-

²²⁷⁾ Біогр. по изд. С. Chabaneau, *Les vies des troub.*, Тулуза, 1885—Hist. g n. de Languedoc., стр. 216.

²²⁸⁾ См. Жанруа въ Ro., XIX, стр. 394.

²²⁹⁾ Первая треть XIII в.

²³⁰⁾ Ср. pastoreta въ біогр. Если этотъ терминъ исконный провансальскій, то, можетъ быть, pastorela—результатъ вліянія сѣв. терминологии, пришедшей вмѣстѣ съ вліяніями формъ. Такъ Г. Паристъ, *Journal des Savants*, 1891, стр. 739.

²³¹⁾ *Las razos de trobar*, изд. Guessard², 1858, стр. 71.

gatge no uzavan gayre de retroenches ni redondels si no en lengatge frances, jaciaysoque aguessem pastorelas; le segonda per lo so, quar li frances han so mays prest e aparelhat a retroenches e a redondels e a pastorelas que nos no havem.— Сделать послѣ этого изъ приведенного пассажа Видаля какиенибудь выводы въ пользу съвернаго происхожденія пастурели, какъ это дѣлаеть Бракельманъ²³²), нѣтъ никакого основанія. Остальная части аргументаціи Бракельмана крайне слабы или искусственно скомпанованы²³³).

Большаго интереса заслуживаетъ точка зрѣнія O. Schultz'a²³⁴), который предполагаетъ, что пастурель одинаково древня и на Съверѣ и на Югѣ, гдѣ она рано ступевалась, обновившись только въ XIII в. (нач.) подъ вліяніемъ пастурели французской. Жанруа обрушился на статью Шульца, короткую и, потому, нѣсколько неясную²³⁵). Намѣтивъ рѣшеніе вопроса Шульцъ совсѣмъ не попытался выяснить генезисъ пастурели тутъ и тамъ; если такъ, то какимъ образомъ оказалось возможнымъ самозарожденіе столь своеобразной формы лѣтъ различныхъ районахъ Франціи? Жанруа стала на сторону южной гипотезы. Колебанія Шульца привели Г. Париса къ предположенію, что не только пастурель, они вся средневѣковая лирика Франціи зародилась *dans une r gion interm diaire, le Poitou, la Marche, le Limousin*²³⁶).

Въ сущности, это та же южная гипотеза, только формулированная болѣе точно и опредѣленно: исходная точка литературнаго развитія Прованса становится географически осознательнѣе; въ смыслѣ отчетливости выигрываютъ и наши представлениа о литературной связи Съвера и Юга. Въ культурномъ отношеніи эта *r gion interm diaire* несомнѣнно примыкаетъ къ Югу: древнѣйшие трубадуры Серкальмонъ и Маркабрюнъ, Вильгельмъ,

²³²⁾ о. с., стр. 171.

²³³⁾ Такъ ссылка на тенсону Серкальмона: *Car vei fenir*, см. *Jahrb.*, I, 97, которая заставляетъ будто бы заподозрѣть точность показаний биографіи поэта, стр. 168: *Guilhalmi, ben panc vos costa*.

Lo mieus ostals del castel, ср.

C. si fos uns joglars de Gasconha... E cerquet tot lo mon lai on poc anar... и, по поводу Маркабрюна ученика C.: *Apres estet tan ab un trobador que avia nom C., q'el comenset a trobar*. Специально о теоріи Бракельмана см. Jeanroy, p. 25—27.

²³⁴⁾ ZsfrPh, VIII, стр. 106 сл.

²³⁵⁾ стр. 27—30.

²³⁶⁾ Journal des Savants, 1891 г., стр. 741. Точка зрѣнія эта прината Жанруа въ его статьѣ *Chansons y Petit de Julleville, Hist. de la langue et la litt. fr.* и Pillet'омъ, о. с., стр. 55—56.

графъ Пуату, принадлежать южному району Франції²³⁷), литературное значение которого запечатлено преданиемъ въ выражении *lenga de Lemosi*, Шевозі, употребляемомъ каталанцами для обозначения своего языка²³⁸), и звуковой окраскѣ такихъ терминовъ любовнаго искусства южанъ какъ *joï d'amor*²³⁹).

Болѣе поздніе факты, на которые указываетъ въ своей работѣ Г. Нарисъ, какъ напр., отношенія Ги d'Uisel или Каденета къ сеньѣрамъ Пуату и Лимузина, литературная дѣятельность Гуго X de Lusignan, Thibaut de Blazon, могутъ служить иллюстраціями къ болѣе древнему, возстановляемому процессу литературнаго общенія.

Этимъ путемъ выясняется и характеръ съверо-французской пастурели, выдѣляющейся, рядомъ съ провансальской пастушеской пѣснью, своей болыней простотой и естественностью, которыя подали поводъ Knobloch'у²¹⁰), исходя, очевидно, изъ южныхъ образцовъ (формальная симметрія элементовъ діалога), сдѣлать изъ пастурели особую форму экзотической тенсоны. Французские труберы сохранили въ своихъ пастуреляхъ ихъ старый укладъ, который подвергся на Югъ куртуазной переработкѣ.

Другое дѣло „нетиническая“ форма пастурели (за вычетомъ куртуазнаго діалога рыцаря съ пастушкой и пастухомъ, который мы встрѣчаемъ на Югѣ, и который, быть, вѣроятно, занесенъ оттуда во французскую лирику), — она чисто сѣверный продуктъ, поздній сравнительно, и потому вполнѣ понятный. Жанруа²⁴¹⁾ считаетъ эту разновидность пастурели созданіемъ пикардскихъ лириковъ. На Сѣверѣ она дѣйствительно пользовалась особой популярностью, но значительная доля дошедшаго до насъ пасторального материала известна намъ именно изъ пикардскихъ списковъ; заключеніе не мыслимо ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, такъ какъ для того, чтобы показать мѣщанскоѣ происхожденіе пастурели en question, нужно имѣть подъ руками несравненно больше фактовъ до-боделевскаго (Бодель ум. 1210 г.) периода^{242).}

B. Шишмаревъ.

²⁸⁷⁾ См. Шабанò. Rdhr., XV, стр. 157.

²²⁸ Cf. P. Meyer, *La langue romane du Midi de la France et ses différents noms* въ Ann. du Midi, n° I.

239) *Settegast, Ueber joi in der Sprache der Troubadours*
1889

^{1885.} 140) Die Streitgedichte im prov. und altfranz., Diss. Breslau,
1886.

²⁶⁴) о. с., стр. 44; за нимъ Аничковъ. Очеркъ лит. ист. Апп. сти. 267.

²⁴²) Ср. Г. Парисъ. *Journal des Savants*. 1891 г., стр. 734.

О Т Д Е Л Ъ II.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ И ПѢСНИ ВЪ Г. СТАРОДУБѢ, ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

(Окончанie).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

(Выходит царь Максимилианъ въ царскомъ одѣяніи съ золотой коропой ан головѣ. Возлѣ него два тѣлохранителя).

Ц а рь. Здравствуйте, господа!
Не видали вы меня никогда,
Я прибылъ изъ Англіи сюда.
За кого вы меня почитите: (почитаете)
За царя русскаго,
Или за короля прусскаго?
Я не есть царь русскій,
Ни король прусскій,
Я есть царь Максимилианъ.
Хотя я роста малаго, но я силенъ и храбръ...
На воды лагу—воды кипятъ,
На горы стану—горы шумятъ,
Къ облакамъ коснусь—облака упадаютъ,
А мелкія башни за облака летаютъ...
Но для кого сей тронъ сооруженъ,
Когда не для меня, царя Максимилиана?
Сяду на немъ, воцарюсь,
Возьму въ руки скипетръ и державу,
Возложу корону на царскую главу.

Я В Л Е Н І Е В Т О Р О Е.

В е н е р а. Хожу, брожу по чистому полю, по широкому раздолю
Ищу встрѣчнаго-поперечнаго, царя Максимилиана,
Я бъ его срубила, сказнила; мой мечъ обагрила бы его
кровью.

Ц а рь. Ахъ ты, дерзкая Венера, зачѣмъ ты въ мое царство за-
летѣла?

(Венера надаетъ передъ нимъ на колѣни, царь ее поднимаетъ и уговариваетъ
быть его женой; наконецъ, садить ее съ собой рядомъ).

Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель лѣвый. Скороходъ фитъмаршъ! Явись передъ тронъ великаго монарха.

Скороходъ. На что такъ скоро призываешь?

Или повелѣть что желаешь?

Или куда хочешь послать, или что сказать—

Все для тебя готовъ исполнять.

Царь. Иди, приведи попа Клинцовскаго разстригу.

Скороходъ. Пойду и приведу попа Клинцовскаго разстригу.
(приводить попа).

Явленіе третью.

(Тѣ же, попъ и пономарь).

Попъ. На что царь меня позвалъ?

Царь. Да вотъ хочу вступить въ бракъ законный и хочу, чтобъ ты нась обвѣнчаль.

Попъ. Хорошо, да я же не одинъ, а у меня есть пономарь Марко.

Царь. Зови пономара.

Попъ. Марко, а Марко!

Марко. Ну, чаго ты тамъ?

Попъ. Иди скорѣй сюда. (Входитъ Марко пьяный).

Ну, бачишь, этихъ нужно обвѣнчать.

Марко. Ну, такъ что жъ, вѣнчать, такъ вѣнчать!

Попъ. Дай книгу.

Марко. Какую тамъ книгу? Развѣ не помнишь, какъ мы забыли ее въ трактирѣ Берхепа. Остались однѣ бляшки.

Попъ. Дай хоть бляшки и по нимъ повѣнчай. (Марко подаетъ переплеть отъ книги).

Попъ читаетъ. Во время оно, ѿхавъ попъ изъ Сиона, по имени Макарій, на кобыли карей; и взбѣсихуся кобылица сія, и понесешася она стремглавъ, и взмолихуся Макарій ко Господу: о Господи, Господи, украти гнѣвъ кобылицы сія и бысть слышенъ голосъ изъ небеси — „тиру“!

Хоръ поетъ: „А вутики, вутики—

Вѣнчаются индюки!

Ложка крашеная, каша масляная!“

Попъ. Какъ стану я на Грановскаго¹⁾ крышу и крикну громкимъ голосомъ: братья, разбивайте бочки дубовые, берите черпаки мѣдные, лейте, пейте и напивайтесь, но сразу не шатайтесь.

Хоръ.

1. Развеселый день,
Шапка квасила кисель;	2. Въ Марининой рощѣ
Появились мощи;
Ложка гнется, сердце бѣстится,	И дымокъ курятъ,
Душа радуется.	И водочку жарятъ.

¹⁾ Мѣстный житель съ известной славой.

3. Въ Тешляковой¹⁾ лавци
Собирались шавцы:
И шильце въ рукахъ,
И щетинка въ зубахъ,
Самъ при кожаныхъ штанахъ,
Щей при хвартукѣ.

Попъ. (Обращаясь къ новобрачнымъ):

Поздравляю васъ съ законнымъ бракомъ!
Чтобъ жили, якъ кошка съ собакой,
Чтобъ сходились якъ поль съ балками,
Чтобъ три дня ссорились
Да къ чортовому батьку порасходились!

Царь. Спасибо! (Погъ и пономарь уходятъ).
Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель справа. Скороходъ фить-маршъ, явись предъ тронъ великаго монарха.

Скороходъ. Чего изволишь великий и грозный царь Максимилианъ? Что изволишь приказать или куда послать—все для тебя готовъ исполнять!

Царь. Иди и приведи непокорного и непослушнаго сына моего Адольфа.

Скороходъ. Пойду и приведу непокорного и непослушнаго сына Адольфа. (За сценой раздается крикъ: Адольфъ—до цара!)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Адольфъ. Я своей силой подкѣпляюсь
Предъ тобой, папа, являюсь!
На что такъ скоро, папенька, призываешь?
(Падаетъ на колѣни).

Или указъ какой отдать желаешь?
Я имѣю власть
Сейчасъ явиться предъ васъ.

Царь. Я тебя призвалъ для того, чтобы ты покаялся и повѣрилъ нашимъ богамъ.

Адольфъ. Нѣть, папа, я твоимъ богамъ не вѣрю, я твои боги топчу подъ ноги.

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ, явись предъ тронъ великаго монарха.

Скороходъ. О, великий и грозный... и т. д.

Царь. Отведи непокорного и непослушнаго сына моего Адольфа въ темницу и закуй его въ цѣпи.

Скороходъ. Пойду и отведу непокорного и непослушнаго сына Адольфа въ темницу. (Уводить Адольфа).

Царь. Маршъ-маршъ!

¹⁾ Лавка на раннемъ базарѣ.

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ, явись предъ тронъ великаго монарха!

Скороходъ. О, великий и грозный... и т. д.

Царь. Иди и приведи изъ темницы моего сына Адольфа!

Скороходъ. Пойду и приведу... и т. д. (за сценой кричать: „Адольфъ, до царя!”).

Адольфъ. (выходитъ въ цѣпяхъ, измученный, блѣдны).

Почто такъ скоро, папенька... и т. д.

Царь. Вѣришь нашимъ богамъ?

Адольфъ. Нѣтъ, не вѣрю! я ваши боги топчу подъ ноги!

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ! Явись передъ тронъ великаго монарха.

Скороходъ. О, великий и грозный... и т. д.

Царь. Иди и отведи непокорнаго и непослушнаго сына моего Адольфа въ темницу.

Скороходъ. Пойду и отведу... и т. д. (уводить Адольфа).

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ! Явись и т. д.

Скороходъ. О, великий... и т. д.

Царь. Иди и приведи изъ темницы моего сына Адольфа!

Скороходъ. Пойду и приведу и т. д.

Адольфъ. (выходить измученный еще болѣе).

Я своей силой подкрѣпляюсь,

Передъ тобой папа являюсь и т. д. какъ въ 1-мъ выходѣ.

Царь. Я тебя призвалъ для того, чтобы ты покаялся и повѣрилъ нашимъ богамъ.

Адольфъ. Нѣтъ, папа, я твоимъ богамъ не вѣрю, я твои боги топчу подъ ноги.

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ! Явись передъ тронъ великаго монарха!

Скороходъ. О, великий и грозный... и т. д.

Царь. Иди и приведи изъ темницы того разбойника, который сидитъ въ темницѣ тридцать лѣтъ и три года.

Скороходъ. Пойду и приведу разбойника, который сидитъ въ темницѣ 30 лѣтъ и 3 года.

(Входитъ разбойникъ высокаго роста въ тяжелыхъ цѣпяхъ на рукахъ).

Явление пятое.

Разбойникъ. Я изъ тучи громовой, изъ тюрьмы роковой являюсь предъ тобой (разрываетъ цѣпи и бросаетъ ихъ на полъ); что хочешь приказать, все для тебя готовъ исполнять!

Царь. Ты сидѣлъ у меня въ темницѣ тридцать лѣтъ и три года; я тебѣ все прощу, только ты долженъ казнить непокорнаго и непослушнаго моего сына Адольфа.

Адольфъ. (поетъ, стоя на одномъ колѣнѣ). О, дражайшій мой родитель, не вели меня казнить!

Хоръ. Бози, вы, бози, помилуйте нась! (2 раза).

Адольфъ. Не вели меня казнить, душу съ тѣломъ мою разлучить.

Хоръ. Бози, вы, бози, помилуйте нась! (2 раза).

Адольфъ. Часъ смертельный наступаетъ, лушу съ тѣломъ мою разлучаетъ.

Хоръ. Бози, вы, бози, помилуйте нась! (2 раза).

Разбойникъ. О, Боже, Боже! Какое тяжкое приказаніе прощить невинную кровь сю.

(поетъ):

О, Боже, Боже, царю вѣчный,
Невинно страждущихъ отецъ!
Ты будь Адольфу покровитель,
Ему заступникъ и отецъ!

(Обращаясь къ Адольфу): Сидѣлъ я у твоего отца 30 лѣтъ и 3 года и все время я душою любилъ тебя; но что жъ дѣлать, когда отецъ твой—извергъ рода христіанскаго—приказываетъ тебя убить. Итакъ, прощайся, Адольфъ!

Адольфъ (поетъ):

Прощай родъ,
Прощай народъ!
Прощайте уложки,
Закоулочки
И всѣ переулочки,
И ты извергъ рода христіанскаго!

Разбойникъ (стрѣляетъ изъ пистолета въ Адольфа, который падаетъ).
Адольфъ мертвъ!

Венера (падаетъ передъ Адольфомъ на колѣни и плачетъ).

Хоръ (поетъ).

Умерла надежда наша
И скончалася любовь!
Ручки къ сердцу приложили.
На кладбище понесли.
На кладбище приносили
Сырой земли предали.
Сыра земля застонала,
Что невинная душа.

(Являются носильщики и убираютъ Адольфа).

Я В Л Е Н И Е Ш С Т О Е .

(За сценой раздается стрѣльба и пѣсня):

Сбушевались татары
На невѣрнаго царя.

(На сцену врываются татары (войско Мамая) и начинаютъ биться съ войсками Максимилиана; раздаются крики: сражайся, сражайся!!)

(На полу валяются убитые и раненые).

Царь. Маршъ, маршъ!

Тълохранитель. Скороходъ фить-маршъ!.. и т. д.

Скороходъ. О великий... и т. д.

Царь. Иди и приведи гробокопателей.

Скороходъ. Пойду и приведу гробокопателей.

(Приводить сгорбленного старика, который еще двигается).

Явление седьмое.

Старикъ. На что ты меня зовешь?

Царь. Убери это тѣло, чтобы въ моемъ царствѣ не смердѣло.

Старикъ. Да я не одинъ, у меня есть старуха.

Царь. Зови и старуху!

Старикъ. Солофонида Перекатьевна, модница-перемодница, сельская сковородница, иди до царя!

Соломонида. Иду, иду сейчасъ! (Входитъ, еле двигаясь).

Старикъ. Ну, что? Въ домѣ порядки навела, курей подоила коровъ пощупала, индюковъ въ поле отогнала?

Соломонида. Все, все (кашляетъ) сдѣлала!

Старикъ. Намъ нужно убрать эти мертвыя тѣла.

Соломонида. Ну, что жь, давай!

Старикъ. Да я боленъ, мнѣ нужно доктора!

Царь. Маршъ, маршъ!

Тълохранитель. Скороходъ фить-маршъ!.. и т. д.

Скороходъ. О, великий и грозный... и т. д.

Царь. Иди и приведи лекаря перелекаря, французского пекара!

Скороходъ. Пойду и приведу лекаря-перелекаря, французского пекара (входить докторъ, носъ синій и подбитый, глаза тоже, на щекахъ огромныиѣ прыщи и нарыва; онъ въ очкахъ, съ бутылкой лекарства и молоточкомъ; позади идетъ фельдшеръ).

Явление восьмое.

Докторъ. Что старикъ болитъ?

Старикъ. Да, бо тутъ!

(Лекарь тщетно ищетъ мѣста, гдѣ старикъ чувствуетъ боль, но, не смотря на ощупываніе его со всѣхъ сторонъ, не находить).

Докторъ. Да что ты меня, дуракъ, дурманишь? Я докторъ заграничный, молоточекъ у меня отличный, я болячки вырѣзаю, скучки вставляю, а такихъ чертей, какъ ты—на тотъ свѣтъ отправляю! Кто ко мнѣ придетъ на ногахъ, то отъ меня уходитъ на костыляхъ!

Фельдшеръ!

Явление девятое.

Фельдшеръ. А чевось-сколес-котос-барш!

Докторъ. Иди и принеси микстуры.

Дѣдъ (кричитъ): Не хочу на стули.

Фельдшеръ. Смотришъ подъ столомъ и подъ шкафомъ, но не пашель ни въ одномъ!

Докторъ. Посмотри въ другомъ!

Фельдшеръ. Да нѣть! Обошелъ кругомъ, но нѣть ни въ одномъ!

Докторъ. Смотри на полѣ!

Фельдшеръ. Да тамъ бабскія нитки да иголки.

Докторъ. Ну, давай какая есть!

Фельдшеръ. Уже принесъ!

(Берутъ стъ докторомъ дѣла за руки и насилино вливаютъ ему въ ротъ микстуру; тотъ вырывается и кричитъ: не хочу на стулы).

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ... и т. д.

Скороходъ. О, великий... и т. д.

Царь. Иди и приведи жицковскаго жида.

Скороходъ. Пойду и приведу жицковскаго жида.

(За сценой кричить: жидъ, до царя!)

Явление десятое.

Жидъ. Циасъ, циасъ иду! (но не показывается).

Скороходъ. Жидъ, скорѣе до царя!

Жидъ. Ну, цаго ты тамъ крицисъ! Цто, у тебе зивотъ болить?

Цто? А? Ну, сказалъ иду, знацить иду, а если хоцесь скоро, — то погоди!

(Входитъ въ грязномъ рубищѣ, сбоку грязная метла и много старья понавѣшено; на головѣ капоръ).

Жидъ. Ну, чаво ты жвалъ мене?

Царь. Спой мнѣ „чечотку“!

Жидъ. Нахай табѣ чахотка, а не мнѣ!

Царь. Спой „чечотку“!

Жидъ. Сто пѣть, я не одинъ.

Царь. А кто у тебя есть?

Жидъ. Да у меня Шмерка.

Царь. Ну, зови Шмерку!

Жидъ. Смерка, Смерка, а Смерка! (отвѣта нѣть). Смерка! У, стобъ табе цортъ забралъ! Дусу твою на вагонъ пасадиль!

Явление одиннадцатое.

Шмерко. Ну, цто? зивотъ болить? Я иду!

(Является еще хуже одѣтый, чѣмъ его отецъ).

Жидъ. Циво ты не хоцесь идить? До цара зовутъ, а ты сидись?

(Гоняется за Шмеркой и, догнавъ его, начинаетъ бить). Дуракъ, шкатина, шинъя, ты не знаешь, что я живу тебѣ! Царь каже пѣть „чечетку“!

Шмерка. Сто чахотку, може синицу!

Жидъ. Чахотку, такъ чахотку!

Царь. Да, прохлятое, Богомъ изгнанное поколѣніе я говорю „чечетку“!

(Жиды ссорятся между собою, повторяя „чечетку, воробья и спиницу“. Наконецъ, дерутся и толкаютъ царя. Тѣлохранители толкаютъ ихъ, и происходитъ общая драка. Тѣлохранители усмиряютъ жицовъ).

Жидъ. Ну, цтозе пѣть?

Царь. „Чечетку“!

Жидъ. Хорошо! Смерка, а Смерка, ну, пойцацотку!

(Поютъ):

Якъ была сабѣ цацотка (2 раза).

Скокъ до царя (несколько разъ).

(Жидъ бьеть тѣлохранителя по головѣ, а царицу старается поцѣловать).

Жидъ. Ну! (Береть царя за золотъ; тѣлохранители его отбрасываютъ).
Сто нѣть! Сто нѣть!

(Поднимаютъ крикъ оба уже жида и стараются добраться до царя, но тѣлохранители не допускаютъ).

Царь. Да отойдите дальше, черти проклятые, и расскажите лучше что либо изъ жизни своей!

Жидъ. Мозно, мозно, да только ты даси мнѣ эту ступку.

(Прикасается рукой къ коронѣ, тѣлохранители его отталкиваютъ).

Жидъ. Ну, чаво ты дуракъ, шинья; сто ты не въ свой корыто лѣзешь, я тебя не боюсь!

Тѣлохранитель. Ну, стой, уже стой, а то... (показываетъ на саблю).

Жидъ. Ну, ну! Сто ты сутись! Мы тозе не одни, а двое; мы дружны—всемерыхъ одну дорнищу тянемъ.

Царь. Не дури головы, жидовскій жидъ, Афроимъ, съ чортовой кожі скроенъ, говори уже, что тебѣ приказывають!

Жидъ. Ну, вотъ (говорить нараспѣль): ёхали мы отъ Быхлова до Быхлова, наша кобылицка изъхлова; стали мы думать да гадать, якъ насъ кобылицка вытягать; исовъ музидисце дурнисце, выломивъ полѣнисце съ козиное головисце, ударивъ нашего веребъеноса да новисе носа. Якъ полетѣвъ насъ веребъенось черезъ восьмѣро колесь, да на девятыя зацѣпился, упавъ и чорту душачку отдавать. (Обращаясь къ царю). Ну, сто, хорошо? Ага, хорошая стука! А еще жъ одна была стука.

Царь. А ну, ну!

Жидъ. Якъ настъ рабинъ помираль, въ гору нозецки задиралъ, на маму гляне, вочи переверне, три раса пердне—и чорту дусацку отдалъ! Пролетали ангелоцки, хвостики якъ серпоцки, нозецки якъ иглоцки, воцецки якъ искорки, подхватили насегда рабина, понесли и бросили въ рай, азно церепъ зашаматѣль!

Царь. Эхъ, вы проклятые дуросвиты!

Жидъ. Кого, сто? Сто? Давай наша, давай наша!

(Поднимается сильный шумъ и свалка, тѣмъ представление и оканчивается).

Пьеса эта всегда имѣла шумный успѣхъ и многіе до сихъ поръ съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о прежнихъ веселыхъ святкахъ. Но постепенно забываются народныя пѣсни, гаснутъ искры народнаго творчества... На сцену выступаетъ безсмысличная частушка и бала-лайка...

П. Г. Мезеринский.

ПАНИХИДНОЕ ПѢНИЕ СТАРЦЕВЪ.

(Изъ поездки на Богомолье въ Ордынскую пустынь).

Въ Порѣчскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи протекаетъ одинъ изъ значительныхъ притоковъ Зап. Двины—рѣка Мѣжа. На лѣвомъ берегу ея стоитъ общежительный монастырь—„Ордынская пустынь“.

Близи ея находится только одна незначительная деревушка (Каленидово); другія селенія—на значительномъ разстояніи отъ пустыни. Причина такого безлюдья кроется въ томъ, что край не имѣетъ никакихъ природныхъ богатствъ для выгодной эксплоатации; города—далеко (не ближе 60—70 верстъ), и пути сообщенія имѣютъ только мѣстное значеніе.

Но бываетъ и здѣсь весьма оживленное время, когда скромная Ордынская пустынь задыхается отъ многолюдства. Тысячи народа изъ Смоленской, Витебской и даже Псковской губерній наполняютъ собою не только всѣ жилыя помѣщенія монастыря, но и всѣ уголки его хозяйственныхъ зданій: сараи, скотный дворъ, гумно и др. Многіе располагаются прямо подъ открытымъ небомъ вокругъ неугасающихъ во всю ночь костровъ. Все это паломники, пришедшіе въ монастырь для поклоненія чудотворной иконѣ Владимицкой Божіей Матери, (23 іюня). Начинается стеченіе богомольцевъ съ каанунъ этого дня; 24 іюня (Ивановъ день) весь народъ съ крестнымъ ходомъ направляется въ скитъ на Богомолье въ храмъ, устроенный въ честь Иоанна Предтечи.

Разумѣется, во всѣ эти дни въ храмахъ монастыря, кроме установленныхъ богослуженій, съ раннаго утра до позднаго вечера, по желанію богомольцевъ, совершаются молебствія и другія молитвословія. Въ дни поломничества народомъ нашимъ овладѣваетъ религіозное настроеніе въ высокой степени. Ему какъ будто мало молитвенныхъ дѣйствій въ церкви; онъ съ глубокимъ вниманіемъ и даже благоговѣніемъ выслушиваетъ пѣніе и причитанія старцевъ, которые къ этимъ праздникамъ прибываютъ въ монастырь въ большомъ числѣ и располагаются группами у наружныхъ стѣнъ обители.

Въ нынѣшнемъ 1907 году особеннымъ вниманіемъ женщины-богомолки пользовались пѣвцы панихиды. Содержаніе этой панихиды на столько интересно, что я рѣшилъ записать ее со словъ запевалы и подѣлиться этимъ народнымъ произведеніемъ съ любителями народной литературы.

Поется панихида по особому заказу и за плату 5-ти коп. въ такомъ порядке:

— Запѣвала начинаетъ славословіемъ „Слава Отцу и Сыну, и Св. Духу, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.“

— Хоръ поетъ—„Аминь.“

Паломница, по заказу которой поется панихида, начинаетъ говорить имена усопшихъ родныхъ: „Ивана“!

— Хоръ: „Иванову душу, царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „Марью“!

— Хоръ: „Марьину душу, царство небесное, Господи, вспомяни!“

И такъ далѣе... пока умиленная (а иногда и плачущая) паломница не перечислить не только своихъ родныхъ, но и многихъ близкихъ людей.

Затѣмъ хоръ начинаетъ пѣть общий помянникъ, такъ сказать, вселенскую панихиду:

„Славныя памяти родители покровители (кровные), души представлennыя, дѣды ваши и бабы, отцы ваши и мамы, тѣтки ваши и дядьки, братья ваши и сестры, племянники ваши и племянницы, крестники ваши и крестницы, внучки ваши и правнучки, старыхъ и малыхъ, придѣ Богомъ собранныхъ —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— Бабку вашу родную, бабку вашу приемную, которая у васъ при роду стояла, съ сырой земли возымала, брудъ (грязь) съ тѣла очищала, крестъ-молитву накладала, отцу и матери на бѣлы руки подавала —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „Отца крестного, и матеръ крестную, которую мать крестила и подъ крестъ Божій подносила, въ вѣру христіанскую приводила, у Бога долю-частія просила —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „Отца родного и матеръ родную, которую мать тяжко носила и горше того спородила, темныхъ ночекъ не усыпала и ярыя свѣчи не угашала, горячую кровь проливала, по имени NN зовущую, до Суда лежащую —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „Дѣтки малёнки, рожденныя и крещеныя, ангелами крещенныя (мертворожденныя), чистоплотныя —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „Вдовы, сироты, беззлеменные головы, которыхъ некому поминати, и престола застилати, ярыя свѣчи повышати (перемѣнить поминальный свѣчи) —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „На огнѣ горящіе, на водѣ потоплашіе (утопленники), на постели засыпащіе, перунами забиващіе, лѣстомъ, снѣгомъ западающіе, въ морозѣ замерзающіе, безъ спѣвѣди (тайство покаянія) помирающіе, въ лѣсахъ заблудяющіе, на войнѣ забивающіе —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „Девятое поколѣніе, десятое почитаемыхъ, читанныхъ и нечитанныхъ, писаныхъ и неписаныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, забытыхъ и незабытыхъ —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „Господи, впиши ихъ въ оную книгу животворящую, въ грамоту церковную, въ псалтыри соборныя! Донеси ихъ, Господи, до царства небеснаго, до города Иерусалима, до царя Давыда, где вси святые спочивають: Антоній, Феодосій, Аврамъ. Исаакъ, Іаковъ и всѣ кievскія мощи пещерскія, патріархи іерусалимскіе,—тѣ души представленныя и премоленныя!..“

— „Святый Боже, Св. крѣпкій, Св. бессмертный, помилуй насъ!“

— „Надгробное рыданіе, поюще животодавшую Троицу,—и Ты, Богородица, лица чистаго, непорочная, сущая Дѣвородица, Тя величаемъ“.

(Списано со словъ запѣвалы—Пахома Козмичева, крестьянина Витебской губ., Полоцкаго уѣзда).

Сообщилъ Наз. Любимовъ.

ХИВИНСКИЙ РАЗСКАЗЪ ПРО АННА-МРАТЬ БОВУ.

Въ минувшее время жиль-былъ человѣкъ по имени Анна-Мратъ-Бова¹). Запрягъ онъ пару воловъ землю пахать, идетъ, погоняя свою пару, вдругъ что-то задѣло у него за соху. Взялъ онъ пошарилъ, смотрить: кувшинъ золота! Поднялъ онъ его, а по дорогѣ ёдетъ верхомъ царскій мехремъ-придворный. Бовъ пришло на мысль: тотъ человѣкъ этотъ кладъ замѣтилъ; если онъ сообщить царю о находкѣ раньше меня, то много-много мнѣ безпокойства увидѣть!

-- Мехремъ-ага! закричалъ Бова. Мехремъ подѣхалъ къ нему. Бова снова задумывается: а если онъ не замѣтилъ этого клада? я не желаю пропустить это богатство мимо себя! Найду-ка я какой-нибудь предлогъ!

-- Мехремъ-ага! говоритъ онъ: этого быка я купилъ за тридцать рублей, а этого быка я купилъ за сорокъ рублей; я погоню ихъ, а вы посмотрите, который изъ нихъ лучше ходить!

Мехремъ скалаль: „я не торговецъ скотомъ, эхъ ты, чернолобая!“²) Сказалъ и тронулся дальше.

Бова опять думаетъ про себя: нѣты! а вдругъ онъ теперь замѣтилъ кладъ,—позову-ка его снова! И снова закричалъ: „эй, Мехремъ!“ Мехремъ обернулся, слышитъ: „пойди сюда! у меня есть къ тебѣ доброе слово!“ Мехремъ подумалъ: „идти, такъ ужъ ладно, пойду!“ и снова приближается къ Бовѣ. Анна-Мратъ-Бова разсуждаетъ: „если онъ замѣтилъ бы, развѣ онъ не спросилъ бы у меня, что это такое? Вовсе опъ этого не замѣтилъ!“ И говоритъ Бова мехрему:

— Эту пашню я четырежды вспахалъ, а эту пашню я трижды вспахалъ; на этомъ полѣ я думаю кунжутъ засѣять, а на этомъ я думаю горохъ засѣять,—ладио-ли это будетъ?

Мехремъ отвѣчаетъ: „ахъ, чернолобая! я, Бова, сроду не былъ земледѣльцемъ!“ И подѣхалъ себѣ. Бова кричитъ: „эй, мехремъ-ага!“, а мехремъ, не обращая никакого вниманія, знай себѣ ёдетъ.

¹) Анна изъ персидскаго адина — пятница; Мратъ изъ арабскаго мурад — желанный; Бова (баба) — дѣдъ, старецъ.

²) Либимая отборная хивинская ругань; по-хивински звучить такъ: э, манглай кара зангаръ! Послѣднее слово по-перс. значить бѣзпутная женщина.

Анна Мрать-Бовъ приходитъ на умъ: „пойду-ка я съ кладомъ къ хану прежде мехрема! Иначе, если этотъ доложить, много беспокойства я увижу!“. Завернулъ давешній кувшинъ въ свой чапанъ, погналъ передъ собой воловъ, пришелъ домой и говорить своей женѣ: „дай мнѣ маленечко покушать!“ А у жены его уже была сварена пища. Только она хотѣла наложить тарелку и подать, только-было Бова приготовился бѣсть, какъ—глазь старуха: все въ котлѣ исчезло! Со словами: „приключилась съ мужемъ какая-нибудь бѣда!“ выходитъ она на дворъ, видѣть давешній чапанъ, а въ немъ находить кувшинъ золота. Припрятавъ находку, старуха завертываетъ вмѣсто нея нѣчто другое — круглый камень равнаго съ кувшиномъ вѣсу. Наѣвшись досыта ¹⁾), Бова поднимаетъ свой халатъ и направляется теперь на ханскій пріемъ. Когда было объявлено о началѣ пріема, Бова немедленно выступаетъ съ халатомъ въ рукахъ и заявляетъ:

— Таксыръ! у меня есть просьба!

Ханъ отвѣтываетъ: сказывай!

Бова думаетъ: чего тамъ тратить время на разглагольствованія! Схватилъ халатъ за край, встрихнулъ кверху и вотъ—камень съ грохотомъ упалъ на землю. Бова растерялся и разсуждаетъ про себя: „то, что я нашелъ, было золото, а это—камень! Въ этомъ есть что-то таинственное!.. Однако, надо непремѣнно оправдаться“. И Бова сказалъ хану:

— Сидѣло насъ человѣкъ пять-шесть, разговаривалъ. Одинъ человѣкъ сказалъ: въ этомъ камнѣ будетъ пудъ, другой сказалъ: нѣть, будетъ тридцать фунтовъ. Я, памятую, что у царей умъ сорока людей бываетъ ²⁾), принесъ вамъ этотъ камень“.

Ханъ сказалъ: „нешто ты слышалъ, что мы—надсмотрщикъ за мѣрами и вѣсами? Взять его и посадить въ тюрьму!“ Посадили Бову въ тюрьму, растерялся онъ, сидѣть и твердить: „у того, что я нашелъ, отверстіе было вотъ эдакое, а высота была вотъ эдакая“. Примѣтили это стражники и доложили хану: „Бова все твердить „вотъ эдакій“; какъ будто онъ что-то такое нашелъ“. Тогда ханъ приказалъ: „пытайте Бову!“ Стражники приступили къ пытанью: сколько они его ни били палками, сколько ни лили въ ротъ зелья—лили съ прибавкой соли,—онъ ровно ничего не сказалъ. Послѣ этого ханъ приказалъ: „задайте ему дыму изъ-подъ соломы!“ Посадили Бову въ подходящее мѣсто, притащили мѣшокъ соломы, подожгли ее, крѣпко притворили дверь и ушли. Не будучи въ состояніи перенести дыма, Бова началъ кричать: „сжальтесь! откройте! скажу!“ Стражники открыли, „говори!“ сказали.—„Вамъ не хочу говорить; ужъ если скажу, такъ хану“, отвѣталъ Бова. Привели Бову къ хану. „Говорить, такъ говори!“ сказалъ ханъ. Бова возражаетъ: „при этихъ людяхъ не скажу, а вамъ на ухо скажу!“ Ханъ подставилъ ухо, и

¹⁾ Разъ въ котлѣ все исчезло, то Бовѣ, вѣроятно, пришлось подкрѣпиться всухомятку.

²⁾ Что этотъ, выраженный въ формѣ пословицы, народный взглядъ на идеаль царя принадлежитъ не однимъ хинца мъ, видно изъ слѣдующаго стишка одной киргизской свадебной пѣсни: „умъ сорока человѣкъ у хана бываетъ, яр-яр!“. Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, акад. В. В. Радлова, т. III, текстъ, стр. 7, куплетъ 1.

Бова молвилъ: „твои палки хороши, и твое зелье тоже хорошо; ахъ! ужъ и этотъ дымъ изъ-подъ соломы!—Впредь этого дермана не бѣшь! (т. е. остерегайся дѣлать такія жестокости“¹⁾). Тутъ и ханъ смутился. Со словами: „нынѣ слѣдуетъ одарить этого Бову“, онъ пожаловалъ ему тысячу тиллей, одежды и отпустилъ.

Вернулся Бова домой, легъ спать и увидѣлъ сонъ, будто онъ съѣлъ сорокъ „деуче“ (незрѣлый абрикосъ). Вставъ, онъ сказалъ своей старухѣ: „я видѣлъ сонъ“; старуха спросила: „что за сонъ ты видѣлъ?“ Бова сказалъ: „во снѣ я съѣлъ сорокъ деуче“. Старуха заявила: „такъ называемое „деуче“ есть нѣчто горькое, такъ ты получишь сорокъ палокъ!“ Бова промолвилъ: „рѣчъ эта твоя—не-подходящая“, захватилъ одну лепешку, испеченную въ земляной печи, и отправился къ ишану²⁾.

— „Таксыръ!“ сказалъ Бова ишану: „видѣлъ я одинъ сонъ; во снѣ я скушалъ сорокъ деуче. Проснувшись, я рассказалъ это своей женѣ, а она мнѣ сказала: ты получишь сорокъ палокъ. Рѣшивъ обратиться за растолкованіемъ сна къ вамъ, я вотъ и явился до вашей милости“. Ишанъ молвилъ: „не обращайся за толкованіемъ сновъ къ тремъ разрядамъ людей: во-первыхъ, къ своей женѣ; во-вторыхъ, къ своему сверстнику-пріятелю; въ-третьихъ, къ глупому человѣку. Какъ растолкуютъ разсказанное про сонъ, такъ оно и случится. Теперь ты получишь сорокъ палокъ, все до однехонькой!“

Бова вернулся домой, велѣлъ женѣ помыть свое бѣлье, снявъ, даль его ей, а самъ завалился спать, разсуждая: если я никого не трогаю, ни въ чьи дѣла не вмѣшиваюсь, кто меня ударить?

Старуха занялась стиркой. Въ это время ханъ проѣзжалъ мимо; старуха выплеснула грязную воду, ханскій конь испугался пѣни и сбросилъ хана. Ханъ спросилъ: „кто тутъ живетъ?“ Люди сказали: „это домъ Анна-Мратъ-Бовы“. Ханъ приказалъ его привести, люди привели. Тогда ханъ посовѣтовался со свитой: что съ Бовой сдѣлать; люди сказали: надо наказать. Ханъ приказалъ его бить. Когда ему всыпали сорокъ палокъ ровнымъ счетомъ, онъ взмолился. Бову отнесли домой.

Тутъ какъ-то Бова снова увидѣлъ сонъ; на этотъ разъ онъ съѣлъ во снѣ восемьдесятъ деуче. Проснувшись, онъ снова сообщилъ своей старухѣ, что онъ опять видѣлъ сонъ. Когда старуха спросила: „что за сонъ ты видѣлъ?“, тотъ отвѣтилъ:

— Ишь ты, , чтобы тебѣ сдохнуть!³⁾ я тебѣ не скажу; заверни-ка май лепешку, я пойду къ ишану.

¹⁾ Анна-Мратъ-Бова типъ, извѣстный и въ русскомъ быту, это—бла-женные старцы и старицы, братцы и сестрицы, почитаемые народомъ за святыхъ и приемлющие иногда смѣлость говорить правдивое, а часто горькое, устрашающее слово даже царямъ, обыкновенно въ загадочной, иносказательной формѣ. Извѣстны, вѣдь, случаи, когда цари искали встрѣчи съ такими людьми, чтобы покорно, смиренно выслушивать ихъ порой вѣчнѣ рѣчи. Типъ этотъ отчасти сродни цинику Диогену. О популярнѣйшемъ „блаженненськомъ“ Средней Азии, Мешребѣ см. въ моей замѣткѣ „Туркмен-ский поэтъ-босаякъ Нбр-Молла“, Живая Страна, вып. IV 1907 г., стр. 5 отдельного оттиска.

²⁾ По-перс. О и и; это п и р, или старѣшина суфіевъ-дервишей, котораго изъ уваженія титулуютъ перс. мѣстоименіемъ 3 лица множ. числа.

³⁾ По-хивински: э, блюмъ зангар!

— Таксыръ! говорить: сегодня я снова видѣлъ сонъ, говорить; во снѣ я сѣлъ пятнадцать деуче, говорить.

Ишантъ сказалъ: ты точно говори, сколько ты сѣлъ деуче!

— Таксыръ! говорить: я сѣлъ сорокъ-пятьдесятъ деуче!

Ишантъ сказалъ: и это еще не точно; правду говори!

Бова спросилъ: за каждый деуче вы соизволите по одной палкѣ предсказать?

Ишантъ отвѣтилъ: нѣтъ! говори же!

Бова сказалъ: сегодня я восемьдесятъ деуче сѣлъ.

— Если такъ, молвилъ ишантъ: такъ сегодня ты получишь въ подарокъ тысячу тилля (золотая монета).

Бова сказалъ: „если это слово вѣрно, то полученное мною пусть будетъ пожертвовано вамъ!“ Затѣмъ Бова вернулся домой. Въ этотъ вечеръ (т.-е. наканунѣ) ханъ тоже видѣлъ сонъ; ему приснилось, что насталъ день страшного суда. Всѣхъ людей погнали въ мосту Сыратъ¹⁾, и хана погнали. Когда онъ прошелъ уже тысячапятисотъ лѣтній путь, нередъ ханомъ выступилъ Анна-Мрать-Бова и сказалъ:

— Ты настъ безъ вины на томъ свѣтѣ бѣешь; ты не видишь, что это изъ-за жирности твоего коня, ты не видишь, что это по винѣ твоихъ конюховъ, нѣтъ,—ты говоришь, что конь тебя свалилъ изъ-за вотъ этого Бовы, и ты бѣешь меня; если ты бѣешь меня, такъ и здѣсь тоже побей и ступай! Или-же сквитайся и ступай!“ Этими словами Бова привель царя въ большое беспокойство. Со страху царь пробудился; вставъ, онъ приказалъ двумъ людямъ привести Анна-Мрать-Бову. Когда люди пошли, Анна-Мрать-Бова замѣтилъ ихъ, кинулся къ себѣ домой и сказалъ своей старухѣ: „приближаются два царскихъ человѣка; если спросятъ меня, скажи—дома нѣтъ; если не отстанутъ, скажи—боленъ лежитъ; если и тутъ не отстанутъ, такъ скажи—умеръ!“ Мехремы вошли въ домъ, крикнули, старуха вышла.

— Анна-Мрать-Бова гдѣ? спросили.

— Дома нѣтъ! отвѣтила старуха.

— Мы только что его видѣли! онъ—здѣсь! сказали.

— Онъ боленъ лежитъ, говорить старуха. И тутъ они не отстали.

Наконецъ, старуха имъ отвѣтила:

— Умеръ!

— Если онъ и мертвъ, мы его все равно унесемъ! говорить они, находить корзину, кладутъ Бову, двое поднимаютъ съ двухъ сторонъ и несутъ къ хану. Ханъ спросилъ: „что это?“

— Это — Анна-Мрать-Бова, отвѣтили: завидѣвъ настъ, онъ со страху строить изъ себя мертваго; мы принесли его къ вашей милости. Ханъ приказалъ: „пусть каждый изъ васъ принесетъ изъ сада охапку прутьевъ! Я крикну разъ: „Анна-Мрать-Бова!“ — и если онъ встанетъ, такъ встанетъ, а не встанетъ, — бейте его, пока эти палки не кончатся“.

¹⁾ По вѣрованию мусульманъ мостъ этотъ, тоньше волоска и єже острія меча, будуть проходить всѣ люди послѣ страшного суда; кто съ него срвется, тотъ угодить прямо въ адъ, а кто по нему пройдетъ, тотъ очутится въ раю.

Только ханъ крикнулъ разъ: „Анна-Мратъ-Бова!“, какъ тотъ вскочилъ со словами: „къ вашимъ услугамъ, таксыръ!“¹⁾“

Ханъ спросилъ: „чѣмъ ты удовольствуешься относительно насть: тѣмъ ли, что побѣшишь меня палками, или тѣмъ, что получишь деньги?“

Бова подумалъ: „теперь онъ навѣрняка порѣшилъ убить меня: если я возьму деньги, скажутъ, что я похитилъ деньги изъ казнѣчества; если я дамъ хану палокъ, скажутъ, что я побилилъ цара“, подумалъ и молвилъ: — „О, государь! денегъ мнѣ не нужно, и вѣсь я быть не стану,—спасибо! Если вы меня самого не тронете, отпустьте, такъ и это преочень хорошо будетъ!“

Царь говорить:

— Чтобы ты одного изъ двухъ не сдѣлалъ, это совсѣмъ невозможнo.

Бова съ плачемъ читаетъ благодарственную молитву и заявляетъ:

— Я вами тысячу разъ доволенъ!²⁾

Царь приказалъ:

— Если онъ теперь удовлетворенъ, дайте ему въ подарокъ тысячу тилля и полное одѣяніе!

Бова получилъ деньги, пришелъ въ хорошее настроеніе и направился къ ишану. Онъ отдалъ деньги ишану и принялъ отъ него благословеніе.

Остроумный и проникнутый юморомъ народный разскazъ этотъ записанъ мною 4 июня 1908 г. въ хивинскомъ городѣ Илямы по-хивински, а затѣмъ переведенъ мною по-русски. Разсказалъ мнѣ его мулла Мемедъ-Райимъ (Мухаммѣдъ-Рахимъ, 31 года), одинъ изъ хивинцевъ, прислуживавшихъ мнѣ во время моего пятидневнаго пребыванія въ ханскомъ саду при вышеназванномъ городкѣ.

A. C—чз.

¹⁾ По-хивински: ляббей (леуей), таксыръ.

²⁾ Т. е. не имѣю къ вамъ никакихъ претензій и тѣмъ открываю вамъ путь по мосту Сырать въ рай.

ИЗЪ ЯКУТСКОЙ СТАРИНЫ.

(СТАРЫЕ ПИСАТЕЛИ О ЯКУТАХЪ).

Врядъ ли кто изъ занимающихся нынѣ изслѣдованиемъ быта сѣверныхъ инородцевъ Сибири имѣеть подъ руками старинное „Путешествіе въ Америку“ *Хвостова и Давыдова*,—врядъ ли кто изъ нихъ подозрѣваетъ, что въ I-ой части этого путешествія содержится довольно много интересныхъ свѣдѣній объ образѣ жизни якутовъ и, главное, о такихъ обычаяхъ, которые нынѣ уже среди якутовъ не встрѣчаются. Говорю *врядъ-ли* потому, что даже въ „Матеріалахъ для библіографіи Якутской области“ (Ирк. 1893) покойного *В. Л. Приклонского* нигдѣ не значится название „Путешествіе“. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что почтенному библіографу и въ голову не пришло искать свѣдѣній о якутахъ въ специальному сочиненіи, посвященному описанію путешествія въ Америку, куда, на самомъ дѣлѣ, путешественникиѣхали черезъ Сибирь: добравшись до Охотска сухимъ путемъ, они продолжали оттуда путь на судахъ Американской Компаниіи. Знакомствомъ съ „Путешествіемъ“ *Хвостова и Давыдова* я обязанъ любезному указанію студента с.-петербургскаго университета *С. И. Руденко*, предоставившаго мнѣ для использованія и самую книгу—нынѣ библіографическую рѣдкость (издана не ранѣе 1803 года; заглавный листъ даннаго экземпляра утерянъ).

На первый разъ привожу, съ сохраненіемъ стиля подлинника, извлеченіе изъ второй главы первой части „Путешествія“ (стр. 127—138), содержащее свѣдѣнія о томъ, что авторъ (*Давыдовъ*) „могъ самъ видѣть или съ достовѣрностью узнать о якутахъ“.

Эд. *Пекарскій*.

Якуты, какъ известно, происходятъ отъ татарскаго поколѣнія; сходство языка ихъ съ татарскимъ и многихъ обычаевъ можетъ послужить достаточнымъ тому доказательствомъ¹⁾. Я описалъ уже зимнія ихъ юрты²⁾; лѣтомъ же большая часть якутовъ живетъ тамъ,

¹⁾ Современные изслѣдователи склоняются къ тому мнѣнію, что якуты составляютъ монголо-туркское племя.

²⁾ Вотъ это описание, помѣщенное на стр. 43 главы 1-ой: „юрта строится четвероугольною изъ стоячихъ нѣсколько наклонныхъ деревьевъ, съ внутренней стороны обтесанныхъ; снаружи обкладывается землею, по большей же части навозомъ; крышка дѣлается ровною, а полу почти никогда не бываетъ. Въ серединѣ находится очагъ, съ выведенной вверхъ трубою изъ тонкихъ жердей, обмазанныхъ глиною, что и называется въ сихъ мѣстахъ *чуваломъ*. Въ немъ зимою всегда держать огонь, отъ чего юрта бываетъ тепла, суха и представляетъ большія для проѣзжихъ выгоды въ жестокомъ климатѣ, гдѣ огонь совершенно необходимъ. Сверхъ сего въ юртахъ не знаютъ угара, чemu подвержены большая часть изъ здѣшнихъ мѣстахъ“.

гдѣ сѣно запасаютъ. Всѣ сѣнокосы обыкновенно обгорожены. Князды¹⁾, у которыхъ очень много рогатаго скота и лошадей, не всѣхъ ихъ кормятъ сѣномъ, но большую часть держать въ степяхъ, гдѣ онѣ, разгребая снѣгъ, кормятся оставшейся подъ онимъ травою; ибо невозможно запасти довольноаго количества сѣна, когда у иѣко-
торыхъ княздовъ находится до тысячи и болѣе лошадей и рога-
таго скота²⁾.

Многіе якуты носить длинныя, а всѣ женщины еще и того длин-
нѣйшия косы, привязанныя у самаго затылка³⁾. Якуты лѣтомъ одѣ-
ваются въ короткіе кафтаны китайчатые, суконные или плисовые,
обложенные вокругъ, въ три или четыре пальца шириной, чѣмъ-ни-
будь только особеннымъ отъ цвѣту кафтана. Сапоги шьются изъ
бычачихъ кожъ, съ мягкою подошвою, или изъ лошадиныхъ, назы-
вающихся *сарами*⁴⁾. Сары такъ плотно и крѣпко сшиваются, что,
по удобству для мокраго времени, большая часть жителей Якутска
носить оные въ дорогахъ или даже и въ городѣ. Кожаные штаны,
рукавицы и шапка довершаютъ одѣяніе якутовъ. Женщины въ лѣт-
нее время одѣваются точно такъ же, какъ и мужчины. Зимнее платье
якутовъ дѣлается изъ теплыхъ фуфаекъ, штановъ, полуушубковъ и
длинныхъ сапоговъ, которые носятъ шерстью вверхъ и называются
*торбасами*⁵⁾; сверху же всего надѣваютъ въ дорогу *санаяхъ*⁶⁾, родъ
тулуза изъ оленыхъ кожъ, также шерстью вверхъ. Притомъ, во
время большихъ морозовъ, закрываютъ (особо придѣланными изъ мѣ-
ховъ лоскутками) лобъ, щеки, уши, носъ и бороду, такъ что только
глаза остаются не закутанными; на колѣни же надѣваютъ, сверхъ
торбасовъ, еще такъ называемыя сутуры⁷⁾. То же дѣлаютъ и рус-
ские во время путешествій своихъ по пустынамъ восточной Сибири, гдѣ
морозы неимовѣрно жестоки. Якутки носить зимою парки, опу-
шенныя лисицею или соболемъ. Парка шьется изъ оленыхъ кожъ
и имѣть образъ длинной рубашки, къ которой по большей части
придѣлываются стоячій воротникъ. Зимнія платья богатыхъ якутовъ,
особливо шапки, бываютъ дороги.

Якуты очень добронравны, гостепріимчивы, вообще чрезвычайно
трусливы, лѣнивы, когда могутъ быть такими, обжорливы до чрез-
мѣрности и столько же воздержны, когда нужда или бѣдность ихъ
до того доводить. Многіе якуты большую часть времени питаются

¹⁾ Наслѣдники (сельскіе) старости.

²⁾ Въ настоящее время такие богатые скотоводы въ Якутской области
уже не встречаются.

³⁾ Обычай, совершенно исчезнувшій у якутовъ-мужчинъ; женщины
хотя и заплетаютъ свои волосы въ косы или собираютъ въ пучокъ, но затѣмъ
укрѣпляютъ ихъ на затылкѣ; только у дѣвочекъ волосы, собранные въ
одинъ или два пучка, свободно свѣщаиваются на плечи, оканчиваясь раз-
ными металлическими подвесками и разноцвѣтными ленточками или лоскут-
ками матерій. Сомнительно, чтобы и въ старину якуты *привязывали* косы,—
вѣрнѣе видѣть въ словахъ автора неудачный способъ выражения.

⁴⁾ По-якутски: сары.

⁵⁾ По-якутски: тыс ётэрбас, т.-е. обувь изъ камысовъ (шкурокъ съ
оленыхъ или лошадиныхъ ногъ).

⁶⁾ По-якутски: самыяхъ, саыняхъ.

⁷⁾ По-якутски: сутуро.

унданомъ¹⁾ и сорок²⁾, родъ кисловатаго масла³⁾; но сін же самые люди могутъ съѣсть невѣроятно много. Миѣ скаживалъ весьма достовѣрный человѣкъ, что самъ видѣлъ, какъ четыре якута съѣли въ два дня прежирную лошадь. Обжорство ихъчию, что они не бросаютъ, какъ я говорилъ⁴⁾, мертвыхъ лошадей и всякую падалину. Мясо сырое, жареное или вареное—все почти равно для нихъ. Они съѣдаютъ и саму кожу съ быка, бросивъ только ону въ горячую золу, дабы шерсть обгорѣла, и все то дѣлаютъ ни мало не отъ голода. Якуты любятъ кротовъ⁵⁾, но всего болѣе свиное сало котораго иной можетъ съѣсть до пуда. Обжорство у нихъ даже въ чести; они съ уваженiemъ говорятъ про обжору: *Утід Асатчи Хиси*⁶⁾ то-есть добрый ёдокъ; надѣ тѣми же, кои мало ёдятъ, смѣются, говоря: что ты за человѣкъ!

Но, дабы дать большее понятіе объ обжорствѣ якутовъ, я опишу всѣ ихъ обряды, бывающіе на свадебныхъ праздникахъ.

Когда кто у нихъ сватается, то уговаривается напередъ заплатить отцу невѣсты *холамъ*⁷⁾, состоящей изъ нѣсколькихъ быковъ и лошадей, половина которыхъ отдается обратно жениху въ приданое за невѣсту. Свадьба и пиръ бываютъ въ домѣ тестя, но на счетъ жениха; праздникъ сей обыкновенно продолжается два дня и на оный собираются родные съ обѣихъ сторонъ и пріятели. Бога-

¹⁾ По-якутски: ымдан или умдан — кислое молоко (суорат), разбавленное водою. „Питье сіе довольно хорошо, особенно въ жаркое время“—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 60).

²⁾ По-якутски: суорат—кислое молоко, варенецъ.

³⁾ Несомнѣнная опечатка вмѣсто: молока.

⁴⁾ Вотъ что читаѣмъ у автора на стр. 112 — 115: „Мы остановились не далѣе трехъ верстъ отъ той рѣчки, гдѣ лошади наши утонули, почему не-кращеные якуты, взявъ котель, отправились назадъ, дабы поѣсть досыта лошадинаго мяса. Извѣстно, что якуты великие обжоры, и жирная лошадь самый лакомый для нихъ кусокъ; но кращеные показываютъ при русскихъ, что не употребляютъ сего кушанья, хотя въ улусахъ живутъ точно такъ же, какъ и всѣ другие. Якуты ёдятъ не токмо тѣхъ лошадей, коихъ нарочно убиваютъ, но и колѣющихъ, даже иногда отъ заразы, отъ чего посль и сами умираютъ. Въ третьемъ [1800] году Алданские якуты поѣхали на сѣнокость, въ которое время они обыкновенно пируютъ, то-есть ёдятъ сколько могутъ. У сихъ была жирная лошадь. Она вдругъ упала; якуты подбѣжали посмотреть и нашли ее, къ удивленію своему, мертвою. По обыкновенному суевѣрію, вадумали, что дьяволъ убилъ ее, что, однако, не помѣщало имъ отїѣдать мертвчины. Спустя нѣсколько часовъ показалась у всѣхъ на тѣлѣ опухоль, а потомъ и раны. Чрезъ двое или трое сутокъ многие померли, а у иныхъ мѣста, гдѣ были раны, совсѣмъ выгнили. То же самое случилось и въ то же время на Амгѣ и Аллахѣ Юнѣ, гдѣ былъ падежъ на лошадей, которыхъ якуты не переставали до того времени ёсть, покуда сами многіе перемерли. Тогда приѣхали они къ своимъ шаманамъ; сіи упрашивали дьяволъ, чтобы не умерщвляли болѣе лошадей, но зараза отъ того не менѣе продолжалась до самой осени. Между рогатымъ скотомъ и лошадьми оная также открывалась опухолью, претворявшеюся потомъ въ раны, и столь была сильна, что естьли кто до опухоли дотрогивался рукою, то на оной дѣлались прыщи, а посль раны. Сей случай выучилъ якутовъ, и нынѣ они не ѿли уже падающихъ лошадей, хотя на Аллахѣ Юнѣ зараза и много оныхъ переморила“.

⁵⁾ Кротами называютъ мѣстные русскіе водяныхъ крысы; нынѣ въ пищу они не употребляются.

⁶⁾ ўтід асатчи кісі—букв.: добрый ёдающій человѣкъ.

⁷⁾ По-якутски: халымъ или сулу.

тый потчиваешь гостей виномъ, но кто бѣднѣе—кумысомъ. Послѣ сего сѣдаются нѣсколько лошадей или быковъ, а иногда множество кротовъ, почитаемыхъ за лакомое блюдо; пьютъ опять вино или кумысъ и принимаются расхлебывать сало. Къ празднику собираютъ оное всякаго рода, мѣшаютъ вмѣстѣ и кладутъ въ чанъ. Когда придетъ *курумъ* (праздничный обѣдъ или свадебный столъ), то растапливаютъ все сало и садятся вокругъ чана. Пребольшая ложка, или, лучше сказать, у половникъ, называемый *хамыякъ*¹⁾, ходитъ поочереди до того времени, какъ кто откажется. Сыскиваются такие охотники, которые выпиваютъ по 120 хамыльковъ растопленного сала, и надобно припомнить, что сіе бываетъ уже въ концѣ стола, послѣ жирнаго обѣда, па коемъ, конечно, ни одинъ якутъ не побережетъ своего желудка.

Кумысъ дѣлается изъ кобыльяго молока, которое мѣшаютъ пополамъ съ водою, наливаютъ въ кожаный мѣшокъ и оставляютъ повѣшаннымъ въ юртѣ до того времени, какъ оное скиснется. Тогда берутъ мутовку, сдѣланную изъ выдолбленнаго на подобіе чашки дерева, съ просверленными въ оной четырьмя или пятью скважинами и съ палкою, вставленную въ дно ел. Сею мутовкою сбиваются скисшееся молоко до того, какъ на дно сидеть родъ творога; оставшаяся же жидкость называется кумысъ²⁾, подобный крѣпостю пиву.

При свадбѣ якутовъ нѣть никакихъ обрядовъ. Естыли колымъ весь заплаченъ, то молодая въ провожаніи многихъ женщинъ идетъ въ мужнинъ домъ; въ противномъ же случаѣ остается у отца, а мужъ въ свой уходитъ. Всякий разъ, какъ онъ пригоняетъ часть колымы, остается нѣсколько стокъ съ женой, а при возвращеніи получаетъ половину паздѣ. Тестъ никогда не даетъ дочери безъ выплатенія всего колымы, хотя бы то нѣсколько лѣтъ продолжилось; по заплатѣ же онаго, жена, какъ выше сказано, идетъ въ мужнинъ домъ въ провожаніи многихъ женщинъ, и тогда опять бываетъ двухдневный праздникъ. Колымъ простирается иногда до восьмидесяти скотинъ.

Многіе изъ якутовъ празднують и рожденіе сына или дочери точно такимъ же образомъ.

Якуты, особливо бѣдные, очень неопрятны; зимою въ юртахъ своихъ держать рогатый скотъ, а посему можно судить о запахѣ въ домахъ ихъ. Лѣтомъ дѣлаютъ они ступы изъ коровьяго кала, а зимию, обливъ внутренность оныхъ водою и давъ ей замерзнуть, томить въ такою посудѣ сосисовую кору, употребляемую ими въ пищу.

Народъ сей и поднесъ еще сохранилъ нѣкоторые свои странные обычаи, напримѣръ: якутъ, бывшій въ отлучкѣ, входя въ юрту свою, ни съ кѣмъ не здоровается, но садится какъ будто незнакомый; жена сварить ему ёсть и потчиваешь какъ гости, а поѣвшіи уже хорошенъко—онъ дѣлается хозяиномъ дома.

Деверь, въ присутствіи невѣстки, непремѣнно долженъ быть въ шапкѣ; иначе ее и себя обезчестить. Естыли она сидѣть въ юртѣ безъ шапки, то надѣваетъ ону, когда невѣстка входитъ³⁾.

¹⁾ По-якутски: *хамыяхъ*.

²⁾ По-якутски: *кымысъ*.

³⁾ Нынѣ якуты уже не придерживаются указанныхъ „странныхъ обычавъ“.

Якуты вѣрять колдунамъ своимъ или шаманамъ, которые отправляютъ скрытнымъ образомъ суевѣрные обряды, ибо священники, узнавъ о томъ, представляютъ колдуновъ сихъ къ суду. Якуты, однако, и нынѣ вѣрять имъ и боятся ихъ. Иногда шаманъ, чрезъ годъ или нѣкоторое время по смерти какого-нибудь якута, приносить въ домъ его наряженную статую и сказываетъ, что это покойникъ, требующій корову или звѣринныхъ мѣховъ или тому подобное, который перейти всѣхъ въ случаѣ отказа. Трусливые люди сіи даютъ все требуемое, что шаманъ и уносить вмѣстѣ съ статуею. Якуты рассказываютъ чудеса про колдуновъ своихъ и, между прочими, про нѣкоего Качиката, что онъ будто протыкалъ насквозь себя нѣсколько ножей; отнималъ у людей руки и вѣшалъ оныя на деревья, ни мало не причиняя тѣмъ боли; что когда въ дорогѣ случался недостатокъ въ пищѣ, то онъ спрашивалъ товарищей, хотятъ ли они что-нибудь пойти? и тогда, прокричавъ нѣкоторыя слова, растворяя руки, въ которыхъ обыкновенно падалъ какой-нибудь лакомый кусокъ, напримѣръ часть жирной кобылы или симиръ съ масломъ. (Симиръ называютъ кожаный мѣшокъ, въ которомъ по дорогѣ возятъ унданъ и сбивающееся само собою масло или, по-якутски, хаякъ¹). Коровье же или топленое масло называется ары). Сей же Качикатъ предузнавалъ, сказываютъ, всегда за два или за три дня, что съ нимъ случится;увѣряютъ еще, будто онъ сдѣлалъ деревянную кукушку, поставилъ ее на дерево, и она три года куковала, то-есть до того времени, какъ русские сожгли ее и съ деревомъ; что, по смерти Качиката, якуты возлѣ могилы его вырыли яму, положили въ нее шаманское платье, которое три года по вечерамъ звенѣло. Словомъ, сей Качикатъ столько надѣлалъ чудесъ, что якуты боялись его болѣе Бознай²); да должно сказать, что многие изъ русскихъ не менѣе якутовъ тому вѣрять.

Когда у князца ихъ состарѣется любимая лошадь, то онъ отпускаетъ ее на волю; но естьли она и послѣ того проживеть еще столько, что начнетъ зубы ронять, то князецъ убиваетъ ее, собираетъ родныхъ своихъ и сѣдѣаетъ съ ними ту лошадь. Обыкновенное же случается, что для пиршества князецъ заколетъ другую скотину, а любимую лошадь свою похоронить, положа, въ вырытую близъ того мѣста яму, всю принадлежавшую къ ней сбрую³), какъ то: сѣдло, узду, переметная сумы, лукъ со стрѣлами и пальму. Шерemetныя сумы бываютъ почти у всякаго въ дорогѣ; онъ перекидываются чрезъ сѣдло и висятъ такимъ образомъ, что не мѣшаютъ ни мало сѣдоку. Пальмою называется ножъ болѣе поваренного, вставленный въ деревянный черенъ длиною около аршина. Пальму возять обыкновенно для рубки дровъ.

Когда якуты увидятъ на дорогѣ медвѣда, то снимаютъ плячи, клапаютъ ему, величаютъ Тойдномъ⁴), старикомъ, дѣдушкою, и дру-

¹) Якутское сырое масло, смѣшанное съ водою и прѣснымъ или кислымъ молокомъ.

²) *Баянаи* — лѣсной духъ, покровитель охотниковъ и звѣролововъ. На стр. 59 авторъ замѣчаетъ, что „якуты своего Бога называютъ Бознай, а русского Танара“, т. е. Танзара.

³) Несоблюдаемый нынѣ обычай.

⁴) Тойднъ значить начальникъ.

гими ласковыми именами. Просять препокорно, чтобы они ихъ пропустиль; что они не думаютъ трогать его и даже слова худого про него никогда не говорили. Естьли медвѣдь, не убѣдившись сими просьбами, бросится на лошадей, то будто поневолѣ начинаютъ стрѣлять по немъ и, убивъ, съѣдаютъ всего съ великимъ торжествомъ. Между тѣмъ дѣлаютъ статуйку, изображающую Бозная, и кланяются оной. Старшій якутъ становится за деревомъ и кривляется. Когда мясо сварится, то єдять оное каркая какъ вороны и приговариваю: *не мы тебя юдимъ, но тунгусы или русскіе: они и порохъ дѣлали, и ружья продаютъ; а ты самъ знаешь, что мы ничего того дѣлать не умѣемъ.* Во все время разговариваютъ по-русски, или по-тунгуски и ни одного сустава не ломаютъ. Когда же съѣдятъ медвѣдя, то собираютъ кости, завертываютъ вмѣстѣ съ статуею Бозная въ березовую кору или во что иное, вѣшаютъ на дерево и говорятъ: *дѣдушка! русскіе (или тунгусы) тебя сѣми, а мы нашли и косточки твои прибрали.* Извѣсно обряда можно заключить, сколько якуты опасаются миѳенія медвѣдей или духа оныхъ, даже и по истребленію.

Нѣкоторые якуты еще и нынѣ, сваривъ въ дорогѣ кушанье, поднимаютъ оное на рукахъ, говорятъ рѣчъ¹⁾ къ духу того мѣста, ставить потомъ кушанье, каждый плещетъ первую ложку въ огонь, а потомъ начинаютъ ёсть. Якуты всякому мѣсту полагаютъ хозяина²⁾, который не Богъ и не дьяволъ, но особый духъ.

¹⁾ По-якутски: алгыс—славословіе, заклинаніе. Теперь произнесеніе алгыс-овъ въ пути не наблюдается, но до сихъ поръ сохранился упоминаемый авторомъ на стр. 59 обычай приносить духу даннаго мѣста жертву (байах—подарокъ) „за то, что допустилъ благополучно подняться на гору. То же самое дѣлаютъ якуты при всякомъ трудномъ и крутомъ подъемѣ, отъ чего лошадь, сходившая нѣсколько разъ въ Охотскъ, остается почти безъ гривы и хвоста“.

²⁾ іїчі, ітчі—хозяинъ.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографического характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензій“), кроме напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Этнографическое Обозрѣніе, 1908, № 1 и 2 (двойной). Максимовъ, А. Н.: „Ограничение отношений между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого“.

Статья А. Н. Максимова имѣетъ руководящее значеніе въ вопросѣ объ особыхъ правилахъ поведенія, соблюденіе которыхъ считается у многихъ народовъ обязательнымъ для мужа и родственниковъ жены и наоборот—для жены и родственниковъ мужа. Происхожденіе этого обычая весьма древнее, проявленіе его очень разнообразное, и потому до сихъ поръ онъ не выясненъ еще въ достаточной степени. Авторъ вначалѣ даетъ бѣглый очеркъ исторіи указанного обычая. Она поучительна.

Со времени Тэйлора, который признается однимъ изъ первыхъ ученыхъ, обратившихъ вниманіе на этотъ обычай, много о немъ писалось, и рѣдкій изслѣдователь семейныхъ отношений первобытныхъ народовъ не возвращался къ нему. Рѣдко, однако, авторы давали этому обычая одинаковое толкованіе. Сходство во мнѣніяхъ замѣчается въ трудахъ Леббока, Вилькена, Зибера; существенные стороны ихъ теоріи приняты также Липнертомъ и Гельвальдомъ. Она состоитъ въ томъ, что обычай ограниченнія отношений между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого получился изъ предшествовавшаго ему обычая похищать женщинъ для совершенія брака захватомъ. Въ этой теоріи, несмотря на ея кажущуюся стройность, имѣются свои проблемы. Ею, напр., нельзя объяснить, почему предписывается также снохѣ избѣгать свекра съ свекровью, которая никогда не похищала сына. Это недоразумѣніе защитники настоящей теоріи пытались восполнить гипотезой, будто бы: „возникшая на почвѣ брака

захватомъ известныхъ отношений зятя къ тестю и тещѣ постоянно стали рассматриваться какъ выражение почтенія, а тогда для выражения такого же почтенія соотвѣтственные правила поведенія были усвоены и снохою по отношенію къ свекру и свекрови" (3).

Находятся также приверженцы иного толкованія. Трактуемый обычай они считаютъ выросшимъ на почвѣ различія половъ. Разъ первобытные народы направились на эту стезю, они неминуемо должны были позаботиться о принятіи мѣры половой предосторожности въ семейномъ быту и нашли ее въ ограниченіи отношеній между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого. Къ числу сторонниковъ этой теоріи принадлежать Жиро Телонъ, Файтонъ и Уэлъ; ее одинаково раздѣляютъ также цѣлая плеяда русскихъ этнографовъ, какъ-то: Н. Н. Харузинъ, В. Л. Сѣропевскій, С. Швецовъ и Ш. Еруслановъ. Однако только Аткинсону, стороннику этой теоріи, удалось подвести подъ нее прочный фундаментъ, построивъ его на чувствѣ ревности взрослого самца къ женамъ и дѣтямъ въ одной какой либо группѣ, на которыхъ, по его мнѣнію, распадалось никогда первобытное человѣчество.

Окончательного развитія и обоснованія своего не получили ни первая, ни вторая теорія. Какъ въ той, такъ и въ другой существуютъ свои противорѣчія, которые можно объяснить также гипотетическимъ допущеніемъ, что "въ некоторыхъ случаяхъ, говорить А. Максимовъ, первоначальный смыслъ обычая былъ утраченъ, а потому особыя правила поведенія стали прилагаться къ такимъ лицамъ, по отношенію къ которымъ они не имѣли для себя никакихъ оснований" (7).

Вносясь внесъ новую поправку, обосновавъ ее на подмѣченныхъ имъ случаяхъ, именно: ограниченія между мужемъ и родственниками жены существуютъ у народовъ, у которыхъ мужъ послѣ свадьбы селится въ домѣ жены; а имъ взятая замужъ женщина берется мужемъ въ отчій или свой домъ. Это объясненіе, наиболѣе обоснованное, по мнѣнію г. Максимова, также нуждается въ своей фактической проверкѣ. Ей подлежать и изложенные выше теоріи. Необходимость въ фундаментальной проверкѣ, такимъ образомъ, давно назрѣла. Отвѣчая этой потребности, А. Максимовъ двѣ трети своей статьи заполнилъ фактическимъ материаломъ, почерпнутымъ изъ новыхъ и старыхъ литературныхъ источниковъ.

Подведя затѣмъ итогъ фактамъ изъ жизни народовъ сѣверной Азіи и восточной Европы, авторъ подчеркиваетъ болѣе частое существование обычая обѣ ограниченій отношеній между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого у тюрковъ (Киргизы, Якуты, Качинцы и др.) и у монголовъ (Монголы Буряты, Калмыки); изъ финскихъ племенъ онъ напечъ этотъ обычай только у Остяковъ, Вотяковъ, Черемисовъ и у Мордвы; что касается тунгусскихъ и са-моѣдскихъ племенъ, то литература, говоритъ авторъ, не даетъ ни одного факта существования этого обычая. Широкое распространеніе этого обычая наблюдается у народовъ Африки, Америки и Австралии. Для большей наглядности А. Максимовъ еще разъ повторяетъ факты въ сокращенномъ видѣ, въ табличной формѣ, и наконецъ еще болѣе сжато въ видѣ цифровой таблицы.

Оба способа позволили автору проанализировать вариации ограничения отношений у разных народов различных частей света. Таким путем онъ пришел къ отрицанию какъ теории, видящей въ ограничении переживание похищения женщинъ, такъ и теории, придающей этому обычаю значение мѣры половой предосторожности. Самъ же А. Н. Максимовъ склоняется на сторону Тэйлора, который въ позднѣйшемъ своемъ изслѣдованіи „непризнавіе“ чужака въ семье считаетъ главнымъ элементомъ содержания изучаемыхъ ограничений (76). Въ заключеніи онъ рекомендуетъ наблюдателямъ и нородческой жизни обращать тщательное вниманіе также на самое содержание „ограниченій“, чего не достаетъ для всесторонняго освѣщенія данного обычая, важное значеніе котораго въ исторіи семейныхъ отношений стало очевидно.

A. Макаренко.

В. Харузина. Замѣтки по поводу употребленія слова: фетишизмъ. Время отъ времени г-жа Харузина даетъ на страницахъ „Этнографического Обозрѣнія“ обстоятельный статьи, посвященные отдельнымъ вопросомъ этнографіи. Въ прошломъ году (Жив. Стар. 1907, вып. II) мы имѣли удовольствіе дать краткій отзывъ о ея статьѣ: „Къ вопросу о почитаніи огня“. Нынѣ обращаемъ вниманіе читателя на новую статью г-жи Харузиной, касающуюся употребленія словъ: фетишизмъ, фетишизмъ. Несмотря на широкое распространеніе этихъ терминовъ—казалось бы, для всѣхъ понятныхъ—и въ ученой литературѣ и въ обиходной жизни не всѣми, однако, вкладывается въ нихъ одинаковое содержаніе. Г-жа Харузина приводить цѣлый рядъ цитатъ изъ трудовъ разныхъ ученыхъ изслѣдователей, въ доказательство того, какъ различно понимаются каждымъ изъ нихъ указанные термины. Предь нами проходятъ имена: де-Бrosse, введшаго въ употребленіе слово „фетишизмъ“, Конт, Леббока, Герберта Спенсера, Вайца, Тэйлора, Шульце, Шурца, Штернберга, де Миллу... Каждый изъ нихъ внесъ свою лепту въ опредѣленія фетиша и фетишизма, часто противорѣчивыя, которыхъ г-жа Харузина суммируетъ въ слѣдующихъ шести пунктахъ:

- „1) въ фетишизмѣ видѣли одно изъ низкихъ проявленій религіознаго мышленія; 2) признавали въ немъ отправную точку религіозныхъ вѣрованій; 3) въ фетишизмѣ усматривали предметъ или выбранный случайно и произвольно, или пользующійся почитаніемъ въ грубой материальпой формѣ; 4) отличительной чертой фетиша считали то, что обладаніе имъ будто бы даетъ власть надъ божествомъ, которое онъ представляетъ; 5) въкоторые ученые, желая осмыслить почитаніе предметовъ, именуемыхъ фетишами, и объяснить болѣе высокія формы т. наз. фетишистскаго культа, видѣли въ фетишизмѣ лишь обиталище духа, который или самъ вселился въ данный предметъ или вселенъ въ него посторонней силой (напр. жреца, шамана и пр.) посредствомъ магическихъ или другихъ дѣйствій, мольбы и пр.; 6) фетишизмъ есть предметъ, почитаемый какъ персонифицированный, оживленный жизненнымъ началомъ, желающій и дѣйствующій самъ по себѣ или потому, что онъ самъ и его „божественная“ сущность составляютъ, по представлениямъ его почитателя, нѣчто недѣлимое“ (стр. 85).

Подвергнувъ на слѣдующихъ страницахъ всѣ эти столь разнообразные взгляды детальному разбору и остановившись особенно подробно на пользующихся культомъ человѣческихъ изображеніяхъ, къ которымъ слово фетищъ пріурочивалось въ литературѣ съ такою же „необычною легкостью“, какъ и слово „идоль“, авторъ въ заключеніе приводить слѣдующую цитату изъ „Исторіи первобытной культуры“ Шурца (стр. 570): „Тотъ, кто пестарается основательно ознакомиться съ тѣмъ, что такое фетишизмъ, безъ труда увидить, что здѣсь нѣтъ сколько-нибудь опредѣленнаго понятія, а только такія слова, которыми, въ случаѣ надобности, можно замаскировать недостатокъ болѣе яснаго разумѣнія дѣла“. Заканчиваетъ свою статью г-жа Харузина словами одного миссіонера, который на поставленный ею вопросъ: „что такое фетишизмъ?“ допускаетъ одинъ отвѣтъ: „Вопреки всѣмъ опредѣленіямъ, даваемымъ въ словаряхъ, вопреки религіознымъ классификаціямъ—мы отвѣтимъ пока, что мы не знаемъ о немъ ничего“.

Обстоятельно обосновать этотъ взглядъ и было задачей г-жи Харузиной. Выполнена она съ обычною для автора старательностью и полнотой.

Э. П.

Петропавловскій А. „Коляды“ и „Купало“ въ Бѣлоруссіи.

Въ своей небольшой статьѣ г. Петропавловскій, на основаніи „личныхъ наблюдений“, кратко описываетъ нѣкоторыя обрядности, которыми сопровождается празднованіе въ Бѣлоруссіи Коляды и Купала и говоритъ, что „въ этихъ обрядностяхъ ясно просвѣчиваетъ прожившій десятки вѣковъ и нынѣ забываемый бѣлорусами древнеславянскій культь служенія солнцу, этому зиждительному царю природы, снова возвращающемся послѣ долгой, мрачной поры къ людямъ, снова дарящему имъ свою милость. Послѣдняя будетъ расти по мѣрѣ увеличенія солнечнаго диска (?)“, отчего здѣсь такъ отчетливо и подчеркивается форма его—кругъ“ (стр. 160). Такой выводъ сдѣланъ изъ описанныхъ ниже следующихъ обрядностей: „Во время толченія первой кутьи—говорить авторъ,—нѣсколько зеренъ ишеницы или яичепя посыпаютъ курамъ въ цѣлый, имѣющій видъ полнаго круга, обрутъ, дабы куры не бродили, а всегда бы находились гдѣ-либо вблизи двора, кругомъ его (коло его), и несли бы яйца всѣ въ одномъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ же деревняхъ для этой цѣли въ самый день Рождества на полу деревкой обозначаются кругъ и въ него посыпаютъ чеинного кутьи“ (стр. 159). Здѣсь, какъ утверждаетъ и самъ авторъ, обрядность касается куръ и, повидимому, не имѣть никакого отношенія къ солнечному диску и къ его зиждительной силѣ. Дальше г. Петропавловскій говоритъ, что „въ тѣ три дня, когда бываетъ кутья, необходимо печь и блины“. Это не совсѣмъ вѣрно. Въ первую и послѣднюю кутью, какъ въ постные дни, блиновъ не пекутъ. Надо замѣтить, что блины, какъ любимое блюдо, приготовляются по преимуществу по праздникамъ и во время гостѣбы по случаю семейныхъ торжествъ. Наконецъ, замѣчая, что бабы въ теченіе Колядъ не придутъ и не ткнуть, авторъ говоритъ: „для предотвращенія же отъ себя несчастія, мо-

гущаго постичь ихъ за нарушение какъ-либо невзначай этого обычая, онъ берутъ въ рождественскій сочельникъ изъ бани вѣнокъ, которымъ парились, метутъ имъ въ теченіе всѣхъ колядъ хату, въ послѣдній же день разрубаютъ его и прутьями утыкаютъ на улицѣ смыгъ передъ избою, стараясь изобразить кругъ (стр. 160). Бѣлоруссы, какъ и многие другіе народы, для огражденія отъ нечистой, злой силы очерчиваютъ магическій кругъ. Но имѣеть ли онъ какое-либо отношеніе къ солнцу—сказать трудно. Вотъ и всѣ тѣ обрядности, на основаніи которыхъ изслѣдователь заключаетъ о сохранившемся въ Бѣлоруссіи древне-славянскомъ кульѣ служенія солнцу. Невольно является вопросъ: изъ описанныхъ ли обрядностей сѣвѣланъ выводъ или наоборотъ, въ готовому положенію подобраны обрядности? Послѣднее болѣе вѣроятно. Праздникъ Коляды г. Петропавловскій тѣсно связываетъ съ Купаломъ, которое пріурочивается къ 24 юна, тогда какъ на самомъ дѣлѣ послѣднее бываетъ 23 юна и не является праздникомъ въ обычномъ смыслѣ слова. Купало—это день и ночь торжества вѣдьмачества и всякой нечистой, злой силы, которая, по выражению бѣлоруссовъ, „часамъ и Бога перамагае“ (иногда и Бога осиливаетъ).

Въ статьѣ г. Петропавловскаго помѣщено много любопытныхъ обрядностей и примѣтъ и приведены отрывки пѣсенъ. Къ сожалѣнію, точно не указана мѣстность, гдѣ все это записано.

A. Сержпутовскій.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, издаваемыя Редакціонной Комиссіей. Томъ XXXV, 1904 г. № 2. Иркутскъ 1908. Стр. 43 + 10 + + 14 + 8.

Лежащая предъ нами книжка „Извѣстій“ открывается „Историческимъ очеркомъ дѣятельности В.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О.“—его „внутренней жизни и работы“, именно „той скрытой, черновой, организаціонной работы, которая происходила незамѣтно для глазъ общества, но которая и давала въ результатѣ научное познаніе Сибири“ (стр. 1). Составитель очерка, Н. Н. Козыминъ, шагъ за шагомъ слѣдить за многостороннею научною дѣятельностью Отдѣла, начиная съ открытія его дѣйствій (въ 1851 году) вплоть до первыхъ годовъ текущаго десятилѣтія.

Прежде всего, Отдѣль приходилъ на помощь къ отдѣльнымъ научно-подготовленнымъ лицамъ или изслѣдователямъ-любителямъ, жившимъ въ разныхъ концахъ Сибири,—главнымъ образомъ, тѣмъ, что „давалъ средства публиковать труды, дѣлать ихъ общимъ достояніемъ, возбуждать обмѣнъ мыслей и знакомить съ общимъ направлениемъ работъ“. Въ то же время Отдѣль являлся настолько дѣятельнымъ сотрудникомъ высшей администраціи Восточной Сибири, что, по опредѣленію г. Козымина, „во многихъ отпображеніяхъ представлялъ изъ себя ученый комитетъ при Главномъ управлѣніи Восточной Сибири и научное бюро“ (стр. 6).

Не ограничивалась порученіями разныхъ работъ почти во всѣхъ областяхъ сибиревѣдѣнія отдѣльнымъ лицамъ, Отдѣль или прини-

маль участіе въ работахъ разныхъ экспедицій, направляемыхъ въ Сибирь изъ центра, или же организовывалъ самостоятельно научныя экскурсіи и цѣллыя экспедиціи, благодаря щедрой материальной поддержкѣ со стороны отдѣльныхъ лицъ (Сиверсь, И. М. Сибириаковъ, В. П. Сукачевъ¹), М. В. Пихтина, г-жа Громова и пр.). Это дало возможность Отдѣлу за болѣе чѣмъ полувѣковой періодъ своей дѣятельности не только внести крупную лепту во всестороннее изученіе Сибири, но и наглядно знакомить самихъ сибириаковъ съ ихъ обширною родиною, а также и съ смежными странами носредствомъ устройства публичныхъ засѣданій и лекцій, привлекавшихъ многочисленную публику. Тому же способствовало основаніе при Отдѣлѣ библіотеки и Музея,— особенно послѣднаго, охотно посѣщаемаго публикой (15.622 посѣщенія въ 1901 году), такъ какъ при немъ организованы объяснительные чтенія, которыя нынѣ систематически ведетъ консерваторъ Музея. Въ то же время, Отдѣлъ „старался не замыкаться въ себѣ, стремился связать свою научную работу съ практическими запросами и потребностями жизни“ (стр. 15) и, въ концѣ концовъ, дѣйствительно сдѣлался „центромъ научной работы и умственной жизни въ краѣ“, т.-е. выполнилъ ту программу, которую поставилъ ему одинъ изъ бывшихъ предсѣдателей Отдѣла — Л. П. Софіяно (стр. 12). Богатый материалъ для познанія Сибири заключается въ изданныхъ Отдѣломъ „Запискахъ“ и „Ізвѣстіяхъ“, и нельзя не по жалѣть, что эти цѣнныя изданія, за старые годы, стали уже библіографическою рѣдкостью и доступны лишь для лицъ, имѣющихъ возможность пользоваться нашими крупными книгохранилищами въ Сибири и въ столицахъ.

Въ интересующей насъ области этнографіи, въ предѣлахъ Восточной Сибири, авторъ отибачаетъ, прежде всего, пользуясь широкою извѣстностью труды слависта П. А. Ровинскаго и историка-этнографа А. П. Щапова,—затѣмъ, періодъ, когда предсѣдателемъ (первымъ) этнографической секціи Отдѣла былъ Н. М. Ядринцевъ и когда по этнографіи работали такіе извѣстные изслѣдователи, какъ Н. Н. Агапитовъ, М. Н. Хангаловъ, свящ. И. А. Подгорбунскій, міссионеры Чистохинъ и Затопилевъ, А. В. Потанина, П. Е. Кулаковъ, Г. Н. Потапинъ,—послѣдній, преимущественно, въ связи съ вопросами фольклора,—и, наконецъ, два такихъ крупныхъ предприятия, какъ изслѣдованіе т. н. статистиковъ: „Материалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственного быта“, содержащее много интереснаго и для этнографа, и изслѣдованія участниковъ Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибириакова, или по-просту—Сибириаковской экспедиціи.

„Этнографическія изученія особенно оживились — по словамъ автора — въ періодъ управлениія дѣлами Отдѣла Г. Н. Потанина“ (стр. 39), а такое „громадное предприятіе“, какъ Сибириаковская экспедиція, было организовано однимъ изъ энергичнѣйшихъ правителей дѣлъ, Д. А. Клеменцомъ. По своимъ размѣрамъ, программамъ и числу даровитыхъ и научно-подготовленныхъ участниковъ, эта экспедиція далеко превосходитъ всѣ бывшія до нея, въ области этнографическихъ изученій. Имена Пекарского, Ястрѣмскаго, Іохельсона,

¹) Состоялъ предсѣдателемъ Отдѣла съ 1890—1898 гг.

Богораза, Майнова, Геккера заняли почтенныя мѣста въ наукахъ. Труды экспедиціи до сихъ поръ —главнымъ образомъ, за недостаткомъ средствъ—не завершены, а отчасти дѣлаются достояніемъ другихъ ученыхъ обществъ“ (стр. 30).

Въ области этнографіи бурятъ г. Козьминъ упоминаетъ работы М. А. Кроля, „задавшагося интересной мыслью прослѣдить измѣненія бурятскаго обычнаго права подъ вліяніемъ измѣняющихся формъ жизни и непосредственнаго воздействиія русскаго населенія“. Что касается этнографіи послѣдняго, то въ этомъ отношеніи „сдѣлано очень мало. Слѣдуетъ упомянуть о сборникахъ народныхъ бытовыхъ пѣсенъ В. И. Вагина, Дудина, Языкова и Суворова“ (стр. 30—31).

Заканчивается книжка якутской сказкой: „Сордохай-богатырь“ написанной въ 1889 г., въ Олекминскомъ округѣ, г. М. Овчинниковъ. Подлинная запись сказки была передана г. Овчинниковымъ „для подстрочного перевода съ якутскаго языка на русскій учителю инородческаго училища Иппокентію Габышеву, но до сихъ поръ имъ не возвращена“, таѣ что въ данномъ видѣ сказка должна считаться лишь очень вольнымъ пересказомъ подлинной записи—въ виду обваруженнаго г. Овчинниковымъ слабаго познанія въ якутскомъ языке. Такъ, подзаголовокъ сказки: Урѣнхай саха олончото никакъ нельзя переводить: сказка неразумнаго (!) якута, ибо урѣнхай саха значить здѣсь: человѣкъ - якутъ, коренной (древній) якутъ, уринахаецъ - якутъ. Хотя въ современномъ языке урѣнхай саха и употребляется въ значеніи неразумный, глупый якутъ, но никто изъ якутовъ не назоветъ продуктъ творчества своего народа — произведеніемъ „неразумнаго якута“, и подзаголовокъ значить просто: якутская старинная сказка. Равно недопустимо въ устахъ якутасказочника выраженіе, которымъ начинается сказка: „Въ то время, когда существовали на землѣ безпутные неразумные якуты“ и т. д. Любопытно, какими словами передано это выраженіе въ подлинной записи?...

Несмотря на подобнаго рода дефекты, сказка не лишена интереса и значенія въ виду скучности этого рода произведеній якутскаго народнаго творчества. На русскомъ языке имѣются, правда, собранія сказокъ И. М. Худякова (Верхоянскій сборникъ. Ирк. 1890) и Л. В. Приклонской (Якутскія народныя сказки. Жив. Старина 1891 г.), но якутскій текстъ этихъ сказокъ не изданъ, и интересующіеся предметомъ не могутъ быть увѣрены въ точности перевода или пересказа. Издаваемые же нынѣ Императ. Академіей Наукъ „Образцы народной литературы якутовъ“, собранные Э. К. Пекарскимъ, представляютъ пока сплошь одни якутскіе тексты (переводъ ихъ собиратель объѣщаетъ дать впослѣдствіи) и доступны лишь для лицъ, основательно ознакомившихся съ якутскимъ языкомъ.

L.

Труды Черниговской Губернской Архивной Комиссіи. Вып. седьмой. Подъ редакціей правителя дѣлъ П. М. Добровольского. 1908. Стр. 66+184+127.

Настоящій томъ „Трудовъ“ Черниговской Комиссіи изданъ „на память о XIV-омъ археологическомъ съездѣ въ г. Черниговѣ“.

Кромъ статей, имѣющихъ отношеніе къ мѣстной исторіи, здѣсь помѣщены труды общаго характера, какъ очеркъ О. М. Янѣвича: „Опытъ объясненія легенды объ „Ивиковыхъ журавляхъ“, представляющей преимущественно изложеніе фольклорныхъ данныхъ, собранныхъ по вопросу объ этой легендѣ нѣмецкимъ ученымъ Велькеромъ и итальянскимъ Амальфи. Сюда же относится статьи о покойномъ В. Б. Антоновичѣ — А. В. Верзилова: „Памяти В. Б. А.“ (съ портретомъ), и очень содержательная „Воспоминанія о В. Б. А.“ Нѣсколько словъ покойному „Нестору южно-русской археологіи“ посвятили также В. И. Круковскій и П. Я. Дорошенко. Исторіи края посвящены слѣдующія статьи: „Описаніе рѣкъ и рѣчекъ Черниговского полка въ 1754 году“, „Къ тысячелѣтію города Чернигова. Краткій очеркъ Сѣверинской земли до 907 г.“ свящ. К. Т. Карпинскаго, „Къ вопросу о прошломъ города Чернигова“ О. М. Янѣвича, „Выписка изъ расходной книги Новгородсѣверскаго монастыря за 1777 годъ“ П. М. Добровольскаго и два очень важныхъ указателя: „Указатель статей по исторіи, археологіи и этнографіи, помѣщенныхъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1838—1906 г. и „Алфавитный списокъ церквей Черниговской епархіи“ Е. А. Корноухова, съ указаниемъ времени постройки церкви. „Указатель“ къ „Черниговскимъ губернскимъ Вѣдомостямъ“ заслуживаетъ особенного вниманія и привѣтствія. Накопившійся въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ десятками лѣтъ историческій и этнографический материалъ остается мертвымъ капиталомъ, такъ какъ совершенно неизвѣстенъ научнымъ дѣятелямъ вслѣдствіе отсутствія указателей. Теперь по отношенію къ „Черниговскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ“ этотъ недостатокъ восполнень. Въ нихъ оказались помѣщеными за прежніе годы многочисленные документы, какъ универсалы малорусскихъ гетмановъ, грамоты московскихъ царей, указы императоровъ, начиная съ Петра I, письма государственныхъ и литературныхъ дѣятелей и разнообразные юридические акты. Не мало даютъ свѣдѣній „Черниговская Губернская Вѣдомости“ по части церковной исторіи, мѣстной археологіи, статистики и этнографіи. Указанія на статьи „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, касающіяся украинскаго фольклора, были сдѣланы уже въ книгѣ малорусскаго писателя и этнографа Б. Д. Гринченко: „Литература украинскаго фольклора. 1777—1900“. Но по характеру книги въ нее не могли войти указанія на статьи вообще этнографического содержанія; поэтому „Указатель“, составленный архивною комиссию, является новымъ трудомъ и въ отношеніи этнографической библиографіи. Такъ, напр., „Указатель“ отмѣчаетъ статьи: „Краткій очеркъ Новомлинской ярмарки (Сосницк. у.)“ Кирила Попениченка (1852, 42), „О народной медицинѣ южноруссовъ и объ употребленіи народомъ „Горицвѣ“ Ст. Носа (1860, 5—6), „О семейныхъ раздѣлахъ у крестьянъ въ Черниговской губ.“ (1883, 5), „Обычай „пурковать“ воровъ“ (1887, 4), „Преданіе о десятой пятницѣ“ А. Тиш—аго (1—95, 478), „Черниговскій малороссъ и Могилевскій бѣлорусъ“ Н. И. Яснопольскаго, пѣлый рядъ путевыхъ очерковъ и описаній: Нѣжина, м. Воронежа, Новгородсѣверскаго у., Коропа, с. Жукотки и пр.

Въ общемъ по народной словесности и этнографіи въ „Указателѣ“ отмѣчено болѣе 130 статей. Наиболѣе частыми сотрудниками „Чер-

ниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" по отдѣлу этнографіи были А. Шишакій—Илличъ, П. Огіевскій, П. Ефименко, свящ. И. Богословскій, А. Тишинскій, Д. Лавриненко, А. Лазаревскій, Григ. Кулжинскій и др.

Въ концѣ книги помѣщенъ „Общій обзоръ дѣятельности" комиссіи, изъ котораго видно, что правовое и материальное положенія ея весьма печальны.

B. B. Даниловъ.

Памяти В. Н. Жуковского и Н. В. Гоголя. В. Н. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1908 г.

Уже на ранней ступени своей знаменитой литературной дѣятельности Н. В. Гоголь выказалъ основательное знакомство съ бытомъ малороссійского народа, съ его вѣрованіями, преданіями и поэзіей. Все это, одухотворяемое гениемъ его высокаго таланта, выливалось въ замѣчательныя литературныя произведенія, — одинъ по сочности художественныхъ красокъ и живости здороваго юмора, другія по фантастичности содержанія или трагической завязкѣ, при чѣмъ хотя и погибали добрые персонажи, или терпѣли жестокія муки, но присущія имъ добрыя чувства и человѣческія понятія незамѣтно за-падали въ душу читателя и воспитывали въ немъ „искру Божію“.

Эту чуткость къ народной душѣ и любовную внимательность къ народному творчеству воспитала въ талантливомъ Н. В. несомнѣнно вся его домашняя обстановка, а болѣе того природа родной Украйны, ея народъ съ чарующими „піснями та думами“. Онъ весь былъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго прекраснаго, когда учился въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ. Съ ростомъ сознанія у Гоголя возникла уже здѣсь мысль о собраніи пѣсенъ и думъ украинскаго народа, которая, разумѣется, должны были будить въ его поэтической душѣ самыя свѣтлыя надежды и любовь къ родинѣ.

„Наша пісня, наша дума
„Нѣ вмрѣ, нѣ загинѣ, —
„От дѣ, люды, наша слава, слава України!“

(„Кобзарь" Т. Шевченко).

Въ Нѣжинѣ Н. В. впервые внесъ образцы народныхъ пѣсенъ въ свою записную книжку, названную имъ „Книга всякихъ всячинъ“. Начатое такъ рано дѣло изученія народнаго фольклора Гоголь продолжалъ затѣмъ довольно усиленно и въ первые годы своей самостоятельной жизни. Онъ придавалъ „большое значеніе народнымъ пѣснямъ въ дѣлѣ изученія парода въ прошломъ, настоящемъ и въ будущемъ“.

Въ посмертныхъ бумагахъ Н. В. Гоголя, хранящихся въ отдѣлѣ рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, уцѣлѣли „три тетрадки съ народными пѣснями“. Долгое время они лежали въ забвѣніи; ихъ пѣсенный матеріалъ оставался подъ сомнѣніемъ.

Недавно Г. Георгіевскій, хранитель Румянцевскаго музея, взялъ на себя трудъ опѣнки содергимаго въ тетрадяхъ Н. В. Онъ тщательно свѣрилъ тексты собранныхъ Гоголемъ народныхъ пѣсенъ съ

текстами существующихъ „пѣсенниковъ“ и сборниковъ народныхъ пѣсень—малорусскихъ и русскихъ. Серьезный анализъ привелъ Г. Георгіевскаго къ тому заключенію, что гоголевское собраніе народныхъ пѣсень,—малорусскихъ и русскихъ, — свободно отъ какихъ бы то ни было заимствованій взъ печатныхъ источниковъ и представляетъ собою вполнѣ самостоятельную работу, особенно цѣнную „по высокимъ качествамъ записи“. Такимъ образомъ, „спорный вопросъ“ разрѣшенъ. Фольклористы должны будуть теперь считаться съ напечатаннымъ „Гоголевскимъ сборникомъ народныхъ пѣсень“.

Въ него вошли пѣсни русского народа въ числѣ 105 и пѣсни „южнорусского народа“ въ количествѣ 412, за исключеніемъ небольшихъ пѣсенныхъ отрывковъ, которые по нѣсколько десятковъ собраны подъ одною цифрою. Расположеніе и нумерациія пѣсень сохранили въ печатномъ видѣ свою подлинность съ оригиналами тетрадей Н. В. Гоголя.

Въ концѣ книги приложены два фототипическихъ снимка автографовъ Н. В. изъ двухъ его собственноручныхъ тетрадей.

A. Макаренко.

Н. Е. Макаренко. Памятники украинского искусства XVIII вѣка.
(Отд. оттискъ изъ журнала „Зодчій“ за 1908 г.).

Статья Н. Макаренко посвящена описанію одного изъ характернейшихъ памятниковъ украинской литературы XVIII в.—Покровской церкви, построенной въ г. Ромнахъ въ 1764 г. послѣднимъ запорожскимъ кошевымъ П. И. Калнишевскимъ. Обстоятельное описание иллюстрировано превосходно выполненными рисунками и чертежами.

Н. Е. Макаренко. Материалы по археологии Полтавской губерніи.
(Оттискъ изъ 5 вып. трудовъ Полтавской Ученой Архивной Комиссії).

Брошюра содержитъ двѣ статьи: 1) „Находка 1905 г. въ г. Полтавѣ“ и 2) „Преметы случайной находки, близъ с. Ивахники, Лохвицкаго у., Полтавской губ.“. По мнѣнію автора, археологическая находки, сдѣланная въ Полтавской губ. въ послѣднее время, любопытны въ томъ отношеніи, что устанавливаютъ нѣкоторую связь съ культурами Салтовского (Харьковск. г.) и Люцинского могильниковъ.

„Этнографический Сборникъ“. Изд. Этнографической Комиссіи Наукового товариства им. Шевченко. Т. XXIV. Львовъ. 1908 годъ. Галицко-русскія народныя поговорки. Собралъ, систематизировалъ и пояснилъ докторъ Иванъ Франко. Т. II, в. II.

Этотъ томъ, изданный въ большемъ объемѣ, чѣмъ предыдущій, заканчиваетъ собою букву П. Сборникъ содержитъ свѣжій материалъ, полученный почти исключительно изъ устъ народа. Говорить о значеніи сборника не приходится,—это настоящая сокровищница, изъ которой всегда будутъ черпать нужный материалъ и изслѣдователи народного быта и поэты. За научную цѣнность сборника говорить имя доктора Ивана Франко. Какъ видно изъ предисловія, весь остальной материалъ предполагается помѣстить въ III-мъ томѣ,

Матеріалы по українско-русскої этнографії. Томъ X. Изд. Этнографической Комиссіи „Наукового товариства им. Шевченко“. во Львовѣ. 1908 г.

Х. І сборникъ „Матеріаловъ“ содержитъ обширную статью Ф. Вовка „Антрапометрическія изслѣдованія украинскаго населенія Галичини, Буковины и Угорщины“ статью Мих. Зубрицкаго: „Верхняя шерстяная одежда украинского народа въ Галичинѣ“ а также новые записи свадебъ В. Гнатюка, Юрія Кмета, В. Левинского и Зенона Кузели. Въ этнографической литературѣ описание свадебныхъ обычаевъ и записи свадебныхъ пѣсень встрѣчаются, какъ извѣстно, особенно часто. Однако, новые записи, напечатанные въ настоящемъ сборнике, ни въ какомъ случаѣ не являются излишними, потому что помимо пѣсень здесь мы находимъ обстоятельное описание свадебного церемониала, имѣющаго для науки особенно важное значение.

Въ концѣ записей приведенъ тщательно составленный библиографический указатель сочиненій, посвященныхъ украинской свадьбѣ.

Ів. А.

Е. О. Карский. Бѣлорусская Энеида на изнанку. Съ приложеніемъ текста сохранившихся отрывковъ. Харьковъ. 1908. 32 стр.

Проф. Е. О. Карский изслѣдуется любопытный вопросъ о бѣлорусской Энеидѣ и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Бѣлорусская Энеида была сочинена въ Смоленской губ. помѣщикомъ В. П. Ровинскимъ. Авторъ зналъ „Перелицеванну Энеиду“ Котляревскаго и во многихъ мѣстахъ только переводить ее, но ему также была знакома и Энеида въ великорусской шуточной передѣлкѣ Осипова. Время сочиненія Энеиды—начало XIX в., не раньше 12 года. Въ Энеидѣ Ровинского отразилась „жизнь въ духѣ богатыхъ бѣлорусскихъ крестьянъ, съ ихъ нравами и обычаями“

В. В. Д.

Аникиевичъ, К. Т. Сѣнненскій уѣздъ Могилевской губ. Опытъ описанія въ географическомъ, историческомъ, этнографическомъ, бытовомъ, промышленномъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ картой уѣзда, схемою двухъ озеръ и рисунками въ текстѣ. Могилевъ губ. 1907. Стр. 148. (Издание Могилевского Статистического Комитета).

Книжка г. Аникиевича заключаетъ въ себѣ четыре отдѣла: I) Физико-географическое описание уѣзда (1—59 стр.); II) Исторический обзоръ (60—95 стр.); III) Населеніе уѣзда: его этнографический составъ, бытъ и культура (95—133 стр.) и IV) Главнѣйшие населенные пункты Сѣнненского уѣзда (133—148 стр.). Въ первомъ, самомъ большомъ отдѣле, авторъ очень подробно описываетъ границы уѣзда и волостей, съ указаніемъ длины въ окружности и площади каждой административной единицы. Говоря о камняхъ г. Аникиевичъ замѣчаетъ, что „въ нѣсколькихъ мѣстахъ уѣзда до сего времени сохранилось въ народѣ почитаніе камней, особенно находящихся у „крыницъ“, также упоминаетъ онъ о соединенныхъ съ

нѣкоторыми камнями чудесныхъ легендахъ. На такихъ камняхъ можно видѣть свѣчи, куски хлѣба и т. п. приношениа" (стр. 11). Тутъ перечислено нѣсколько такихъ камней и кратко рассказаны легенды о нихъ. Рѣки, озера и болота описаны довольно подробно. При этомъ авторъ замѣчаетъ: „относительно „святыхъ“ озеръ народъ говоритъ, что это мѣста провалившихся и затопувшихъ храмовъ" (стр. 39). При описаніи растеній и животныхъ г. Аникиевичъ почти сплошь и рядомъ ограничивается только мѣстными возваніями, почему самое описание теряетъ научную цѣнность. Такъ, напримѣръ: на стр. 52 и 53 пестрать нижеслѣдующія загадочные названія травъ, за которыми пародъ признаетъ лѣкарственное значеніе при различныхъ болѣзняхъ: „душница, дубровка, рачики, кро-
вавникъ, пырикъ, диванна, зубникъ, золотникъ, костоломъ, шаль-
никъ" и т. п. Это замѣчавіе въ одинаковой степени относится и къ другимъ мѣстнымъ названіямъ, приведеннымъ въ этой книжкѣ (стр. 49—50).

Въ историческомъ обзорѣ уѣзда г. Аникиевичъ отмѣчаетъ, что въ предѣлахъ Сѣненскаго уѣзда найдены во множествѣ орудія каменного вѣка, послѣдней неолитической эпохи; описываетъ курганы, раскопками которыхъ занимался Е. Р. Романовъ, указываетъ на городки, городцы и городища доисторической эпохи, всего числомъ свыше 40, перечисляетъ замковица, вали, найденные клады и т. п. археологические памятники. Здѣсь авторъ даетъ мало новаго, описывая вообще судьбы Бѣлоруссіи. Впрочемъ приведено указаніе на одну любопытную записку ген.-губернатора Бѣлорусского края, князя Н. И. Хованскаго, представленную имъ въ Министерство въ 1831 г. Въ этой запискѣ, въ числѣ общихъ причинъ упадка благосостоянія народонаселенія края между прочимъ князь Хованскій видѣтъ въ дешевой продажѣ вина и въ обитаніи евреевъ въ деревняхъ и селеніяхъ (стр. 94—95). Какъ это напоминаетъ современную бирократическую панацею противъ всѣхъ бѣдъ.

Что же касается описанія состава населенія, его этнографическихъ особенностей, быта, занятій и вообще культурнаго состоянія, то на это въ книжкѣ отведено слишкомъ мало мѣста. Нельзя не пожалѣть, что на 10—12 стравицахъ, съ девятью рисунками въ текстѣ, описаны слѣдующіе народы: цыгане, иѣмцы, литовцы и жмудины, поляки, великоруссы—старообрядцы, евреи и бѣлоруссы. Само собою разумѣется, что описание получилось неполное и крайне поверхностное. Тѣмъ болѣе, что авторъ въ своей книжкѣ затрагиваетъ возможно больше сторонъ жизни мѣстнаго населенія и на все даетъ отвѣты. Тутъ перечислены примѣты, суевѣрия и предрассудки, описаны обрядности, соединенные съ тѣмъ или инымъ праздникомъ или семейнымъ торжествомъ, упомянуто объ особенностяхъ бѣлорусскаго нарѣчья и приведено даже нѣсколько пѣсен-
ныхъ образчиковъ. Но все это, какъ говорится, въ микроскопической дозѣ. Пѣсни приведены на искаженномъ русскомъ языке, на-
примѣръ:

„Кабъ я знаю, я пѣ гету куму
И у кумы не брау:
Ина горѣлки на пѣть
И пѣсень ни пѧть" (стр. 111—112).

Дальше г. Аникевичъ говоритъ, что „надѣльныя земли крестьянъ находятся преимущественно въ общинномъ владѣвіи — 86,7% площади и только остальные 13,3% въ подворпомъ владѣвіи“ (стр. 117). Можно подумать, что въ Сѣнненскомъ уѣздѣ существуетъ община и общинное землевладѣніе, чего въ дѣйствительности не было и нѣтъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь, хотя надѣльныя земли и отведены нераздѣльно цѣлому селенію или обществу, но предоставлены въ собственность отдельныхъ домохозяевъ, съ обозначеніемъ ихъ именъ и количества причитающихся десятинъ, какъ пашни, такъ и сѣнокоса. Общество не имѣетъ права отнять землю у домохозяина, хотя бы онъ переселился въ городъ, а свой надѣль отдалъ въ пользованіе постороннему лицу. Это не общинное, а подворное владѣніе на правахъ личной собственности.

Книжка г. Аникевича обилуетъ статистическими данными, доставленными въ губернскій статистической комитетъ волостными писарями, которые часто даютъ произвольные цифры.

Помѣщенные въ текстѣ рисунки мелки и исполнение неудовлетворительно.

A. Сережутовский.

Antti Aarne. Vergleichende Märchenforschungen. Helsingfors 1907. Akademische Abhandlung.

Авторъ названного труда, извѣстный читателямъ Живой Старины,¹⁾ занялся сравнительнымъ изученіемъ нѣкоторыхъ сказочныхъ группъ, связанныхъ другъ съ другомъ общей идеей содержания. Въ предисловіи опредѣляется цѣль работы приблизительно такъ: Понятия о возникновеніи и дальнѣйшихъ судьбахъ сказки остались очень непрочными, несмотря на усиленныя попытки разобраться въ этихъ вопросахъ. Явились поэтому скептики, которые считаютъ результаты сравнительного анализа, поставившаго себѣ цѣлью проникать до прародины данной сказки, черезчуръ сбивчивыми и ничего не доказывающими. Авторъ самъ не сторонникъ подобнаго взгляда, а убѣжденно вѣритъ въ будущее своего, такъ называемаго, сравнительно-географического метода. Точкою отправления служить предположеніе, что сказки представляютъ изъ себя рассказы, которые проходили опредѣленная степени развитія. Въ развитіи этомъ можно замѣтить первоначальную стадію въ видѣ возникновенія разсказа и опредѣленного отношенія его къ извѣстнымъ условіямъ мѣста и времени. Потомъ можно наблюдать его распространеніе путемъ передачи отъ одного народа къ другому. Во времена странствованія онъ подвергается разнымъ измѣненіямъ, основаннымъ на извѣстныхъ, опредѣленныхъ законахъ мышленія и фантазіи. Сказка, вѣдь, никогда не передается буквально такъ, какъ ее слышали. Поэтому личному творчеству, его капризамъ, слабой памяти народа, субъективному способу пониманія и воспріятія и т. д. приписывается большее значеніе. „Если намъ удастся очистить разсказъ отъ измѣнений и амплификацій, которыхъ накоплялись на немъ во время странствованій, и найти первоначальную форму сказки, то при этомъ проявится доля свѣта и на ея родину и на пути, которые она про-

¹⁾ См.: „Жив. Ст.“, VII, 1, отд. II и XI, 1, 2, отд. II.

ходила, и такимъ образомъ мы, по мѣрѣ возможности, получимъ и указанія на время ея возникновенія” (стр. 1). Стало быть, чѣмъ больше сырого материала, не только съ разныхъ географическихъ концовъ земного шара, но и разнаго времени, тѣмъ больше возможности точно указать начальную форму. Въ этомъ отношеніи авторъ вооруженъ лучше своихъ предшественниковъ. Имъ цитируются безъ затрудненій рѣдко приводимыя въ западной Европѣ славянскія сокровища; кромѣ того, онъ широко воспользовался сѣверными скандинавскими и финскими, рукописными и печатными варіантами, такъ что не осталось ни одного уголка, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, который бы не имѣлъ своего представителя въ общей суммѣ варіантовъ. Они приводятся въ сокращеніи, причемъ внимание обращается на специальная и характерная черты. Послѣ того слѣдуютъ выводы. На основаніи популярнѣйшихъ и цѣльныхъ по смыслу варіантовъ возстановляется первоначальная форма данной „народной сказки“ (въ противоположность книжной), хотя и случается надобность прибѣгать и къ другимъ соображеніямъ, —такъ какъ „самая распространенная форма можетъ быть порою и не самой древней“ (стр. 41). Въ такихъ случаяхъ принимается во внимание доказательства самого содержанія. Внутренний характеръ, освѣщеніе и настроеніе сказки часто указываются на ея родину (стр. 79). Изъ параллельныхъ, другъ другу отчасти противорѣчящихъ черть не трудно узнать подлинную, если всмотрѣться, какая изъ нихъ логичнѣе и естественнѣе остальныхъ (стр. 54). Иногда при опредѣленіи подлинности принимается во вниманіе, въ какомъ отношеніи данная черта находится къ главному дѣйствію содержанія, можно ли считать ея присутствіе необходимымъ для хода рассказа и т. д. (срвн. 47). Само собою разумѣется, что нахожденіе одного и того же мотива въ отдаленныхъ другъ отъ друга концахъ земного шара говорить за его древность.

Въ этомъ заключаются наиболѣе важные и любопытные критеріи того метода, представителемъ которого является Антти Аарне.

Мы не будемъ входить въ подробности, излагая результаты этой, интересной по своей руководящей идеѣ и богато обставленной, работы. Въ ней изслѣдованы три сказочныхъ мотива: сказка о чудесномъ перстнѣ (напр. Афанасьевъ. IV, 236), о трехъ чудесныхъ вѣщахъ (Аф. II, 113) и о чудесной птицѣ съ письмомъ на крыльяхъ (Аф. II, 115). Первая группа указываетъ, своимъ своеобразнымъ распространеніемъ въ Азіи и восточной Европѣ, на востокъ, какъ на свою родину. Кромѣ того, настроеніе сказки—сказки о лампѣ Аладина,—мировоззрѣніе ея, напр. вѣра въ переселеніе души и т. д. не противорѣчатъ этому предположенію. Нерѣщеннымъ только остается вопросъ, считать ли Индію или какую-нибудь другую страну тѣмъ мѣстомъ, где впервые эта сказка была пущена въ оборотъ. Подобно первой изъ названныхъ группъ имѣть и вторая книжные варіанты между прочимъ и въ *Gesta Romanorum*. Сравненіе варіантовъ между собою приводить къ выводу, что книжные варіанты представляютъ изъ себя передѣлки устной традиціи, хотя, конечно, нельзя не считаться съ возможностью, что наоборотъ послѣдняя усваивала немало чертъ изъ книги. Не только большее

распространеніе мотива въ зап. Европѣ, но и близкое отношеніе англійскихъ и французскихъ варіантовъ къ возстановленной основной формѣ указываетъ на то, что сказка европейскаго происхожденія. Что касается третьей группы, то на основаніи географическаго распространенія и винныхъ версій можно доказать, что востокъ, быть можетъ Персія, является ея колыбелью.

Рекомендуемъ книгу какъ превосходный образецъ для русскихъ изслѣдователей сказокъ.

Вильо Мансикка.

S. Matusiak. 1) Olimp polski podlug Dlugosza (Kwartalnik etnograficzny „Lud“. T. XI, zeszyt I i II, str. 19—89. Lwów. MCMVIII).—2) Dodatek do „Olimpu polskiego“ (ibidem, zeszyt III, str. 205—235).

Статья С. Матусяка: „Польскій Олимпъ по Длугошу“ заключаетъ въ себѣ подробный анализъ тѣхъ свѣдѣній о польскихъ богахъ и богиняхъ, какія даютъ знаменитый польскій историкъ Янъ Длугошъ (1415—1480 гг.) въ первой книжѣ своей громадной (14 томовъ) *Historia polonica*.

Приведи во вступлениі къ своей статьѣ соотвѣтствующую цитату изъ Длугоша въ латинскомъ подлинникѣ и въ переводѣ на польскій языкъ, г. Матусякъ признаетъ, что содержащіяся въ этой цитатѣ свѣдѣнія „очень любопытны и важны и тѣмъ болѣе цѣнны, что почерпнуты изъ какой-то старинной рукописи и опираются если не на непосредственное знакомство съ предметомъ, то на преданія, еще не подвергшіяся искаженію“ (стр. 22). Такъ какъ данныя, о которыхъ идетъ рѣчь, несмотря на всю ихъ важность, до сихъ поръ остаются безъ научной обработки и даже неизвѣстна ихъ дѣйствительная научная цѣнность, то г. Матусякъ и взялъ на себя трудъ положить начало ихъ изученію.

Въ статьѣ разсмотрѣны слѣдующія божества; 1) Jesza или Jarowit (русскій Ярило)—хозяинъ весны, божество свѣта и тепла, 2) Łada—богъ войны, 3) Dziedzylela—покровительница родильницъ. 4) Niega—богъ умершихъ, 5) Dziewana—богиня въ родѣ римской Діаны, 6) Marzana—богиня смерти, 7) Pogoda—податель ясной погоды и 8) Źywa—богъ жизни. Относительно каждого изъ нихъ авторъ старается точно установить настоящее имя божества и охарактеризовать его природу. Особенно подробно останавливается онъ на вопросѣ объ идентичности Jarowita съ главными славянскими божествами.

Въ заключеніи г. Матусякъ высказываетъ мнѣніе, что Длугошъ, благодаря своему старинному источнику, опиравшемуся на еще болѣе старые документы, „далъ намъ такой очеркъ славянской мифологии, какого никто не давалъ ни до, ни послѣ него“.

Э. П.

Vocabularium linguae čuvašicae. Csuvas szójegyzék, szerkesztette Paasonen H. a finnugor nyelvtudomány tanára a Helsingforsi egyetemen. Budapest. A Magyar Tudományos Akadémia Kiadása. 1908. (I—VII+244, 8°).

Настоящій словарь чувашскаго языка составленъ проф. Гельсингрорского университета Пасоненомъ, известнымъ изслѣдователемъ вое-

точно-финскихъ нарѣчий, и изданъ Венгерской Академіей Наукъ. Имя составителя служитъ порукой за точность и научность этого важного труда. О полнотѣ его можно судить по перечню перечисленныхъ авторомъ въ предисловіи пособій (въ перечинѣ упомянуты и вся прежнія, весьма, впрочемъ, немногочисленныя, изслѣдованія по чувашскому нарѣчію). Проф. Насоненъ пользовался той научной транскрипціей, которая была предложена проф. Сетэлэ (см. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, I, 1, 15—52). Значеніе чувашскихъ словъ объяснено по-венгерски и по-немецки; часто автору приходилось прибѣгать и къ русскому ихъ опредѣленію. Цѣна книги невысокая: 4 кроны.

A. III.

И. А. Подгорбунскій. Русско - монголо - бурятскій словарь. Иркутскъ. 1909. Стр. VI+340. Ц. 2 р.

Въ предисловіи, главныи содеряніемъ котораго является изложеніе знаковъ „условнаго алфавита“, принятаго въ Словарѣ, авторъ заявляетъ, что его работа „представляетъ попытку дать словарь живого разговорнаго бурятскаго языка“.

Въ основу алфавита авторомъ положена русская азбука, дополненная недостающими, знаками въ такомъ количествѣ, чтобы, съ ихъ помощью, могли быть переданы все главнѣйшіе звуки монголо-бурятскаго языка.

Потребность въ подобнаго рода словарѣ ощущалась давно, въ особенности лицами, незнакомыми съ монгольской азбукой, а потому „попытку“ г. Подгорбунского можно только привѣтствовать.

Э. II.

S. Roudenko. Traditions et contes bachkirs. Rennes. 1908. Pag. 19. (Отд. оттискъ изъ *Revue des Traditions Populaires*, t. XIII, № 2—3).

Брошюра г. Руденко содержитъ въ себѣ ровно 20 мелкихъ (иногда въ 3—5 строкъ) вѣщицъ, относящихся, главнымъ образомъ, къ области вѣрованій башкиръ. За исключениемъ двухъ или трехъ раз-сказовъ и легендъ, записанныхъ путешественниками, все остальные опубликовываются, по словамъ автора, впервые, несмотря на сравни-тельное богатство русской литературы о башкирахъ.

Отмѣтимъ два недосмотра, объясняемые несомнѣнно тѣмъ, что пе-чатаніе сборника происходило не подъ личнымъ наблюденіемъ автора. Такъ, въ первомъ разсказѣ („Умерщвленный шайтанъ“) непонятно заключеніе: „Вотъ почему насы прозвали: Шайтанъ Кудейский (про-исходящій отъ Кудея)“, ибо въ разсказѣ о Кудѣ вовсе не упоми-нается. Затѣмъ, на стр. 12 *сарана* названа „луковицей какого-то растенія, которое башкиры очень любятъ“, тогда какъ *сарана* есть общее название яѣкоторыхъ лилій; съѣдобными являются луковицы желтой или красной *саараны*, *Lilium martagon*.

Э. II.

.Русскій Чехъ, газета. Въ концѣ іюня нынѣшняго 1908 года прекратила существованіе издававшаяся въ Киевѣ I. В. Вондракомъ

газета „Русский Чехъ“ („Rusky Čech“). Газета была посвящена, кроме общихъ вопросовъ о культурныхъ чешско-русскихъ отношеніяхъ, интересамъ русскихъ чеховъ, живущихъ на Волыни. Многія статьи и корреспонденціи „Русского Чеха“ содержали описанія быта волынскихъ чеховъ и ихъ селеній. Къ изданію газеты 1908 г. была приложена брошюра Владимира Олича: „Dějiny českého vystěhovalectví na Rus“, содержащая историческая, статистическая и бытовая свѣдѣнія о волынскихъ чехахъ. Такъ какъ изданіе „Русского Чеха“ по личнымъ соображеніямъ издателя было прервано въ серединѣ года, то вместо него высылается двѣ еженедѣльныхъ газеты, выходящихъ въ Прагѣ и составляющихъ прямое продолженіе „Русского Чеха“, именно „Hospodářsky Pokrok“ и „Českoruský obzor“, подъ ред. Швиговскаго и Штепанека. Оба изданія иллюстрированныя. Пока вышло восемь №№ каждого изъ нихъ. Отмѣтимъ въ „Чешско-русскомъ Обзорѣ“ статьи географического и бытового содержанія: „Чешская волость Глинское на Волыни“ (№ 7), „По Чешской Руси“ Альберта Полака (№ 7), „О чешско-русскомъ селѣ у австрійскихъ границъ“ его же (№ 8) и „Отъ Лудка до чешского Борятина и Круны“ его же (№ 8).

B. B. Даниловъ.

Журналы за 1908 г.

Варшавскія Университетскія Извѣстія. IV. Е. О. Карскій. Бѣлоруссы. Исторический очеркъ авуокъ бѣлорусского народа.—В. Топорѣ-Рабчинскій. Макиавелли и эпоха Возрожденія.

Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія. № 11. Д. В. Айналовъ. Примѣчанія къ тексту книги „Паломник“ Антонія Новгородскаго. IX—XV.—Его-же. Памяти Е. К. Рѣдина (некролог).—А. Е. Прѣсняковъ. Н. П. Павловъ-Сильванскій (некролог). № 12. К. Ф. Тіандеръ. Культовое пьянство и древнѣйший алкогольный напитокъ человѣчества.—С. Ф. Ольденбургъ. Памяти А. В. Григорьева.—Рецензія Н. Н. Виноградова на: В. В. Сиповскій. Исторія русской словесности.

Землевѣдѣніе, кн. III. Изъ Монголо-Сычуанской экспедиціи П. К. Козлова.

Бжегодникъ Русского Антропологического О-ва, т. II. Э. А. Вольтеръ. Къ вопросу о ятвягахъ.—В. И. Іохельсонъ. Международные конгрессы американистовъ.—Его-же. Древняя и современныя подземныя жилища племенъ С.-В. Азіи и С.-З. Америки.—В. Н. Васильевъ. Краткий очеркъ инородцевъ сѣвера Туркменского края.—Н. Н. Виноградовъ. Красноярскій городской музей и его антропологическая коллекція.—Б. Ф. Адлеръ. Адольфъ Бастіанъ.—Его-же. Эмиль Шницдтъ.—Отчеты О-ва.—Протоколы засѣданій.

Извѣстія Имп. Русского Географического О-ва. Вып. VI. О. Гонз. О султанатѣ Сіакъ и его обитателяхъ (съ 5 табл. рисунковъ).—А. И. Булгаковъ. Верховья Енисея въ Урланхѣ и Саянскихъ горахъ (съ 9 рис. въ текстѣ).—Журналъ засѣданій Отд. Этнографіи. Вып. VII. Вѣсти изъ Монголо-Сычуаньской экспедиціи подъ начальствомъ П. К. Козлова (съ рис. и карт.). Вып. VIII. Э. Э. Амертъ. Путешествіе на восточн. побережье русского Сахалина въ 1907 г. (Замѣтки о населеніи).—Н. Н. Нордманъ. Географическое положеніе погостовъ-округовъ Шелоцкой пятини по Писцовымъ оброчнымъ Новгородскимъ книгамъ 1498 г. (Съ 2 карт.).—Журн. засѣд. Отд. Этнографіи. Вып. IX. Р. Ю. Рожевицъ. Пѣдадка въ южную и среднюю Бухару въ 1906 г. (съ рис.).

Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, №№ 1—18. А. С. Лаппо-Данилевскій. Некрологъ В. Б. Антоновича.—А. А. Шахматовъ. Некрологъ Н. П. Да-

кевича.—*В. Н. Бенешевичъ.* Отчетъ о поездкѣ на Синай.—*К. Г. Залеманъ.* Новые поступления въ Азиатскій Музей.—*О. фонъ-Леммъ.* Мелкія замѣтки по коптской письменности.—*В. В. Радловъ.* Доисламскія письмена тюрковъ и отношеніе ихъ къ тюркскому языку.—*Бар. А. фонъ Сталь-Гольштейнъ.* Тохарскій языкъ и языкъ II.

Ізвѣстія Імп. Археологической Коммисіи. Вып. 26. (Вопросы реставраціи, вып. 1). Съ 110 рис. Протоколы засѣданій.—*А. С. Изѣ Архива Коммисіи.* I. Владімірская губ. Прибал. къ вып. 26. Археологическая хроника.—Обзоръ русскихъ повременныхъ изданій.—Новые книги. Вып. 27. (Съ 2 табл. и 56 рис.). *А. В. Оршиниковъ.* Окуловскій кладъ русскихъ денегъ.—*G. Hirst.* Ольвійские культуры. Перев. *П. Латышева.* Прибавл. къ вып. 27. Археологическая хроника.—*А. Б.* Обзоръ иностраннѣхъ журналовъ за 1907 и 1908 гг.—Обзоръ русскихъ повременныхъ изданій за 1-ю половину 1908 года.—Новые книги. Вып. 28. (Вопросы реставраціи, вып. 2). Съ 25 табл. и 107 рис. Протоколы засѣданій.—*П. Покрышкинъ и К. Романовъ.* Древнія зданія въ Ферапонтовомъ монастырѣ Новгородской губ.

Ізвѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва Т. XVIII. № 1. И. И. Кальфоглу. Древнѣшія извѣстія о Батумѣ.—*Е. Пагарейшвили.* Свадьба въ Имеретіи.—*А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ.* Бзыбская Абхазія.—*Т. XIX. № 1.* *Н. Н. Шаэръ.* Изѣ путевыхъ наблюдений отъ Батума до Лимана. Съ 8-ю рис.—*В. С. Шамрай.* Евгеній Дмитріевичъ Фелицынъ. Біографіческий очеркъ.—Лѣтопись Отдѣла.—Бібліографія.

Ізвѣстія Отдѣленія русскаго яз. и словесности И. А. Н., кн. 3. Б. *А. Романовъ.* Смердій конь и смердъ (въ Лѣтописи и Русской Правдѣ).—*В. И. Чернышевъ.* Народные говоры селеній, расположенныхъ отъ Боровска до Москвы по Старому Московскому тракту.—*Л. Л. Васильевъ.* О вліяніи неютированныхъ гласныхъ на предыдущій открытый слогъ.—*А. И. Томсонъ.* Къ вопросу о возникновеніи род.-вин. п. въ слав. языкахъ. Прилагольный род. п. въ праслав. языкахъ.

Národopisny Věstník českoslovanský (Чешскославянскій Этнографический Вѣстникъ). № 8. Янѣ Тыкачъ. Народный кузнецкій орнаментъ въ краяхъ Ландшкроунскомъ и Литомышльскомъ.—Рецензія: *Jan Čimburga.* Jihoceská idilla.—*J. Vyhídal.* Malíčky z Nápo.—*H. Durnovo.* Легенда о заключенномъ бѣсѣ въ византійской и старинной русской литературѣ.—*P. Sebillot.* Le Folk-Lore de France.—*Fr. Heinemann.* Bibliographie der Schweizerischen Landeskunde.—*A. Егличкова.* Выставка южночешскихъ костюмовъ и вышивокъ.—Этнографическая мелочь.—Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложение. *I. Кубикъ.* Чешскія сказки изъ Кладскаго края, съ комментаріями *Ю. Поливки*.

Народное Образованіе, кн. XI. Вокругъ николы. IV. Собиратель народныхъ пѣсень. *И. Попова.*

Русский Филологический Вѣстникъ № 3. *В. А. Боброзвъ.* Русскія народныя сказки о животныхъ (окончаніе).—*Н. Н. Соколовъ.* Открытие и-е. ѿ различного качества.—Труды Московской Діалектологической Коммисіи. Два отчета Н. Соколова и предисловіе.—*Г. А. Ильинскій.* Еще о „лужахъ“.—Некрологъ К. Ф. Радченко. № 4. *В. В. Даниловъ.* Разсказъ Г. И. Успенскаго, „Парамонъ Юродивъ“.—*А. И. Соболевскій.* Шиворот на выворотъ.—*Архім.* Меводій. Старопечатная 2-й половины XVI ст. иссалтыръ въ слогоудареніяхъ ея глагольныхъ формъ. Материалы для истории ударенія въ русскомъ языке (окончаніе).—*Г. А. Ильинскій.* Славянскія этимологіи...—Некрологъ М. Д. Миличевича.

Сибирские Вопросы. 1908 г. Сибирскія и дальнѣ-восточные коллекціи музея Императора Александра III (№ 23—24).—*Алексѣй Макаренко.* Гибель инородцевъ сѣвера Сибири (№ 25).—*Э. Пекарскій.* И. А. Худяковъ и ученый обозрѣватель его трудовъ (№ 31—32).—*R. Путешественникъ-модернъ* (Гартевельдъ). (№ 31—32).—Въ Императ. Русск. Геогр. Обществѣ (докладъ П. Е. Островскихъ): „Туркманскій край, его исторія и современное положеніе“). № 31—32.—*Э. Пекарскій.* Осѣдлое или кочевое племя якуты. № 37—38.—*Э. П.* Первый сборникъ Гиляцкой поэзіи („Материалы по изученію Гиляцкаго языка и фольклора“, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергомъ). № 39—40.—*Э. Пекарскій.* Якутскій Отдѣль Географического Общества. № 39—40.—*Д. Клеменцъ.* Замѣтки о кочевомъ бытѣ. № 49—52.—*И. Абрамовъ* и *9. Пекарскій.* На краю Сибири. Поездка къ тунгусамъ („пріаянскімъ“).

№ 49—52.—*В. Васильевъ.* Угасшая русская культура на дальнемъ съверѣ № 1.—*Вейсманъ, Р.* Индивидуализация сибирского права. № 7.

Сообщенія Имп. Православного Палестинскаго О-ва, вв. 3 и 4.
Свящ. А. А. Глаголевъ. Социальная отишнія Израильянъ.—*П. К. Жузе.* Начало христіанской письменности у арабовъ.—*В. Н. Аничкова.* Иерусалимская пустыня. Бедуины и полубедуины.—*А. А. Дмитриевскій.* Фрески Георгіевского караклиса 1423 г., въ Свято-Павловскомъ монастырѣ на Аeonѣ и ихъ значение въ исторіи аено-византійской и русской иконописи.

Труды Московской Дialectологической Комиссіи, выш. 1. *Н. Н. Соколовъ.* Определение и обозначение гравицъ русскихъ говоровъ.—*Н. Н. Кашинъ.* Замѣтка о говорахъ Владімірской губерніи.—*Н. Н. Дурново.* Отчетъ о поѣздкѣ въ Клинскій и Волоколамскій уѣзды Московской губ. лѣтомъ 1904 года.—*Его же.* Отчетъ о дialectологическихъ наблюденіяхъ въ Клинскомъ, Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ Московской губ. лѣтомъ 1906 года.—*Н. Н. Соколовъ.* Отчетъ о поѣздкѣ въ Тверскую губ. съ дialectологическою цѣлью лѣтомъ 1904 года.—*А. С. Мадуевъ.* Отчетъ о дialectологической поѣздкѣ по Тверской губ. лѣтомъ 1904 года.—*Н. Н. Соколовъ.* Отчетъ о поѣздкѣ во Владімірскую и Рязанскую губ. съ дialectологическою цѣлью (1906).—*Его же.* Отчетъ о поѣздкѣ въ Меленковскій и Судогодскій уѣзды Владімірской губ. лѣтомъ 1907 года.—*Его же.* Отчетъ о поѣздкѣ въ южную часть Трубчевскаго уѣзда Орловской губ. лѣтомъ 1907 года.—*Сводъ материаловъ, собранныхъ Комиссіей:*— Предисловіе.—Краткая программа по собиранию особенностей русскихъ говоровъ.—Владімірская губ. Обработала Николай Дурново.—Нижегородская губ. Обработала Д. Н. Ушаковъ.—Калужская губ. Обработала Николай Дурново.—Курская губ. Обработали И. М. Тарабринъ и Н. Н. Дурново.—Гульская губ. Обработана Н. Н. Дурново.—Воронежская губ. Обработано Н. Н. Кононовымъ.—Рязанская губ. Обработали Д. Н. Ушаковъ и Н. Н. Дурново.—Костромская губ. Обработали А. Д. Григорьевъ и Н. Н. Дурново.—Вологодская губ.—Пермская губ.—С.-Петербургская губ.

Ученые Записки Имп. Казанского Университета, кн. I—XII. Алфавитный указатель авторовъ и статей, напечатанныхъ въ Ученыхъ Запискахъ въ 1908 г. Кн. XII.—*А. Архангельский.* Русская литература XVIII в. Кн. II, X и XI.—*Его же.* Введение въ исторію русской литературы. Кн. XII.—*Б. Богородицкий.* Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. Наблюдения надъ произношениемъ съ помощью губного аппарата Розанелли. Кн. I.—*Его же.* Курсъ сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ. Кн. II и IV.—*Его же.* Сравнительно-грамматический комментарій къ текстамъ аріо-европейскихъ языковъ. Санскритъ. Кн. III и X.—*Его же.* Основы ариеметического счета. Кн. VI—VII.—*Д. Смирновъ.* Курсъ исторіи религій.

Новости этнографической литературы¹⁾.

Ад. А. Теорія статистики. Курсъ по лекціямъ проф. Ю. Э. Янсона. 2-е изданіе. Спб. 1909.

Лихникъ, С. Мордовская народная сказки. Съ иллюстр. 102 стр. Спб. *Аракчеевъ, Д. И.* Народная пѣсня Западной Грузіи (Имеретіи). Съ приложениемъ 83 пѣсень въ народной гармонизации, записанныхъ фонографомъ М.

Архангельская Карелия. Изд. Архангельск. Губ. Стат. Комит. Архангельскъ. II+II+101+39+1 карта.

Барчинскій, В. Очерки изъ исторіи общественнааго быта старой Малороссіи. Кіевъ.

Бекштрэмъ, А. Иаслѣдованія въ области этрусской археологии. В. 2. Спб. II++i74 стр.

Боголюбова, А. Ковровыя издѣлія Средней Азіи. В. I. съ 24 табл. Спб. F.

Болсуновскій, К. Символика эпохи неолита (съ табл. рис.). Кіевъ. 4°.

Билины новой и недавней записи изъ равныхъ мѣстностей Россіи. Подъ редакціей проф. В. Ф. Миллера, при

1) Книги, при которыхъ не указанъ годъ издания, вышли въ текущемъ году.

участії Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М. V+312 стр.

Верторадский, П. И. Нарвскій триумфальный щитъ. Спб.

Веселовескій, А. Н. Собрание сочинений. Томъ III. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 586 стр.

Вознесенский, И. О складѣ или ритмѣ и метрѣ краткихъ изречений русского народа. Кострома. 23 стр.

Вяземский, Н. В. кн., Восточные славяне. Русские, сербы и болгары. Спб. 1909.

Гатицукъ, А. Сказание о старинѣ незапамятной. Съ рис. М.

Георгиевский, М. Д. Русско-корельский словарь. Издано подъ наблюдениемъ акад. Ф. Фортунатова. Спб.

Геннеръ, А. Россія Культурно-политическая географія. Переводъ съ немецкаго съ дополненіемъ: „Азіатская Россія“. 1909. М.

Глаюлевъ, С. Мистеріи на берегахъ Конго. Сергіевъ-Посадъ.

Гнатюкъ, В. Віршована легенда про рицаря і смерть. Львівъ. 19 стр.

Гольдинъ, Н. Исторія древняго востока. Лекціи. Харьковъ.

Давыдовъ, К. На островахъ Амура. Спб. 245—351 стр. 4°.

Даниловъ, В. Литературные материалы и очерки. 2. Рассказъ И. И. Успенского. „Парамонъ Юродивый“. Варшава. 47 стр.

Дашкевичъ, Н. Славяно-русскій Траянъ и римскій императоръ Траянъ. Киевъ.

Ессеевъ, И. Археологические поиски въ Орловскомъ краѣ лѣтомъ 1907 г. Ортель. 16 стр.

Забадский-Краснопольскій, В. А. Географія Японіи. Переводъ съ японскаго языка 1-й и 2-й части „Сёгакуцири“ 1905 г. Спб.

Ивановъ, Й. Български стариини из Македония. София. V+310 стр.

Локсимовичъ, Чед. М. Всеславянский вопросъ. Анексія Босніи и Герцеговины. Разныя мнѣнія. 1909.

Карауловъ, Н. Свѣдѣнія арабскихъ географовъ IX и X вв. по Р. Х. о Кавказѣ, Арmenіи и Адербайджанѣ. Тифлисъ.

Карлейль, Томасъ. Герои, почитаніе героевъ и геополическое въ исторіи. Перев. съ англ. Съ портретомъ автора 3-е издание. Спб.

Карскій, Е. Ф. Бѣлоруссы. Томъ II. Языкъ бѣлорусского племени. I. Исторический очеркъ звуковъ бѣлорусского нарѣчія. Варшава.

Каутскій, Карлъ. античный міръ. Иудейство и христіанство. Спб. 1909.

Кошутичъ, Е. Сербскій народъ и анексія Босніи и Герцеговины. Публичная лекція. Спб. 56 стр.

Красносовский, С. С. О языкахъ и нравахъ. Приведеніе наблюдений, подтверждающихъ правильность „таблицы членораздѣльныхъ звуковъ и одушевлій“. Выпускъ II. Спб. 100+3 стр.

Кружокъ любителей Этнографіи, ревнителей Музея Антропологии и Этнографии имени Петра Великаго. Спб. 10 стр. 16°.

Кузнецовъ-Красногорскій. Минусинскія древности. Мѣдно-бронзовыи и переходныи періоды. В. I. Съ 12 табл. Томскъ. 4°.

Лебедевъ, А. Пижемское городище. Съ 3 рис. Казань.

Lettm, O., von. Kleine koptische Studien. Спб. 68 стр.

Ло, Фр., проф. Очеркъ исторіи римской литературы. Перев. съ итальянск. и предисловіе проф. И. И. Холодняка. Спб.

Люофельдъ, Д. Н. На границахъ Средней Азіи. Путевые очерки. Въ 3-хъ книгахъ. Книга I. Персидская граница.—Книга II. Бухарско-афганская граница.—Книга III. Русско-афганская граница. Спб. 1909.

Лупповъ, П. Обозрѣніе Вятской епархіи епископомъ Ниломъ въ 1836 г. Вятка. 32 стр.

Его-же. Село Биляръ, Елабужскаго уѣзда Вятской епархіи. Вятка. 12 стр.

Меводій (архимандр.) Старопечатная вторая половина XVI ст. псалтырь въ слогоудареніяхъ ея глагольныхъ формъ. Материалы для исторіи ударенія въ русскомъ языке. Варшава. 31 стр.

Mirkо, M. Geschichte der älteren slawischen Litteraturen. Leipzig. X+248 стр.

Мухаммед-Салихъ. Шейбани-намѣз. Джагатайскій текстъ: Постмортное изданіе проф. П. М. Меліоранскаго. Поль наблюдениемъ и съ предисловіемъ прив.-доц. А. Н. Самойловича. Спб.

Нараджна Хитопадеша. Доброе наставление. Сборникъ древнеиндійскихъ разсказовъ. Перевель съ санскритскаго Д. Кудрявскаго. Юрьевъ.

О неободимости увеличенія пособія, выдаваемаго отъ казны Минусинскому городскому Мартыновскому Музек. Записка Городской Думы. Минусинскъ. 24 стр.

- Ончуковъ, Н. Е.* Сѣверные сказки. (Архангельская и Олонецкая гг.). Сборникъ. Изд. Отд. Этнографіи И. Р. Г. О-ва. Спб. 1909. XLIII+646 стр.
- Die osteuropäischen Litteraturen und die slavischen Sprachen...* Т. I. Berl. u. Leipzig. VIII+396 стр.
- Остроуцковъ, Н.* Сарты. Этнографические материалы. Изд. 3. Съ рис. Ташкентъ.
- Отчетъ Имп. Археологической Комиссии за 1905 г.* Съ 6 табл. и 163 рис. Спб. 144 стр.
- Отчетъ о дѣятельности Рязанской ученой Архивной Комиссии за 1905 г.* Рязань. 22 стр.
- То-же.* За 1906 г. Рязань. 15 стр.
- Отчетъ по Минусинскому городскому Мартыновскому музею за 1907 г.* Канская. 18 стр.
- Памятны почетн. чл. О-ва Нестора Лѣтописца, заслуж. ордин. проф. и академика Н. П. Дашиевича.* Киевъ. 57 стр.
- Памятники древне-русского искусства.* Вып. 1. Съ 11 табл. Спб. 4°.
- Передольский, В. В.* По Енисею. Быть енисейскихъ остыаковъ. Съ рис. Спб.
- Петровский, Серий.* прот. Молокане или „духовные христане“. Одесса.
- Писаревский, Григорий.* Изъ истории иностранной колонизации въ России въ XVIII в. 1909.
- Подгорубский, И. А.* Русско-монголо-бурятскій словарь. Иркутскъ. 1909.
- Покровский, Н. В.* Губернская ученая Архивная Комиссия. Спб. 24 стр.
- Поликарповъ, Ф.* Заселеніе и образование Нижнедѣвицкаго уѣзда. Воронежъ. 24 стр.
- Потоцъ, П. С.* Краткое введеніе къ изученію китайскаго языка. логограма. 1909.
- Православная богословская энциклопедія.* Томъ IX. Съ 15 рис. Составленъ подъ ред. проф. Н. Н. Глубоковскаго. Спб. 1909.
- Приселковъ, В.* Очерки по истории культуры. В. I. Гречія. Зарайскъ.
- Пришвинъ, М.* За волшебными колодками. Изъ записокъ на крайнемъ сѣверѣ Россіи и Норвегіи. Съ рис. Спб.
- Путеводитель по музею Псковскаго Археологического О-ва.* Съ рис. Псковъ.
- Путинцевъ, А. М.* Народная пѣсня нового времени. Казань. 1908. 12 стр.
- Пытижъ, А. Н.* Общественное движение въ Россіи при Александрѣ I. Издание 4-е. Спб.
- Радловъ, В. В.* Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Вып. 22-й. Спб. 961—1280 стр.
- Родинъ, Е.* Икона „Недреманное Око“. Съ рис. Харьковъ.
- Сборникъ Средне-Азиатскаго Отдѣла О-ва Востоковѣдѣнія.* Библіографія Афганистана. Спб.
- Сборникъ статей, посвященныхъ почитателями В. И. Ламанскому, по случаю пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности.* Ч. II. Спб. IV+657—1479 стр.+III табл.
- Сиротининъ, А.* Бесѣды о русской словесности. Спб. 1909. X+345 стр.
- Смирновъ, А. В.* проф. прот. Курсъ истории религій. Казань.
- Смирновъ, П. С.* Изъ исторіи раскола первой половины XVIII вѣка. Спб.
- Смирновъ, Я.* Рисунки Киева 1651 г. по копіямъ ихъ конца XVIII в. Съ 4 табл. М. 4°.
- Соболевскій, А.* Древняя церковно-славянская литература и ея значеніе. Харьковъ. 22 стр.
- Ею же.* Изъ переводной литературы Петровской эпохи. Библіографические материалы. Спб. 47 стр.
- Ею же.* Нѣсколько словъ о лицевыхъ рукописяхъ. Сиб.
- Ею же.* Славяно-русская палеографія. Лекціи. Спб. 120 стр.+XX табл.
- Суворовъ, А.* Латино-русскій словарь, расположенный по корнямъ. Варшава. XV+730 стр.
- Сирошевскій, В.* Томъ VII. Дальний Востокъ. Съ 52 иллюстраціями. 3-е издание. Спб. 1909. Томъ VIII. Корея. 34 иллюстр. 3-е издание. Спб. 1909.
- Сэндерлендъ, И.* Библія, ея происхождение, развитие и отличительные свойства. М.
- Тайморъ, Эд.* Антропология. Перев. И. Ивина. Съ 18 рис. Спб.
- Тарасовъ, Н. и Гартовъ, А.* Изъ исторіи русской культуры. Полюдье. Съ рис. М.
- Тер-Аствацатурянъ, Айк.* Доисторический человѣкъ. Съ 13 рис. Тифлисъ. (На арм. яз.).
- Труды Саратовской ученой архивной Комиссии.* В. 24. Саратовъ. 151+152 стр.
- Труды Ярославской ученой Архивной Комиссии.* Кн. V. LXIV+444 стр.
- Трупинскій, А.* Среднее Поволжье. Съ рис. М.
- Указатель статей и замѣтокъ, посвященныхъ въ изданіяхъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва.* Тифлисъ.
- Холодовъ, Н.* Уссурійскій край. Историко-географическое описание. Съ

4 рис., 3 план. городовъ и 1 картой въ текстѣ. Спб.

Чамберленъ, Б. Х. Грамматика японского разговорного языка. Теоретическая часть. Переводъ съ англ. прив.-доц. В. Костылева. Спб.

— Упрощенная грамматика японского языка. (Новый письменный стиль). Переводъ прив.-доц. В. Костылева. Спб

Шахматовъ, А. А. Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. XX+687 стр.

Ею-же. Сказание о преложеніи книгъ на словенскій языкъ. Berl. 171—183.

Шемшуринъ, Андр. Стихи В. Брюсова и русский языкъ. Москва.

Шерингъ, И. А. „Богаство Сѣвера“.

Путевые замѣтки, очерки и разсказы. Издание 2-е дополненное. Спб. 1909.

Шинельбергъ, В. Пребываніе Израиля въ Египтѣ въ свѣтѣ Египетскихъ источниковъ. Съ нѣм. Съ 12 рис. Спб.

Эйторнъ, В. Къ исторіи иноземцевъ въ старой Малороссіи. 53 стр. (Изъ „Тр. О-ва Ист. и Др.“).

Яворскій, Ю. А. Къ исторіи карпато-русского фольклора XVIII вѣка. Харьковъ.

Юло-же. Малорусскій отрывокъ Изамардага XVIII в. Berl. 12 стр.

Янъевичъ, Ор. М. Опытъ объясненія легенды объ „Ивиковыхъ Журавляхъ“. Черниговъ.

Федоровъ, А. М. За океанъ. Съ иллюстрациями. Спб. 1909.

Готовится къ печати книга Э. Ренана „Промисхожденіе языка“. Книга выйдетъ подъ редакціей и съ примѣчаніями академика Ф. Е. Корша.

Въ скоромъ времени подъ заглавиемъ „Пугачевщина“ выйдетъ въ свѣтъ психологическое изслѣдованіе о народныхъ волненіяхъ проф. Н. Н. Фирсова.

Въ настоящее время печатается „Критико-библіографическое обозрѣніе дневниковъ, мемуаровъ, записокъ, воспоминаній, путешествій и писемъ, относящихся къ исторіи Россіи“, С. С. Минцлова.

Въ типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумаги печатается обширный трудъ по исторіи архитектурного искусства „Мечети Самарканда“. Этотъ трудъ, снабженный роскошными рисунками, издается Императорской археологической комиссіей.

Вышла изъ печати новая книга Шарля Дилля „Юстиніанъ и византійская цивилизація въ VI вѣкѣ“.

По словамъ „Нов. Бр.“, въ Токіо вышла изъ печати „Исторія Японіи“ за послѣднія 40 лѣтъ, составленная и изданная графомъ Окума. Издание состоить изъ двухъ томовъ по тысячѣ страницъ каждый. Въ составленіи „Исторіи“ принимали участіе до 200 специалистовъ по различнымъ отраслямъ, благодаря чему она представляетъ собой какъ бы сборникъ статей по отдельнымъ вопросамъ. Связующимъ звеномъ между статьями является лишь личность редактора, графа Окума.

О Т Д Ё Л Ъ V.

Х р о н и к а.

Въ Отдѣленіи Этнографіи И. Р. Г. О-ва.

№ 11. Засѣданіе 7 ноября. 1) Окончаніе сообщенія чл.-сотрудника *И. С. Абрамова*. „Поѣздка въ Стародубье“. (О старообрядцахъ, штундистахъ, толстовцахъ и хлыстахъ сѣверныхъ уѣзловъ Черниговской губ.). 2) Сообщеніе *Н. И. Привалова*: „Историческая эволюція русской народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ“. Программа: Общая характеристика русского народного пѣснотворчества. Отзывы русскихъ и иностранныхъ авторитетовъ о пѣсняхъ русского народа. Два образца русской пѣсни въ отношеніи текстовъ. Народные пѣвцы и гуслари въ старину. Раздѣленіе русского населения на „лучшихъ людей“ и „простую чадь“ съ приходомъ греческаго духовенства. Византійскіе идеалы и осужденіе русского пѣснотворчества. Вліяніе Западной Европы въ XVII столѣтіи. Поворотъ къ русскому націонализму въ XIX вѣкѣ. Начало собиранія пѣсенъ и созданіе на основаніяхъ русского пѣснотворчества русской школы въ искусствѣ. Уклоненіе народа отъ источниковъ своей старинной поэзіи. Образцы новой современной пѣсни. Работа русского общества надъ возвращеніемъ въ народъ его старинной художественной пѣсни и инструментовъ. Общий очеркъ исторіи русскихъ народныхъ инструментовъ.

Въ исполненіи хора любителей *И. А. Смолина* были показаны (съ объясненіемъ) образцы обрядной пѣсни, былины, духовнаго стиха и пѣсень бытовыхъ.

Кромѣ того, русскія народныя пѣсни были исполнены крестьянскими хоромъ *О. У. Смоленскаго на жалѣйкахъ* и *гусялью*.

№ 12. Засѣданіе 21 ноября: 1) Новости этнографической литературы. 2) Сообщеніе чл.-сотр. *М. М. Пришивина*: „Поморы русского крайняго сѣвера“. Программа: Этнографическая наблюденія на лѣтнемъ берегу Бѣлаго Моря. Быть деревни Дуракова. Какъ объясняютъ себѣ поморы сѣверное сіяніе и другія явленія сѣверной при-

роды. Плаваніе на льдинахъ промысловыхъ артелей по морю и океану (роши). Западный берегъ Бѣлого моря („Поморье“) въ лѣтнее время. Путь по Лапландіи на Мурманъ (наблюденія изъ жизни лопарей). Бытовыя наблюденія во время лова трески въ океанѣ: 1) на шнякѣ, 2) на 1-мъ русскомъ траулерѣ. Русскіе поморы въ Норвегіи. (Были показаны діапозитивы).

№ 13. Засѣданіе 5 декабря. 1) Рукописи, поступившія въ Отдѣленіе. 2) Сообщеніе чл.-сотрудника *М. Б. Едемскаго*. *Свадьба въ Кокшенгѣ, Тотемскаго уѣзда, Вологодской губ.* Программа: Литература. Недостатки записей. Особенности записи Кокшенгской свадьбы. Наиболѣе близкія по обрядамъ и языку причетовъ свадьбы другихъ мѣстъ. Стародавность обычая и новизна въ немъ. Запоручи-ванные невѣсты и „невѣстина нидаля“. Выходъ невѣсты на угорь и на поварню. Сватальной день. Причитанье надъ воротами. Выводъ невѣсты и отдача за столъ. Свадебное колдовство; сторожа. (Были показаны діапозитивы).

№ 14. Засѣданіе 10 декабря. Сообщеніе дѣйствит. Члена *П. Н. Дутрова*: *Кумышка—напитокъ вотяковъ* (историческій очеркъ). Программа сообщенія: Предисловіе. Нѣсколько словъ о печатной литературѣ по исторіи кумышки и объ источникахъ настоящаго сообщенія. I. Обзоръ правителѣственныхъ мѣропріятій относительно кумышковаренія. II. Свѣдѣнія о религіозномъ значеніи кумышки. Дѣла о жертвоприношеніяхъ вотяковъ въ 1752 году.—Указаніе на связь кумышки съ языческой вѣрой вотяковъ въ 1802 году.—Донесеніе Глазовскаго Миссіонера и приходскихъ священниковъ въ 1830-хъ годахъ.—Данныя о кумышкѣ, собранныя Вятскимъ епископомъ въ 1838 году. III. Потребление вотяками кумышки въ прежнія времена. Свидѣтельство Миллера.—Всеподаннѣйшая записка Вятскаго Губернатора 1845 г. Записки двухъ священниковъ Малмыжскаго (Вят. г.) и Мамадышскаго (Каз. г.) уѣздовъ.—Случай на вотскомъ жертвоприношеніи въ 1838 году. Заключеніе.

Русское Антропологическое О-во. 5 декабря былъ назначенъ докладъ д-ра *И. Н. Шнакова*: „Физический типъ русскихъ лопарей“.

О-во Любителей Древней Письменности и Искусства. 5 декабря сообщенія: Некрологъ Н. В. Султанова.—*Н. М. Каринскаго*. Неизданныя записи Псковскихъ рукописей XIV—XV вѣковъ.—*Ст. В. Смоленскаго*. Клавесинная музыка въ Россіи по русскимъ сочиненіямъ 2-й половины XVIII в., съ исполненіемъ нѣсколькихъ пьесъ на инструментѣ второй же половины XVIII в. Въ засѣданіи 9 янв. 1909 г. сообщеніе *Хр. М. Лопарева* „Слово о погибели Русскихъ земли“.

13 января состоялось первое въ текущемъ году собраніе членовъ еврейского литературного общества, на которомъ С. Л. Цинбергъ прочиталъ докладъ на тему: „Исторія ассимиляціи евреевъ въ Задней Европѣ“.

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ*.

О Т Ч Е Т Ъ

по Отдѣленію Этнографіи И. Р. Г. О-ва за 1908 годъ.

Въ истекшемъ году Отдѣленіе Этнографіи имѣло 13 засѣданій (изъ нихъ одно соединеніе съ Отдѣленіемъ Статистики), на которыхъ было заслушано 17 сообщеній, сдѣланныхъ какъ членами Отдѣленія, такъ и посторонними лицами, проявившими свою дѣятельность въ какой-либо области этнографіи. Сообщенія эти были слѣдующія:

- 1) „Поездка въ Стародубье“, чл.-сотр. *И. С. Абрамова*;
- 2) „Буддійскій монастырь Лавран“, дѣйств. чл. *Б. Б. Барадайна*;
- 3) „Свадьба въ Кокшеньгѣ, Тотемск. у., Вологодск. губ.“, чл.-сотр.

М. Б. Едемскаю;

- 4) „О зырянахъ“, *К. Ф. Жакова*;
- 5) „Султанатъ Сіакъ и его обитатели“, *О. И. Іона*;
- 6) „Бузогашиній вопросъ напихъ окраинъ“, *И. С. Левитова*;
- 7) „Кумышка — напитокъ ватаковъ (историческій очеркъ)“, дѣйств. чл. *П. Н. Дуппова*;

* 8) „Черноморское побережье Кавказа“, *А. А. Милера*;

9) „Русскія военные поселенія Тифлісской губ., Сигнахскаго и Телавскаго уу.“, *Б. Ф. Михайлова*;

10) „О новой теоріи происхожденія человѣка“, чл.-сотр. *В. А. Мошкова*;

11) „Сказки и сказочники сѣвера“, дѣйств. чл. *Н. Е. Ончукова*;

12) „Туруханскій край, его исторія и современное положеніе“, дѣйств. чл. *П. Е. Островскихъ*;

13) „Историческая эволюція русской народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ“, *Н. И. Привалова*;

14) „Поморы русского крайняго сѣвера“, чл.-сотр. *М. М. Привалина*;

15) „Новости этнографической литературы“, почетн. чл. *А. И. Соболевская*;

16) „Этнографическая наблюденія въ Астраханской губерніи“, *И. И. Солосина*;

17) „Новые вѣянія въ безпоповщинѣ“, дѣйств. чл. *Ф. Г. Шубина*.

Почти всѣ доклады сопровождались показываніемъ діапозитивовъ или демонстраціей различныхъ предметовъ изъ собранныхъ докладчиками этнографическихъ коллекцій. Сообщеніе же *Н. И. Привалова* сопровождалось вокально-инструментальнымъ концертомъ, составленнымъ изъ наиболѣе типичныхъ русскихъ пѣсень.

Изъ только что приведенного перечня сообщеній, сдѣланныхъ въ Отдѣленіи, видно, что кругъ вопросовъ, освѣщенню которыхъ посвятили свою дѣятельность члены Отдѣленія обширенъ и разнообразенъ: великоруссамъ (преимущественно сѣвернымъ) было посвящено 4 сообщенія, инородцамъ — 2, инорусскимъ народностямъ — 2, старообрядцамъ — 2, Кавказу — 2, Сибири — 1, Средней Азіи — 1 и, наконецъ, общимъ вопросамъ этнографіи и народной словесности — 3 сообщенія.

Кромъ чтенія сообщеній въ засѣданіяхъ Отдѣленія докладывалось о текущихъ дѣлахъ, обсуждались нѣкоторыя мѣропріятія, направленныя къ достижению опредѣленныхъ „Уставомъ“ О-ва задачъ Отдѣленія и дѣлались сообщенія и отзывы о вновь вышедшихъ книгахъ и рукописяхъ, поступавшихъ въ Отдѣленіе. О нѣкоторыхъ рукописяхъ, по предложенію Отдѣленія, давали свое заключеніе ученые члены Отдѣленія, спеціально занимающіеся извѣстными отдѣломъ этнографическихъ изученій.

Замѣтно увеличилось число рукописей, поступившихъ въ распоряженіе отдѣленія, особенно по сравненію съ двумя предшествующими годами, когда поступленій почти не было. Въ теченіе отчетного года нижеслѣдующія лица прислали собранія материаловъ и статьи.

И. С. Абрамовъ. „Дѣвичья доля въ пѣсняхъ и обычаяхъ Волынскихъ крестьянъ“.

— „Заговоры, примѣты и суевія на Волыни“.

А. К. Бассова. Записи киргизскихъ легендъ, сказокъ и преданій (10).

А. Васильевъ. „Сказки, слышанные отъ крестьянина Ф. Н. Календарева“.

I. Васильевъ, ссып. „Замѣтки къ познанію вотскаго языка“.

Г. Г. Гинкенъ. 12 книгъ и 17 тетрадей материаловъ по литовскому языку.

А. А. Лебедевъ. „Саратовская“ (къ исторіи пѣсни).

А. Малиновский. „Похоронные причеты въ Устюжскомъ у., Новгородской губ.“

Н. Насаревъ. „Дѣтские стихи и прибаутки“ } .Каргопольского у.,

— „Звукоподражанія въ народѣ“ } Олонецкой губ.

А. Д. Неуступовъ. „Клады по народнымъ разсказамъ и преданіямъ Кадниковскаго у.“

г. Новожиловъ. Пѣсни Кириловскаго у., Новгородской губ.

Б. Шилсудский. „Аборигены о. Сахалина“.

— „Роды, беременность и выкидыши у туземцевъ о. Сахалина“.

Ф. Поликарповъ. „Въ деревнѣ“ (очеркъ).

— „Пурина“ (народный обычай).

В. Ф. Поповъ. „Къ вопросу объ общинѣ у зырянъ“.

Н. А. Ринансъ. „Древнее шаманство у монголовъ“.

Гг. Рождественский и Успенский. Собрание духовныхъ стиховъ и роспѣвцевъ сектантовъ.

С. Г. Рыбаковъ. „Изъ исторіи татарства и мусульманства въ Россіи“.

И. Савченко. 12 мѣсяцевъ въ умовоззрѣніи малороссійского народа“.

Н. А. Санинъ. „Вишерский край и его населеніе“.

— „Населеніе Чердынского уѣзда“.

А. К. Сержпутовскій. Рядъ рукописей по белорусскому языку, этнографіи и народной словесности.

П. И. Слюнинъ. Материалы по народной словесности Курской губ.

И. А. Тихомировъ. „Поговоры, примѣты, поговорки и пѣсни Ярославской губ.“ (Нѣкоторыя сравненія).

А. А. Шустиковъ. „Право семейной и личной собственности среди крестьянъ Кадниковскаго уѣзда“.

— „Приплавухи“ (старинный обычай).

Часть этихъ рукописей передана въ Архивъ О-ва для храненія, остальная же рукописи — въ редакцію журнала „Живая Старина“ для напечатанія.

Издательская дѣятельность Отдѣленія Этнографіи выразилась въ слѣдующемъ:

Отпечатано въ теченіе года.

Записки по Отд. Этнографіи, т. XXXIII. Н. Е. Ончуковъ. Сѣверные сказки.

„Живая Старина“, 4 вып.

Печатаются.

Сборникъ статей въ честь Г. Н. Потанина.

Алфавитный и систематический указатель къ журналу „Живая Старина“ за 15 лѣть его существованія. Сост. Н. Н. Виноградовъ.

Приготовлены къ печати.

Ю. А. Яворскій. Карпаторусскія сказки, легенды и преданія.

гг. Рождественскій и Успенскій. Собрание сектантскихъ духовныхъ стиховъ и роспѣвцевъ.

г. Милорадовичъ. Малоруссія сказки. Приготовлены Н. И. Коробкою.

При материальной поддержкѣ со стороны Отдѣленія совершены были этнографическія экспедиціи: И. С. Абрамовымъ въ Стародубье, для изученія мѣстного раскола и сектантства; Н. Н. Виноградовымъ въ Костромскую губернію, преимущественно для изученія быта че-реинісъ; М. Б. Едемскимъ въ Вологодскую и Архангельскую губерніи, для выясненія вопросовъ колонизаціи данного района, и А. А. Мажаренко въ Сибирь (районъ р. Катонги), для изученія языка и быта тунгусовъ.

I Краткій отчетъ объ экспедиціи чл.-сотрудника И. С. Абрамова въ Стародубье, лѣтомъ 1908 г.

Лѣтомъ 1908 г. членомъ-сотр. И. С. Абрамовымъ была совершена поѣзда въ сѣверные уѣзды Черниговской губ. съ цѣлью собирания этнографическихъ данныхъ о бытѣ старообрядцевъ и сектантовъ (балтистовъ, штундистовъ, толстовцевъ, хлыстовъ) данного района; г. Абрамовымъ собраны свѣдѣнія о проишествіяхъ слобожанъ (трепальщикахъ пеньки, щетинникахъ, коробейникахъ-книгоношахъ), о хороводахъ и свадьбахъ, о сектѣ пасхальниковъ, о новыхъ явленіяхъ въ жизни старообрядцевъ послѣ указа о вѣротерпимости 17 апрѣля 1905 г. и т. п. Вышеозначенныя свѣдѣнія собраны въ городахъ и посадахъ: Новозыбковъ, Клинцахъ, Стародубѣ, Еліовѣ, Воронкѣ, Лужскихъ и др. О своей поѣздкѣ г. Абрамовъ было сдѣлано сообщеніе въ засѣданіяхъ Этнографического Отдѣленія 17 октября и 7 ноября.

II. Краткий отчетъ по поездкѣ въ Костромскую губернію
дѣйств. чл. И. Н. Виноградова, лѣтомъ 1908 г.

Все лѣто 1908 г., съ 2 июня по 22 августа, я провелъ въ экскурсіяхъ по Костромской и, отчасти, сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ. За это время я проѣхалъ свыше 1.500 верстъ, главнымъ образомъ на лошадяхъ, съ частыми остановками въ болѣе интересныхъ съ той или иной точки зренія мѣстностяхъ. Главной прѣлью моей поездки служило собирание материаловъ по діалектологіи, народной словесности и этнографіи въ сѣверо-восточной части Костромской губерніи, очень мало обслѣдованной въ указанныхъ отношеніяхъ. Какъ результатъ поездки — является значительное количество діалектологическихъ записей, позволяющихъ установить отличительные черты мѣстного говора (локанье и чоканье, къ сѣверу постепенно усиливающееся). Собранный материалъ приводится мною въ порядокъ для представленія доклада по сему вопросу на предстоящемъ областномъ Археологическомъ Съѣзду въ г. Костромѣ. Кроме того мною обращено было также вниманіе на говоръ мѣстностей, пограничныхъ съ черемисскими поселеніями, и на говоръ переселенцевъ-пимаковъ (изъ Вятской губ. въ Тоншаевскую волость, Ветлужского у.). Изъ собранныхъ мною материаловъ по народной словесности наиболѣе любопытными являются: ваговоры, старинныя пѣсни (есть историческая), значительное собрание „частушекъ“ и игровыхъ пѣсень, легенды и преданія. Есть также рядъ записей болѣе мелкихъ произведений (пословицы, поговорки, загадки, отдѣльные слова и выраженія) или отдѣльныхъ крупныхъ (напр. сказки). Болѣе важнымъ и интереснымъ материаломъ по этнографіи я считаю записи и наблюденія, произведенныя среди черемисъ Тоншаевской волости, Ветлужского уѣзда. Этотъ, затерянный въ дремучихъ, почти непроходимыхъ лѣсахъ, небольшой осколокъ черемисской народности имѣетъ свое особое нарѣчіе, настолько различающееся отъ другихъ, что приглашенные въ качествѣ учителей луговые черемисы (наиболѣе близкіе по языку) не понимали мѣстныхъ жителей, а тѣ ихъ.

Еще живы старые обычай; стоять кереметища; ворожбы совершаются моленія и жертвоприношенія. Но какъ быстро вымираютъ черемисы, такъ же быстро рушится и постепенно сходитъ на нѣть ихъ старинный укладъ жизни. Къ моему крайнему сожалѣнію время не позволило мнѣ въ достаточной мѣрѣ заняться изученіемъ черемисъ. Но все-таки я успѣлъ записать до 1.000 отдѣльныхъ словъ, значительное количество выраженій, описание свадьбы и изъ которыхъ другихъ обрядовъ, собрать значительную коллекцію одеждъ, вышивокъ и различныхъ предметовъ быта и домашней обстановки, а мой компаньонъ по поездкѣ снялъ до 100 фотографій. Въ другихъ же мѣстностяхъ собраны материалы: по постройкамъ и вообще материальнѣй культурѣ (есть значительное количество фотографій), по описанію обрядовъ, обычаевъ, увеселеній, по суевѣріямъ и повѣрьямъ, по обычному нраву. Независимо отъ сего собирались, при случаѣ, материалы по ономастикѣ, археологіи (были произведены даже небольшія раскопки) и мѣстной исторіи, преимущественно церковной (житія святыхъ).

III. Отчетъ о поѣздкѣ съ этнографическими цѣлями въ Вологодскую и Архангельскую губерніи члена-сотрудника М. Б. Едемскаго, въ іюнѣ и юлѣ 1908 года.

Помимо собирания материаловъ изъ области народной словесности и быта жителей сѣверного края, цѣлью моей настоящей поѣздки я ставилъ также и выясненіе вопроса о движениіи заселенія нѣкоторыхъ захолустныхъ мѣстъ на границѣ этихъ двухъ губерній.

Имѣя у себя кое-какія, собранныя раньше, свѣдѣнія касательно заселенія Кокшеньги Тотемскаго (и Вельскаго) уѣзда поселенцами съ Ваги, изъ Шенкурскаго уѣзда, я полагалъ ознакомиться, для пополненія имѣющихся въ моемъ распоряженіи данныхъ по этому вопросу, съ нѣкоторыми памятниками живой старины по всему протяженію рѣчной системы Кокшеньга-Устья-Вага-С. Двина; и такъ какъ вся область этой системы состоитъ въ постоянному общеніи съ г. Архангельскомъ, то и разсчитывалъ я найти кое-какія руководящія въ предполагаемой работѣ указанія, главнымъ образомъ, исторического характера въ г. Архангельскѣ и отчасти въ Соловецкомъ монастырѣ. Къ сожалѣнію, надежды мои въ этомъ отношеніи совсѣмъ почти не оправдались. Въ Архангельской библіотекѣ не нашлось ожидаемыхъ свѣдѣній, а ризница Соловецкаго монастыря, въ которой хранятся многія болѣе или менѣе древнія рукописи, оказалась совершенно закрытой для обозрѣнія. Отчасти благодаря этому обстоятельству, отчасти по другимъ соображеніямъ, пришлось нѣсколько видоизмѣнить и самыи планъ поѣздки, хотя не оправдавшіеся въ указанномъ направленіи расчеты мои и были до нѣкоторой степени вознаграждены тѣмъ, что по дорогѣ въ Соловецкій монастырь, а также въ самомъ монастырѣ и въ г. Архангельскѣ удалось завязать нѣсколько знакомствъ съ лицами, отъ которыхъ я получилъ не мало интересныхъ свѣдѣній изъ области этнографіи и частью исторіи края. Весьма полезнымъ въ этомъ отношеніи было знакомство и съ архангельскими музеями (городской, рыбопромышленный и древнехранилище). Съ древнехранилищемъ, находящимся въ стѣнахъ Архангельского монастыря, познакомилъ меня лично главный устроитель и блюститель его, редакторъ мѣстныхъ епархиальныхъ вѣдомостей, И. М. Сибирцевъ, любезно удѣлившій отъ своихъ даже срочныхъ текущихъ дѣлъ значительное количество времени для указаній и объясненій. Въ древнехранилищѣ, помимо большого количества церковныхъ и домовыхъ иконъ, иногда весьма старинныхъ и рѣдкихъ по исполненію, среди которыхъ встречаются вырѣзанные па деревѣ и даже на камнѣ (одна каменная икона, изображающая распятаго Господа И. Х., Божію Матерь и Марию Магдалину, вѣситъ 8 пудовъ)—не мало предметовъ церковной утвари и одежды, а также книги; цѣлая коллекція писанныхъ масляными красками портретовъ мѣстныхъ архіереевъ; встречаются интересные предметы иного характера, вродѣ такихъ, напримѣръ, какъ зеркало царевны Софіи, попавшее въ этотъ край вмѣстѣ съ заточеннымъ сюда въ свое время ии. В. В. Голицынымъ. Очень хорошей сохранности церковные брачные вѣнцы изъ рябиновой коры. Большая коллекція церков-

ныхъ ризъ изъ крестьянского холста, повидимому, мѣстнаго производства, обращаетъ на себя вниманіе красотою и искусствомъ ихъ окраски, благодаря которой нѣкоторыя изъ нихъ въ отдаленіи производятъ впечатлѣніе бархатныхъ.

Изъ старыхъ книгъ одно евангеліе принадлежитъ XIV вѣку.

Въ городскомъ музѣй обращаютъ на себя вниманіе образчики предметовъ мѣстныхъ производствъ и промысловъ: рыболовныя сѣти и разнаго рода снасти, модели судовъ, крестьянскихъ построекъ, соляныхъ варницъ, образчики различныхъ видовъ холста и узорчатаго тканья крестьянскаго. Встрѣчаются старинные портреты и гравюры, между которыми находится, между прочимъ, писаное масляными красками въ лицахъ „родословное дерево“, насколько помнится, XV вѣка. Есть предметы, относящіеся къ быту инородцевъ края.

О жизни инородцевъ любопытныя свѣдѣнія даютъ русскіе старожилы въ тѣхъ мѣстахъ. Такъ свящ. П. Преображенскій, миссіонеръ, жительствующій въ г. Кеми, рассказывая о проповѣди православія среди кареловъ, жалуется на полное почти отсутствіе здѣсь какого-либо просвѣщенія, что, разумѣется, препятствуетъ проникновенію сюда добрыхъ культурныхъ вліяній вообще и въ частности дѣлу религіознаго просвѣщенія, поэтому даже среди православнаго по имени населенія еще слишкомъ много языческаго. Между прочимъ, упорно держится обычай закалывать, на 3-ей или 4-ой недѣлѣ великаго поста, оленя и сѣѣдать торжественно съ особыми обрядами въ честь бога Ке.

Въ полномъ согласіи съ этими данными находятся также указанія на мѣстный быт другого корельскаго старожила, фельдшера Кистеневской волости, Д. П. Смирнова, который рассказывалъ, между прочимъ, что у корель Кемскаго уѣзда, считающихся безшоповцами, а по духу скорѣе язычниковъ, браки до сихъ поръ совершаются колдуны, обводя жениха и невѣstu вокругъ ящика, иногда съ приданымъ невѣсты, или вокругъ какого-нибудь чурбана; при этомъ онъ шепчетъ какое-нибудь колдовство, по временамъ останавливаюсь и дѣлая кресты на окружающихъ предметахъ. Иногда во время обвода жениха и невѣсты другія дѣвушки подбѣгаютъ и присаживаются на этотъ ящикъ, чтобы скорѣе выйти замужъ. (Примѣта).

Изъ Архангельска по Двинѣ и Сухонѣ черезъ Устюгъ я проѣхалъ до Тотьмы. Въ Устюгѣ за время остановки парохода удалось проѣхать по всему городу и побывать въ нѣсколькихъ церквяхъ, которые построены здѣсь очень скученно, иногда по нѣскольку вмѣстѣ. Въ церкви св. Прокопія Устюгскаго у раки его мощей находится, между прочимъ, ваза изъ темнаго кристаллическаго валуна, выпавшаго, какъ говорятъ, изъ каменной туши вмѣстѣ съ другими камнями; преданіе объ этой тучѣ, надвигавшейся на г. Устюгъ и чудесно отведенной молитвами св. Прокопія на глухой лѣсъ (сувѣмъ) въ 20 верстахъ отъ города, широко распространено по сѣверу. Изъ всѣхъ церквей, которыми такъ богатъ Великій-Устюгъ, наиболѣе древней и по мѣсту и по времени постройки является церковь свв.

Павла и Варлаама, находящаяся, вмѣстѣ съ другой болѣе поздней стройки церковью, на старинномъ городищѣ, подъемъ па которое со стороны пароходной пристани идеть отлогимъ откосомъ, но которое съ трехъ остальныхъ сторонъ спускается большими крутизнами: къ р. Сухонѣ, съ одной стороны; съ другой, противоположной—къ значительныхъ размѣровъ пруду и съ третьей—въ широкій ровъ. Время постройки церкви свв. Павла и Варлаама относить къ XV столѣтію; рядомъ съ ней недавно стояла и обрушилась отъ ветхости еще болѣе старинная церковь. По всей вѣроятности, городище было однимъ изъ первыхъ мѣстъ поселенія предковъ нынѣшнихъ устюжанъ. Иконы и живопись по стѣнамъ церкви Павла и Варлаама вѣють глубокой стариной. Къ сожалѣнію, живопись испещрена сѣтью мелкихъ трещинъ, между которыми краска кой-гдѣ начинаетъ отставать; необходима умѣлая реставрація. На картинѣ страшного суда имѣется къ группѣ поставленныхъ ошуюю любопытная надпись: „жды литва кизилбashi арапы немцы купцы и русь“.

Всю средину лѣта, отъ конца июня до начала августа, я провелъ въ Тотемскомъ уѣздѣ, сначала въ Кокшеньгѣ, въ ста верстахъ къ сѣверу, отъ г. Тотмы—въ Спасской волости, а потомъ—въ с. Леденгскѣ, отстоящемъ отъ Тотмы на 35 верстъ въ противоположную сторону.

Въ Кокшеньгѣ я посвятилъ нѣкоторое время фотографированию сценъ изъ быта мѣстныхъ крестьянъ. Было сдѣлано почти до ста снимковъ: пивовареніе, свадьба, сѣнокосъ, бученье, пахота, Ѣзда въ тарантасѣ и проч. Наряду съ фотографированіемъ я собиралъ и записывалъ и памятники народной словесности: духовные стихи, сказки, пѣсни; записано два-три заговора; провѣрены и пополнены записи свадебныхъ причетовъ, сдѣланыя здѣсь раньше; собрано нѣсколько отрывковъ изъ сказаний о Царѣ-Соломонѣ. Кроме того, были приобрѣты кой-какіе изъ предметовъ крестьянского обихода, выходящихъ уже изъ употребленія, вродѣ, напр., деревянного колокола, называемаго *ропотожъ* или *ропотней*, подвѣшиваемаго на шею коровъ при выгонѣ ихъ на пастбище; или—были куплены у старушки Х. Д—ой „башмаки“, родъ туфель съ высокими каблуками и фигурными желѣзными подковками, изъ легкой матеріи и безъ задниковъ. Любопытно, что въ такихъ „башмакахъ“, по словамъ Х. Д—ой, дѣвушки-невѣсты ъздили раньше къ обѣдѣ даже среди зимы, въ морозы, иногда за нѣсколько верстъ: „такова ужъ была мода, поясняетъ Х. Д—ая, и моя маменька рассказывала, какъ она въ нихъ о Крещеніи щеголяла на погостѣ“.

Село Леденгскъ или Леденгское, называемое у старииковъ Тотемскаго и близъ лежащихъ мѣстностей другихъ уѣзовъ Усольемъ, иногда Усольемъ Леденгскимъ, раскинулось по берегамъ р. Леденьги, вокругъ когда-то большого казеннаго солеваренного завода, имѣвшаго свыше 20 варницъ со всевозможными богатыми сооруженіями, о которыхъ въ настоящее время свидѣтельствуютъ въ большинствѣ случаевъ лишь грандиозныя развалины.

Желѣзисто-солевые источники, бьющіе изъ нѣсколькихъ трубъ артезианскихъ колодцевъ, иногда съ глубины слишкомъ въ сто два-

дцать сажень, обладает высокими целебными качествами для ревматиковъ, неврастеникоў и другого сорта больныхъ, и при самой примитивной приспособленности ихъ къ утилизациі собираютъ и нынче въ теченіе лѣта до 150 человѣкъ больныхъ, преимущественно изъ ближайшихъ сѣверныхъ городовъ и мѣстечекъ. Въ самое послѣднее время я имѣю свѣдѣнія объ ассигнованіи Тотемскімъ земствомъ, взявшимъ у казны эти источники въ аренду на 24 года, двадцати пяти тысячъ рублей на устройство ваннъ и гостиницы для пріѣзжихъ больныхъ; такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ с. Леденгское обратится въ заправскій курортъ.

Населеніе села достигаетъ 1500 жителей и состоитъ изъ заводскихъ крестьянъ, надѣленныхъ отъ казны землею. Собралось оно въ значительной части изъ другихъ, болѣе древнихъ соляно-заводскихъ районовъ сѣвера и частію изъ окрестныхъ мѣстъ. Изъ трехъ наиболѣе распространенныхъ здѣсь фамилій — Бабушкиныхъ, Сысоевыхъ и Мезеневыхъ — происхожденіе послѣдней связывается съ городомъ Мезенемъ; Сысоевы считаются еврейского происхожденія.

При своей крайней бѣдности населеніе живетъ не тужить и славится своими пѣвцами и пѣвицами, а также плясунами и плясуньями. Въ воскресные и праздничные дни лѣтомъ, а зимой и въ будни, молодежь собирается большими партіями, отплясываютъ „чижика“ и другие танцы и нерѣдко импровизируютъ прекрасные хоры старинныхъ народныхъ пѣсенъ (напѣвы нѣсколькоихъ такихъ пѣсень записаны, лѣтъ 7 — 8 тому назадъ, любителемъ-этнографомъ А. Н. Поповымъ). Среди молодежи болѣе заожиточныхъ семействъ, по образу жизни приближающихся къ городскимъ обывателямъ, распространены пѣсни и игры (и тоже старинныя) нѣсколько иного характера, чѣмъ въ остальномъ народѣ. Изъ такихъ были записаны мною, съ указаниемъ хода игры, 12 нумеровъ:

1) Розочка, 2) Какъ по морю, 3) Заинька по сѣничкамъ, 4) Въ городовѣ были мы, 5) По за городу ходить, 6) Заинька погулай, 7) Стой, частой березникъ, 8) Ёхала кума, 9) Затоню, 10) Подойду, подступлю, 11) Какъ у дяди Н было семеро дѣтей и 12) Я горю, горю на калиновомъ мосту.

Сверхъ того, были также записаны еще три сказки.

Наряды и костюмы какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, мало чѣмъ отличаются отъ городскихъ и потому не представляли особаго интереса для фотографированія.

По языку и пѣснямъ населеніе Леденгска стоитъ нѣсколько ближе къ населенію Кокшеньги, сравнительно съ гораздо болѣе близкими по мѣсту жителями Еденьги и по-сухонскихъ приходовъ, между Леденгскомъ и Кокшеньгой.

Собранные мною материалы, по мѣрѣ обработки, будутъ поступать въ распоряженіе Этнографического Отдѣленія И. Р. Г. Общества, которому долгомъ считаю выразить мою признательность, какъ и глубокоуважаемому Предсѣдателю его В. И. Ламанскому, за оказанную мнѣ поддержку въ моихъ скромныхъ попыткахъ принести посильную пользу для русской этнографіи.

IV. Краткий отчет о поездке къ тунгусамъ бассейна рѣки
р. Катонги чл.-сопр. А. А. Макаренко, лѣтомъ 1908 г.

Во вторую этнографическую поездку къ тунгусамъ бассейна рѣки „Катонги“, предпринятую по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, А. А. Макаренко былъ занятъ пополненіемъ лексического материала по языку тунгусовъ, продолжалъ изученіе образа жизни ихъ, шаманства и обычаевъ; собирая свѣдѣнія о разселеніи тунгусовъ, объ устояхъ ихъ экономической жизни и условіяхъ и формахъ торговли съ ними русскихъ; имъ записаны также тунгусскія сказки: о якутскомъ царѣ Тыгы-ракта (по-якутски: Тыгын-ырахтабы), о „Шоломон“ царѣ и др.; добыты образцы рисованья и письменности тунгусовъ и пр.

Экскурсантъ совершилъ поездку въ обществѣ двухъ своихъ, испытанныхъ въ предыдущія командировки въ Сибирь, спутниковъ: К. А. Масленникова и П. Т. Воронова. Первый вель подъ наблюденіемъ г. Макаренко метеорологическія наблюденія, занимался при помощи гипсотермометра опредѣлевіями береговыхъ высотъ, а также заново воспроизвелъ по компасу глазомѣрную съемку фарватера рѣки „Катонги“ (она же Средняя Тунгуска), съ ея притоками, на протяженіи слишкомъ 900 верстъ; первая съемка была сдѣлана въ 1907 году въ полую воду (большую); съемка этого года, начатая съ начала вскрытия рѣки, закончена была лѣтомъ, когда обнаружились ея пороги и шиверы; получены, такимъ образомъ, весьма интересныя данные для сравнительного сужденія, въ связи съ промѣрами, о высотахъ уровня воды въ „Катонгѣ“ въ главные моменты навигационнаго времени и объ условіяхъ возможнаго по ней судоходства. П. Вороновъ, будучи уроженцемъ Ангарскаго края и въ то же время прекраснымъ охотникомъ и знатокомъ мѣстности, оказалъ весьма полезное содѣйствіе при собираю свѣдѣній о поверхности, флорѣ и фаунѣ бассейна „Катонги“, во многомъ сходныхъ въ таковыми Ангарскаго края; своимъ лоцманскимъ искусствомъ Вороновъ, кроме того, былъ неоцѣнимъ проводникомъ въ тайгѣ и по рѣкѣ, изобилующей серьезными препятствіями: благодаря его распорядительной предусмотрительности, быстрой находчивости и поразительному присутствію духа, утлая лодка экскурсантовъ не разъ избѣгла серьезной опасности въ нѣкоторыхъ порогахъ „Катонги“.

Переѣздъ до мѣста назначенія въ 1.200 слишкомъ верстъ былъ сдѣланъ зимнимъ (въ январѣ) путемъ на лошадяхъ; въ глубь жительства тунгусовъ совершена поездка на оленяхъ; а главный маршрутъ по „Катонгѣ“ и ея видномъ притокѣ—Чунѣ былъ сдѣланъ на небольшой лодкѣ.

На сокращеніе экспедиціоннаго времени и на сравнительно малый результатъ этнографическихъ изысканій повлияло, между прочимъ, распространеніе оспенной эпидеміи среди тунгусовъ изслѣдованнаго края; послѣднє, по словамъ А. Макаренко, избѣгали, благодаря этому, посѣщеній ярмарочныхъ мѣсть и уходили въ нѣвѣдомыя малодоступныя таежныя трущобы.

По той же немаловажной причинѣ оказался мало успѣшнымъ

сборъ этнографическихъ коллекцій среди тунгусовъ, порученный А. Макаренко Этнографическимъ Отдѣломъ Русского музея Императора Александра III. Ихъ доставлены въ обѣ поѣздки (1907—1908 г.) предметы домашней утвари тунгусовъ, одежды съ раскраской и бисернымъ шитьемъ, оружіе, орудія промысла, ремесль, амулеты, предметы шаманского культа и похоронъ (гробъ съ останками и пр. принадлежности), берестяная лодка, лыжи, посохи, а также броня тунгусскихъ воиновъ, скованная по старинному образцу, и проч.

Кромѣ того, согласно заявленіямъ чл.-сотр. *М. М. Пришвина* и студента Имп. Спб. У-та *Б. Ф. Михайлова*, имъ были выданы отъ О-ва открытые листы для совершенія этнографическихъ поѣздокъ: первымъ — по Костромской и Нижегородской губ., вторымъ — по Кавказу.

Въ члены-сотрудники Отдѣленія были избраны: *Б. Б. Барадайна* и *М. Р. Фасмеръ*.

За труды на пользу Этнографіи были назначены Отдѣленіемъ, по предложению Медальной Коммиссіи, и утверждены Совѣтомъ О-ва слѣдующія почетныя награды:

Большая золотая медаль Отдѣленія — *Н. Е. Ончукову* за сборникъ „Сѣверныхъ сказокъ“, согласно отзыву *С. Ф. Ольденбурга*.

Малая золотая медаль — *А. К. Сережпутовскому* за представленные въ Отдѣление рукописи: „Собрание Бѣлорусскихъ пословицъ“ и „Бѣлорусский словарь“, согласно отзыву *Д. К. Зеленина*.

Серебряные медали: *И. Н. Зенбичкому* за работы; напечатанные въ „Живой Старинѣ“, и *Н. И. Привалову* за работы по изученію и распространенію русской народной пѣсни и музыки.

О числящихся при Отдѣленіи Этнографіи *Постоянныхъ Коммиссіяхъ*:

1) По собиранию народныхъ пѣсенъ съ напѣвами, и 2) По собиранию народныхъ юридическихъ обычаевъ — въ Отдѣлении никакихъ свѣдѣній не имѣется. Что же касается прекратившей свою дѣятельность „Коммиссіи по собиранию и изданию русскихъ народныхъ сказокъ“ — то слѣдуетъ отмѣтить, что возбужденъ вопросъ обѣ ея возобновлениіи и, по всей вѣроятности, въ будущемъ году она возобновить свою дѣятельность.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи *В. Ламанскій*.

Товарищъ Предсѣдательствующаго *Н. Веселовскій*.

Секретарь Отдѣленія *Николай Виноградовъ*.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

СТРАН.

1. Рецензія на: Максимовъ, А. Н. Ограничение отношений между однімъ изъ супруговъ и родственниками другого. <i>A. Макаренко</i> .— В. Харузина. Замѣтки по поводу употребленія слова фетишизмъ. Э. П.—Петропавловскій, А. Коляды и Купало въ Бѣлоруссії. <i>A. Сержпутовскаю</i> .—Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ XXXV. I.— Труды Черниговской Губернскай Архивной Комиссіи. Вып. седьмой. В. В. Данилови.—Памяти В. Н. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. В. II. Изд. Имп. Академіи Наукъ. <i>A. Макаренко</i> .—Н. Е. Макаренко. Памятникъ украинскаго искусства XVIII вѣка.—Н. Е. Макаренко. Материалы по археологіи Полтавской губерніи.—Этнографический Сборникъ. Изд. Этнографической Комиссіи Наукового товариства іи. Шевченки. Т. XIV.—Материалы по украинско-русской этнографіи. Т. X. Ив. А.—Е. Ф. Карский. Бѣлорусская Энеида на изнанку. В. В. Д.—Аникиевичъ, К. Т. Сѣненскій уѣздъ, Могилевской губ. <i>A. Сержпутовскаго</i> .—А. Аарне. Vergleichende Märchenforschungen. В. Мансиака.—S. Matusiak. Olimp polski podlung Dlugosza. Э. П.—Vocabularium linguae čuvašicae. А. III.—И. Подгорбунскій. Руско-монголо-бурятскій словарь. Э. П.—S. Roudenko. Traditions et contes bachkirs. Э. П.—Русскій Чехъ, газета. В. В. Данилова	501
2. Журналы за 1908 г.	517
3. Новости этнографической литературы	519

Приложение.

4. Алфавитный указатель къ „Живой Старинѣ“. Сост. Н. Н. Виноградовъ	33—48

ОТДѢЛЪ V.

1. Хроника	523
2. Отчетъ по Отдѣленію Этнографіи И. Р. Г. О-ва за 1908 г. .	525

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

XVII
годъ изданиі
1908

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФІИ

XVII
годъ изданиі
1908

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанского и Секретаря Отдѣленія Н. Н. Виноградова, въ XVII году своего существованія будетъ выходить четырьмя выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе виѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографический обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVII годъ изданиія, редакція „Живой Старины“ пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ специалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжестъ отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпускъ, въ видѣ приложения—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель“ къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, для сельскаго духовенства, учителей и учащихся—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины“ (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

Николай Виноградовъ.

Заговоры, обереги,

спасительные молитвы

и прог.

Выпускъ II.

Посвящается четвертому Областному Археологическому
Съезду въ г. Костромѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушниревъ и Ко), Фонтанка, 117.
1908.

Изъ журнала „Живая Старина“, вып. I—IV. 1908 г.

ЭТОТЪ ВЫПУСКЪ

«Заговоровъ, обереговъ, спасительныхъ молитвъ и проч.»

ПОСВЯЩАЕТСЯ

четвертому Областному
Археологическому Съезду
въ г. Костромѣ.

Ниже прилагается таблица такъ называемой „тара-
барской грамоты“, такъ какъ нѣкоторые заговоры написаны
этимъ именно шифромъ, и въ печати не всѣ мѣста могутъ
быть расшифрованы:

б	в	г	д	ж	з	к	л	м	н
щ	ш	ч	ц	х	ф	т	с	р	п

Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч.

(По стариннымъ рукописямъ и современнымъ записямъ).

XX.

[Рукопись въ переплѣтѣ, на 5 листахъ въ восьмушку, ш. 11 снт., дл. 17,5 снт. Письмо—щательный и красивый полууставъ поморского типа, съ титлами, удареніями и др. строчными и надстрочными знаками. Писано по двумъ линейкамъ, намѣченнымъ острымъ инструментомъ. Бумага довольно старая, очень хорошаго качества, безъ филиграней, приблизительно, половины XVIII вѣка. На л. 1, вверху, небольшая заставка хорошей работы, исполненная чернилами и киноварью. Въ узорѣ—рышетка, на ней корона съ четвероконечнымъ крестомъ и вѣтками растенія по сторонамъ. На л. 1 въ начальная буква писана киноварью съ растительнымъ орнаментомъ. На л. 5 въ небольшая черная концовка (завитокъ съ листочками). Заглавія статей и начальные буквы писаны киноварью, а на л. 4—4 въ цѣлыхъ десять строкъ писаны сплошь киноварью. Вообще вся рукопись отличается особою щательностью и изяществомъ работы. Записей и приписокъ нѣть.]

Рукопись содержитъ въ себѣ молитву „отъ всякихъ болѣзни“ и заклинанія противъ трясавицъ. Впереди рукописи приклесна хорошо нарисованная отъ руки многоцвѣтная картина (ш. 17,5 снт., дл. 22 снт.), служащая иллюстраціей къ тексту заклинаній. Девять трясавицъ спускаются съ горы, покрытой мелкимъ кустарникомъ. Надъ пятью изъ нихъ¹⁾ надписи: „Трасови. Меди. Ярустошо. Коркуша. Коржодія“. Первая изъ нихъ, Трасовица,

¹⁾ Начиная съ идущей впереди. Остальные трясавицы помѣщены на темномъ фонѣ горы, и поэтому надписи сдѣлать было невозможно.

держитъ въ рукахъ маленькаго краснаго человѣчка, окруженнаго языками пламени. Ниже, подъ тѣнью густого дерева, еще двѣ трясавицы, изъ которыхъ одна сидить (Чемія), а другая изогнулась; около нея надпись: „Невія“. Изображенія одной трясавицы, повидимому—одинадцатой, Нелюдіи—нѣтъ. На противоположной горѣ съ длиннымъ посохомъ въ рукахъ сидить преподобный Сисиній, простирая лѣвую руку къ трясавицамъ. Вверху, на облакахъ, четыре евангелиста (надпись—„Іеван—гѣлѣсты“) съ пучками прутьевъ въ рукахъ и летящій отъ нихъ внизъ ангель также съ пучкомъ прутьевъ¹).

Переплетъ рукописи простой бѣлы, съ зелеными наугольниками; корешокъ коленкоровый.

Приобрѣтена рукопись въ 1907 г., лѣтомъ, въ Костромѣ, на толкучкѣ.

Ореографія исправлена, фонетические особенности сохранены].

№ 1. Молитва Господу нашему Іисусу Христу.

Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.
Сія молитва взята бысть во Іерусалимѣ, у гроба Господня,
отъ всякия болѣзни.

Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помози мнѣ во всѣхъ
притчахъ и скорбяхъ, рабу Божію (имя рекъ), и съ домочадцами
его. Аминь, аминь, аминь. (№ 135)².

№ 2. [Заговоръ отъ лихорадки].

Святому Отцу и Сыну сѣдащимъ³) на горѣ Синайстей,
идущимъ дванадцатю дѣвицамъ; онъ же рече имъ: „оказанныя
діавольницы, что есть вы, и къ кому грядете?“ И отвѣща
едина изъ нихъ: „мы есть трясовицы, дщери царя Ирода;
идемъ мучить весь родъ человѣческій“. И услыша святый отецъ
Сисиній, помолился Господу, глаголя: „Господи, Іисусе Христе,
Боже, избави родъ человѣческій отъ таковыхъ оказанныхъ діа-
вольницъ“. Господь послалъ святаго архистратига Михаила и че-
тырехъ евангелистовъ: Марка, Луку, Матфея и Іоанна Бого-

¹) Картина эта воспроизведена въ краскахъ въ „Исторіи русской литературы“ подъ редакціи Е. В. Аничкова, т. I, вып. 1.

²) № поставленный послѣ текста обозначаетъ счетъ заговоровъ съ начала I выпуска.

³) Нужно читать: „Святому отцу Сисинію сѣдащему“, и т. д.

слова. Они же ихъ поимаша и начаша мучить тремя дубцами желѣзными, и даша имъ множество ранъ. Они, оканнны, начаша молитися имъ. Святый Сисиній, архистратигъ Михаилъ и четыре евангелиста: Марко, Лука, Матфей, Иоанъ Богословъ глаголаша къ нимъ: „что есть имена ваша?“ И рече первая: „мнѣ есть имя Трясовица. Яко пещь распальяетъ дровами, тако я распалаю у человѣка всѣ члены и кости“.

Вторая рече: „мнѣ есть имя Медія¹), зноблю бо у человѣка всѣ члены, и тотъ человѣкъ не можетъ согрѣтися въ пещи“.

Третія рече: „мнѣ есть имя Ярустбшо, ложуся у человѣка во главѣ и закладываю уши, и тотъ человѣкъ бываетъ глухъ“.

Четвертая рече: „мнѣ есть имя Кобркуша, ложуся у человѣка подъ ребрами, и тому человѣку тажео дыхати“.

Пятая рече: „мнѣ есть имя Коркбдія, ложуся у человѣка подъ воздухами, и, аще что вкусить изъ пищи, то зъ души скинетъ“.

Шестая рече: „мнѣ есть имя Желтбдія. Яко въ полѣ цвѣть цвѣтеть и желтѣеть, тако и у того человѣка тѣло таетъ и увадаеть“.

Седьмая рече: „мнѣ есть имя Лбмія²), ломитъ бо у того человѣка всѣ кости“.

Осьмая рече: „мнѣ есть имя Секудія—то есть всѣхъ проклятѣйшай: сѣку жилы въ одио мѣсто“.

Девятая рече: „мнѣ есть имя Пухлія—пускаю въ народъ опухоль“.

Десятая рече: „мнѣ есть имя Чемія—я ножны жилы свою“.

Перваянадесять рече: „мнѣ есть имя Нелюдія—ночью сна не даю, но къ себѣ никого не допушаю, и съ ума человѣка свою“.

Втораянадесять рече: „мнѣ есть имя Невія—всѧ проклята и старѣйшая трясовица... Не можетъ человѣкъ отъ меня излѣчиться и лишится жизни“. (№ 136).

№ 3. [Заклинаніе трясовицъ].

Аще кто сю молитву хощеть читать на здравie тѣла отъ дьявольницъ сихъ и проклятыхъ трясовицъ, сице да творить и читаетъ надъ головою болящаго. И ты, снемъ крестъ съ себя, и положи въ пріготовленную воду въ сосудѣ и глаголи сице³):

¹) Вѣроятно—Ледея—отъ слова ледъ.

²) Вѣроятно—Ломея.

³) Все это наставлѣніе написано киноварью.

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь, аминь, аминь.

Окаянная Трасовицы, замлиаю васъ Господемъ нашимъ, Иисусомъ Христомъ, и пречистою владычицею нашею Богородицею, и всѣми святыми, святымъ архангеломъ Михаиломъ и преподобнымъ Сисиниемъ, и четыремъ евангелистомъ: Маркомъ, Лукою, Матфіемъ и Іоанномъ Богословомъ.

Окаянная ты еси, Трасовица!
Окаянная ты еси, Мѣдія!
Окаянная ты еси, Ярустош!
Окаянная ты еси, Коркуша!
Окаянная ты еси, Коркодія!
Окаянная ты еси, Желтодія!
Окаянная ты еси, Люмія!
Окаянная ты еси, Секудія!
Окаянная ты еси, Пухлія!
Окаянная ты еси, Чемія!
Окаянная ты еси, Нелюдія!
Окаянная ты еси, Невія!

Побѣжите отъ раба Божія (имя рекъ). Аще не бѣжите, то пришли на васъ святаго архистратига Михаила и преподобнаго отца Сисинія, и четырехъ евангелистовъ: Марка, Луку, Матфія, Іоанна Богослова. И дадуть вамъ по тысячу ранъ. Отидите, окаянныя, отъ раба Божіяго, (имя рекъ). Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Дай воду пить болащему и рѣ: піеть рабъ Божій, имя рекъ, на здравіе тѣлесное купѣ же и душевное. Аминь, аминь, аминь. (№ 137).

XXI.

[Обыкновенная ученическая тетрадь изъ 16 листовъ, въ синей обложкѣ, въ четверку; оборотъ каждого листа чистый. Изъ архива Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. На тетради помѣтка: „Записано въ реестръ на стр. 42. I. 1908 г.“ Заговоры записаны управляющимъ Жоховскимъ имѣниемъ, Димитриемъ Дементьевымъ, со словъ слѣпой дѣвицы-старицы, крестьянки Пышугской волости, деревни Ираклихи, Костромской губерніи, Ветлужскаго уѣзда (см. запись на л. 16). Запись сдѣлана, вѣроятно, въ томъ же 1908 году, или около того времени].

№ 4. Заговоръ охотниковъ для ловли звѣрей въ капканы.

Господи благослови! Спать ложася и перекрестясь, умоюся свѣжкою водою, ледяною утреннею росою, утруся щитою, браною святою пеленою, помолюся образу Спасу, Кузьмѣ-Демьяну, Пресвятой Богородицѣ, Гаврилу Осподию, всей небесной силѣ. И благословите меня, раба Божія (имя рекъ), вся небесная сила идти въ чистое поле, въ восточную сторону, на море на окіанъ. На морѣ на окіанъ, на востромъ¹⁾ на Буянъ, стоять храмъ Божій, святая церковь золочёная, озолочёная, священнаѧ, моленнаѧ, апостольская. Въ той же церкви стоять златы пристольы, на златы пристолы сидѣть двѣ матушки Божіи Богородицы: Тифиньская и Владимирьская. Благословите меня, раба Божіева, Тифиньскую и Владимирьскую поклонитца и помолитца, идти въ чистое поле, въ восточную сторону, въ Богову пазушку, въ Христову зелену дубровушку, покидать и пометать своихъ поставушекъ, своихъ половушекъ, своихъ золотыхъ капканчиковъ, позолоченныхъ пружинокъ и тайныхъ силъ — на вольныхъ звѣрей, на бѣлыхъ зайцоў, заячихъ семей, на красныхъ, сѣрыхъ и бурнастыхъ лисичъ, рысей, росомагъ и сѣрыхъ волковъ. И бѣгите же вы въ мои поставушки, въ мои половушки старыми тропками, новыми слѣдочками, и бейте же вы задними пожками и передними пожками, лежитесь туловами, буйными головами, не выскребайтесь, не выѣдайтесь и не выкатывайтесь. И бѣгите же вы въ мои поставушки, въ мои половушки по всякую пору, по всякое время, днемъ при соньцѣ, ночью при мисецѣ, при частыхъ звѣздахъ, при темныхъ облокахъ, по вечеру позно и по утру рано, на утренней зарѣ и на солносходѣ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (№ 138).

Пастушъи молитвы.

№ 5.

Сбираися, мое милое стадо, ко всякой ночѣ въ своему дому, какъ збирается міръ православный ко звону колокольному, ко духовному, и пѣню церковному. Какъ муравей²⁾ дити чарю своему муравью служать и слушаютъ; и какъ медовые мѣды

¹⁾ Выѣсто—островъ...

²⁾ Слѣдуетъ читать—муравьевы

слетаются къ гнѣздамъ своимъ и не забываютъ дитей своихъ, и не покидаютъ; и какъ стекаются быстрыя рѣчки и малыя, и большія въ славный окіянъ море, и такъ бы мое стадо стекайтесь на голось со всѣхъ четырехъ сторонъ, другъ отъ друга не отставайте; изъ-за озеръ, отъ мховъ змѣучихъ, отъ черныхъ болотъ, изъ-за рѣкъ, изъ-за ручьевъ, изъ-за лѣсовъ и нолей, ко своему дому спѣшите начевать вѣкъ по вѣку. Аминь. (№: 139).

№ 6.

Постави, Осподи, вокругъ моего стада тынъ золѣзной, а другой булатный, а третій миданой и стѣну каменную во глубину земную—сколь небесная высота, а вышиною до небесъ. Вокругъ стѣны завали, Осподи, землею матерней во глубину неизмѣримую; и проведи, Осподи, рѣку огненную со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ востока до западу и отъ сѣвера и до юга; и повели, Осподи, тыны и стѣну каменную запереть и заложить святому апостолу Петру своими златыми ключами и снести ихъ самому Осподу Іисусу Христу, Сыну Божьему, на пристоль, подъ святую ризу его нетленную. И какъ тѣхъ ризъ видѣть никто не можетъ, и такъ бы никто не могъ бы вредить моему стаду: коровамъ, овцамъ, егнятамъ, баранамъ, быкамъ, лошадямъ—разношерстные дикие звѣри: медведи, медведицы, волки и волчицы, росомахи, змѣи—не вредили и не прикасались отнынѣ и до вѣку. Аминь. (№: 140).

№ 7.

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Встану я, рабъ Божій, благословясь и перекрестясь; выйду я, рабъ Божій, изъ избы дверьми, изъ дверей въ ворота. И матернимъ благословеніемъ выйду на бѣлую улицу и встану на мать сырь землю, на восточную сторону; и помолюсь я, рабъ божій, Осподу Богу Саваоѳу, Спасу нашему, Іисусу Христу, Сыну Божію, и Пресвятой Дѣвѣ Марії, царицѣ Небесной, и Архангелу Архистратигу Божію, и Ioannу Предтечѣ, крестителю Христову, и апостоламъ Петру и Павлу, Николаю Чудотворцу и всѣмъ небеснымъ силамъ. Съ умиленіемъ молюсь: помогите и оградите Крестомъ животворящимъ меня, раба божія, любимое мое стадо коровье и овчье отъ сегодня и до вѣку. Аминь. Архангельскимъ и ангельскимъ путемъ сопроводите меня, раба Божіаго, съ моимъ малымъ скотомъ, коровьимъ, овчьимъ и коневьимъ

стадомъ, части и сохранить отъ сегодня и во все теплое лѣто, и до бѣлаго снѣга—путемъ и дорогою, мхомъ и болотомъ, въ поскотинѣ и въ осѣку, и въ волоку. Ёште зеленую траву и не болотную воду пейте, а пейте ключевую воду во все теплое лѣто и до бѣлаго снѣгу. Закройте и защитите, и заградите, и закрѣпите святымиющими божественными ризами въ моей поскотинѣ и въ осѣку, и за осѣкомъ, и по ухожимъ мѣстамъ моимъ, и по зеленымъ мѣстамъ, и на всякомъ мѣстѣ—милой мой скотѣ: лошадей, коровъ, овецъ, егнать, барановъ, быковъ, клаценцовъ и неклаценныхъ, телокъ и подтелковъ, козыльыхъ и рогатыхъ, домокормленныхъ и новоприбавленныхъ, красныхъ, бурыхъ, бѣлыхъ, черныхъ, пестрыхъ, чалыхъ, сивыхъ, сѣрыхъ, саврасыхъ, и разношерстную скотину—сохрани, Осподи, отъ звѣрей черныхъ, бурыхъ, сѣрыхъ, отъ широлоба медвѣда и медвѣдицы, отъ пакостника и злодія проходни-росомаги, отъ пакостного прохожаго, рыскучаго волка и волчицы, отъ змія-скорпиона, отъ черныхъ змій подколодныхъ, отъ пестрый подкаменныхъ, отъ разнопятыхъ змій, подцивѣточныхъ, отъ ползучаго гада, отъ ночного, отъ уроку, отъ призору, отъ притчи, отъ падежу, отъ всякаго лихого человѣка, отъ пытовщика, отъ порченника, отъ пострѣлка, отъ всякаго дьявольского, нечистаго духа, отъ стрѣчнаго и настигающаго, и со стороны мимондушаго; отъ мужа, отъ бабы пустоволоски, отъ парня, отъ дѣвки отъ косматки, отъ одножона, отъ двоежона, отъ троежона, отъ красноволосыхъ, отъ однозуба, двоезуба, троезуба, отъ одноглаза, двоеглаза и отъ всякаго разнаго чина людей. Заговори-ваю свое стадо—коровье, овечье и коневые: сколь твердо, крѣпко основаніе земное, никто не можетъ сдвинуть съ мѣста, и сколь крѣпокъ гробъ Осподень на воздухѣ во святомъ градѣ Іерусалимѣ, и сколь твердь и жбстокъ камень синій въ окінѣ морѣ, не крошится и не колется—столь крѣпокъ мой заговоръ на словахъ моихъ вѣръ по вѣку. Аминь. (№ 141).

№ 8. Молитва отъ всѣхъ болѣзней.

Во избавленіе отъ болѣзней рабу Божію (имя рекъ) крестъ хранитель, крестъ красота церковная, крестъ держава царянь, крестъ скипетръ князей, крестъ рабъ Божіей (имя рекъ) огражденіе, крестъ прогонитель отъ рабы Божіей (имя рекъ) всякаго врага и супостата. Святые святители Иванъ Предтеча и Богословъ, другъ Христовъ, Тифинская, Казанская и Смоленская Божія Матерь, во святомъ крещеній Пятница Парасковья,

молите Бога о избавлениі отъ болѣзней рабу Божію (имя рекъ). О, Здвиженіе честнаго и животворящаго креста Господня, святый Побѣдоносецъ Егорій Храбрый, великомученикъ, возьми ти свое копье, которое держащее на змія лѣстиваго; архангель Михаилъ, возьми ти свое пламенное копье и отразите у рабы божіей (имя рекъ) тишинку и родимца сновидящіе, ревущіе и отрыгающіе вѣтры и пострѣлы, денные и ночные переполохи, и всякия скорби и болѣзни изъ семидесяти суставовъ, изъ семидесяти жиль и отъ всей внутренности тѣла, двѣнадцати родимъ-родимцамъ и двѣнадцати женамъ простоволосымъ. Святые архангели и ангелы, херувимы и серафимы, небесныхъ силъ воевода Михайло Архангель, Воснесение Осподне, святый пророче Божій Илья, Великая святая Софія надъ вратами Царя-града, Анастасія и Варвара великомученица, святая жены мироносицы, праведный Иванъ юродивый, Богородица во Іерусалимѣ, градѣ Іудейскомъ, въ который пришель Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, преподобные отцы Изосимъ и Савватій, Соловецкіе чудотворцы, молите Бога о избавлениі отъ болѣзни рабу Божію (имя рекъ). Какъ же не доста-нетъ дерева отъ земли до небеси вершиной и какъ у истин-наго Христа Бога нашего не бывать ни тишинки, ни родимцовъ, ни какихъ скорбей и болѣзней отъ видимыхъ и невидимыхъ, супротивныя силы и врага отлученного, отъ храмонизгнанного лукаваго духа возобновляться у раба Божія (имя рекъ) отъ вся-кия скверныя и отъ вѣтровъ булавыхъ, и отъ воды пришедшихъ, всякихъ скорбей и болѣзней и святымъ крестомъ ограждусь. На престолѣ сидѣть самъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, и святый Михаилъ и Гавріилъ архангели, Тихонъ преподобный, Макарій Унженскій ¹⁾, Димитрій Ростовскій—на прогоненіе изъ головы, реберь и всей внутренности, и тѣла—водяныхъ, большихъ болот-ныхъ скорбей-недуговъ: ключевая, струевая и вѣтрена отъ вѣтровъ. И молюся: отнесите отъ рабы божіей (имя рекъ) ти-шину и родимца, ревущіе и отрыгущіе, головного и повѣтрен-наго пострѣла, денные и ночные переполохи, камчуги ²⁾, черевухи ³⁾, вереда ⁴⁾, своробу ⁵⁾, гоголи ⁶⁾ и всякия скорби и болѣзни двѣнадцати родомъ-родимцемъ и двѣнадцати женамъ просто-

¹⁾ Мѣстный святой.

²⁾ Каменная болѣзнь

³⁾ Поносъ.

⁴⁾ Чирьи.

⁵⁾ Чесотка.

⁶⁾ Сифилисъ.

волосы мъ, сими стоять гора Фаворъ, на горѣ лежать скирды церковныя самыя Пресвятая Богородица, владычицы. Владимирской, Казанской, Спасской, Федоровскія¹⁾ и Обновленія въ новѣ градѣ Іерусалимѣ, на лобномъ мѣстѣ, и возвѣбновляются, я, раба Божія (имя рекъ), тишину и родимца, стрегучіе, ревучіе, сновидные, повѣтренные, водяные, денные и ночные переполохи и всякия скорби и болѣзни отъ супротивнія силы при рожденіи мѣсяца, при полномъ и при ветхомъ мѣсяцахъ, и во всякое время дня и ночи прогоню. Еще же я, раба Божія (имя рекъ), крестомъ крещусь, крестомъ огражжусь, крестомъ Бога на помощь призову, крестомъ дьявола прогоню, крестомъ всякия скорби, болѣзни очищаю. Осподи, помилуй мя, рабу Божью (имя рекъ). Аминь. (№ 142).

XXII.

[Фрагментъ рукописи, на 16 листахъ in folio (ш. 21 снт., дл. 34 снт.). Филигрань—искаженный гербъ города Амстердама, очень схожий съ № 3547 атласа Н. П. Лихачева (1689 г.). Письмо—полууставъ, съ надстрочными знаками; изъ знаковъ препинанія изрѣдка употребляется точка и запятая; писано по двумъ линейкамъ, проведеннымъ острымъ орудіемъ. Въ заглавіяхъ выцѣпѣвшая киноварь.

Рукопись представляетъ собою незначительный по объему отрывокъ большого сборника конца XVII вѣка, списанного съ другого, болѣе древнаго, текста. Нѣкоторыя слова не разобраны и для дополненія оставлены пустыя мѣста. Часть ихъ заполнена, очевидно, впослѣдствіи скорописью, другимъ почеркомъ и другими чернилами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробѣлы такъ и остались не заполненными.

Весь отрывокъ вообще сохранился очень плохо: края и, особенно, углы обтрепаны и оборваны, подмочены и промаслены; бумага сыплется. Л. 1-й оборванъ по правому краю, сверху до половины. Между 1 и 2 лл. нѣсколько листовъ утрачены. На л. 2 б.—приписка плохимъ полууставомъ: „во имя отца и сына и святаго духа ныне и присно и во веки вѣкофъ аминь“. Лл. 2 и 3—чистые, были приготовлены для письма, такъ какъ разлинованы какимъ-то острымъ орудіемъ по двумъ линейкамъ. На л. 3 б. молитва „Кресть хранитель“... писанная скоропис-

¹⁾ Чудотворная икона въ г. Костромѣ.

нымъ полууставомъ. На лл. 4—7 в.— „Молитва Великаго Василия“... Передъ ней небольшая черная заставка (ш. 14 снт., выс. 2,5 снт.) геометрическаго характера, тщательно выполненная. Лл. 7 в.—8— „Да воскреснетъ Богъ“... Лл. 8—16 в „Молитва Святаго Священномученика Киприана“... окончаніе—воронкой. Рукопись куплена въ Костромѣ на толвучкѣ, въ 1907 г. Правописаніе исправлено, фонетическія особенности сохранены].

№ 9. [Отрывокъ молитвы къ Пресвятой Богородицѣ].

[Начало рукописи, а вмѣстѣ съ ней и молитвы, оторвано, а также оборванъ и правый верхній край].

...надежда всѣмъ концемъ... пречистая Дѣво, Госпоже, Богородице, м... не гнушайся мене, сквернаго... си твоєи милости угаси ми [помыслъ грѣ] ¹⁾ ховный и ороси покаяніемъ и... сердце и очисти умъ мой отъ грѣх[овныхъ] помыслъ, пріими съ возыханіемъ... и отъ сердца мольбу ти приносаша; буди мнѣ ходатайца къ сыну своему и Богу и укроти ²⁾ матерними си молитвами душевныя ми и тѣлесныя язвы; изцѣли, Госпоже, Владычице ³⁾, облегчи болѣзнь, утиши бурю злыхъ нападеній, отыми бремя грѣховъ моихъ и не остави мене... погибнуть, ты бо еси во... [человѣч]скому роду, въ печали моей [по]мощница, мати истинна... нашего. Помози мнѣ, грѣшному [рабу св]оему (имя рекъ), всегда, нынѣ и присне, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (143).

№ 10. [Отрывокъ молитвы къ Пресвятой Богородицѣ].

Пресвятая Госпоже, Дѣво, Богородице, Владычице, мати-Богородительнице Творца моего, услыши мя, грѣшнаго, и помилуй мя, раба своего (имя рекъ); умилосердися, Госпоже, тебе бо имѣю помощницу, пресвятая... (144).

[На этомъ словѣ молитва прерывается. Далѣе нѣсколько листовъ вырвано и идутъ чистые, приготовленные для письма, т. е. разлинованные листы].

¹⁾ Въ квадратныхъ скобкахъ помѣщено чтеніе по догадкѣ.

²⁾ Въ подлинникѣ здѣсь оставлено мѣсто для неразобранныаго переписчикомъ слова.

³⁾ Въ подлинникѣ—„вице“.

№ 11. [Молитва Честному Кресту].

Крестъ хранитель, всей вселеній слава. Крестъ Господень—церковная красота. Крестъ Господень—бѣсомъ язва; на прогоненіе всякому алу сѣтеловищихъ. Молитва чтется надъ какою главою—да разрѣшится отъ сия молитви связаніе и обдергаше, и занависть, и ревность, и зло стрѣтеніе, и юественнаго отравленія, и клятвы убо стоять. Хто сю молитву говорить въ дому своемъ, да будетъ соблюденъ отъ всякаго изнуренія, отъ потравы и отъ отравъ лукавыхъ человѣкъ; и отступать злые бѣсове отъ раба Божія (имя рекъ). И, Господи Боже, ему же область дана на небеси и на земли ради имени твоего великаго, неискажанного, и ради единородного ти Сына, Господа нашего, Иисуса Христа, съ нимже благословенъ еси во вѣки вѣкомъ. Аминь. (145).

№ 12. Молитва Великаго Василія¹⁾.

Заклинаю тя, злоначальниче хульный, начальниче отверженій, самодѣтельниче лукавый! Заклинаю тя, отверженаго отъ вышиня²⁾ свѣтлости и во тьму³⁾ глубины низведенаго за гордость! Заклинаю тя и всехъ спадшую ти силу въ слѣдъ твоей воли! Заклинаю тя, душе нечистый, Господемъ Богомъ Саваофомъ и всѣми воинствы ангельскими Божіими: изыди, отъиди отъ со-здания сего! Заклинаю тя Богомъ-Словомъ, Единороднымъ Сыномъ Его, рожденнымъ отъ Него прежде вѣкъ; неизлаголаннымъ и Святымъ Духомъ, исходящимъ отъ Него, иже сотворившимъ видимую тварь и создавшимъ человѣка по образу рукою своею и по подобію, и словесемъ животнымъ, исполнившимъ и вселенную писаніемъ, первые роды всяко научившимъ и писаніемъ на путь истинный волею наставльшимъ, и ангеломъ при-ставленіемъ сохранившимъ, и потоплившимъ водою свыше, и под-небесныя бездыны наводнившимъ, и исполни⁴⁾ нечестивавшая погубившимъ, и столповъ скверныхъ страсшимъ, и землю Со-домскую и Гоморскую огнемъ Божіимъ исполнившимъ, его же свидѣтель—дымъ, не угасая, курится, и раздѣлившимъ море жеэломъ, и люди своя немокрыми стопами проведшимъ, и му-

¹⁾ Киноварь; оба „В“—черные.

²⁾ Въ подлинникѣ написано—„вышия“.

³⁾ Слова—„и во тьму“ вписаны постѣ.

⁴⁾ Вѣроятно—„исполнин“.

чителя Фараона и воя Богоборца въ вѣки волнами погруждшимъ, и языки иночесменики потребльшимъ, и законы нечестія разрушившими брами, и воплотившимся отъ Маріи дѣви, напослѣдокъ неизрѣченno ти¹⁾) печати чистоты сохранившимъ и изволившимъ крещенiemъ омыти ветхую скверну, написть же если преступленiemъ осквернилися, и погруженiemъ нась отъ грѣхъ омывшимъ. Заклинаю тя Богомъ, крещшимся во Йорданѣ и образъ намъ чистоты подавшимъ, въ водѣ погруженнымъ, ему же ангели и вся силы небесныя удивиши, волюющаеа²⁾ Бога видище, смирившася и Божественное свое существо скрывши, отъ нижняго же безначальныи Отецъ собезначальное Рождество открыи и Святаго Духа спасствиемъ Тройчное естество свидѣтельства. Заклинаю тя Богомъ, запретившимъ вѣтромъ и волненіе морское укротившимъ, и прогнавшимъ бѣсовъ множество, и зѣницы очю изъ чрева ослѣпленыи и бренемъ слѣпому зѣти сотворившимъ, и первый рода нашего созданія образъ намъ обновившимъ. Заклинаю тя Богомъ, давшимъ хромымъ ходити и теченіе крови безъ числа затворившимъ, и отрасшимъ проказы отъ струпнѣмъ³⁾, и мертвый изъ гроба источити сотворившимъ, бесѣдовавшимъ намъ страстами до гроба, и ада испровергшимъ воскресенiemъ, и все человѣчество не обыто смертию устроившимъ. Заклинаю тя Богомъ, всѣхъ и вся исполнившимъ, и Богомъ бессмертнымъ, вездѣ сущимъ, отъ Того бо трепещутъ⁴⁾, Того убоятся, егоже вся ужасаются и трепещутъ, и боятся, и отступаютъ. Заклинаю тя Богомъ вседержителемъ, божественный свой Духъ вдохнувшимъ въ пророки и апостолы, послѣществовати, и всю вселенную благочестія наполнившимъ: убояся, бѣжи, отъди весь, о, бѣсь нечистый, алый, сильный, преисподніи глубина и лживый блазномъ, льстивый, необразный и многообразный, видимый безстудія ради, невидимый лицемѣрія ради; идѣже аще еси и отонюду же аще идеши, или самъ еси, Вельзауле, князь бѣсомъ, или невидимъ, или гордъ, или животнымъ привидѣнiemъ являяся, или змievнымъ образомъ, или зѣриннымъ лицемъ, или яко куреньемъ дыма нѣкоего являяся или яко огнь измѣняяся, или привидѣнiemъ являяся мужескимъ поломъ и женскимъ, или гадомъ, или птицею, или кощю глаголя, или слухъ страха, или претекій, или творася

¹⁾ Слово „ти“ вставлено впослѣдствіи въ оставленный пробѣгъ.

²⁾ Въ подлинникѣ написано—„воплощаеа“.

³⁾ Вѣроятно—„отъ струпнѣхъ“.

⁴⁾ Въ подлинникѣ написано—„трепещутъ“.

въ свѣтѣ, или во снѣ, или въ спанії тяжцѣ, или въ язвѣ, или въ болѣзни, или въ слезахъ похотныхъ, или на смѣхѣ пущая, или пустошень, или похотенъ, или идолескъ, или чары люба, или на похоти неистовъ, или звѣдочтецъ, или чаромъ обрѣтать, или ніянствомъ обрѣ¹⁾ и кровемъ, и матежемъ творецъ, безстуденъ, ревнивъ, нестроенъ, съ луною ся перемѣня, или со временемъ нѣкимъ превращася, или наутрія, или на полудне, или въ полуночи, или въ безгодія нѣкая, или заутра, или прилученіемъ ся еси утолклъ, аще еси посланъ къ нимъ, или приближился еси внезапу, или изъ моря, или изъ рѣкъ, или изъ брегъ, или изъ кладязя, или изъ рова, или изъ озера, или изъ тростія, или изъ-подъ земли нечистыя, или изъ лѣса лужнаго, или изъ древа, или изъ птицы, или изъ грома, или изъ града, или изъ молнія, или изъ основанія храмини, или изъ покрова баниаго, или изъ купели водиыя, или изъ гроба идольскаго, или отнюдуже вѣмъ и не вѣмъ, отъ знаемыхъ и не знаемыхъ, и отъ не постыдимаго мѣста—отлучися и измѣнися, устыдися образа, образованнаго рукою Божією, убоясѧ воплощеннаго Бога, уподобися и не укрыйся врагъ²⁾ Божіихъ (имя рекъ), ибо жезла гнѣва Божія и пещь огненная, и преисподняя, и скрежетъ зубный, прещеніе ослушанія ждетъ тебе; убоясѧ, бѣжи отъ мене и не возвратися ни единъ, ни со иными злыми духи нечистыми, но отъиди на непроходную землю и на безводную, и не дѣланную, на вейже человѣкъ не живеть, Богъ же единъ призираетъ, связая и вся прельщающія его образъ, и совѣщающія, и узами во тьмѣ преисподней связавъ тя, всему злу діявала, и долгую нощь и день посади тя и заключи, яко велій страхъ Господень и велія слава Его, и вся работна Ему, Отцу и Сыну, и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (№ 146).

[Далѣе помѣщена молитва „Да воскреснетъ“... въ раскольнической редакції, т. е.].

Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его... отъ лица огню... знаменующихся крестнымъ знаменіемъ, возвеселимся, рекуще: радуйся, Кресте... со пресвятой Госпожею Богородицею и со всѣми святыми небесными силами всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (146а).

¹⁾ Какое-то не дописанное слово въ концѣ строки.

²⁾ Повидимому, нужно читать—„въ рабѣ Божіихъ“.

№ 13. Молитва Святаго Священно Мученика Кипріяна ¹⁾

Да воскреснетъ Богъ и разыдется врази его, и да бѣжать отъ лица Его ненавидащіи Его; яко исчезаетъ дымъ, да исчезнуть бѣси отъ лица Божія, а праведницы возвеселятся о силѣ Божії ²⁾, въ Тройцы славимаго.

Начинаемъ глаголати молитву святаго священномученика Кипріяна въ день и въ часъ, въ онъже упражняется сила его, сопротивнаго, ради славы Божія. Сей святый священномученикъ Кипріянъ, молящійся Богови всею душою, глаголя: Господи, Боже, сильный, содержай вся, свять сый и прославленъ, царь царствующимъ и Господь господствующимъ, слава Ти во свѣтѣ безчисленномъ — егоже ужасаются всяческая, егоже никто же видѣ и не видѣти можетъ, иже тысяча тысящъ и тьмами темъ ангель и архангель предстоять предъ Тобою, Господи, и Ты вѣси, Тебѣ работаютъ, елико же тайная раба твоего, яко не познавшимъ Тебе первіе сія держахъ: облаки, яже не одождити; древеса садовная, еже не творити ³⁾ плода; непраздныя жены — не ражати, и иныхъ жъ не зачати; на огражденіе винограда токмо взирахъ и творяхъ — розги, еже не цвѣсти, такожде и злачъ вертографдный, не прозлобати; и рыбы морскія не плавати, и птицамъ лѣснымъ возбрахъ летати ⁴⁾...

...Господь ⁵⁾ нашъ, Иисусъ Христосъ, услыша мя въ часъ сей, недостойнаго раба твоего. Идѣже аще почтется сія молитва, да разрушится, яко воскъ таетъ отъ огня, всяко лукаво ухищреніе отъ всякого вида человѣческаго и животнаго безсловеснаго, четвероножнаго, или винограднаго, или вертографднаго; и отъ всякаго имѣнія малыхъ и великихъ, яко во имя святаго и единосущнаго Троицы суть просвѣщени и развѣ Тебе — Бога не знаетъ. И якоже отъ камени Моисеевыми сыновомъ Израилевыми источаль еси воды, тако, Господи, Боже силамъ, положиль руку свою державную, святую свою, полну сущу благословенія надо мною, гла-

¹⁾ Киновары; всѣ заглавныя буквы черныя.

²⁾ На полѣ выноска — „живаго Бога“...

³⁾ Въ подлиннику написано — „не ворити“.

⁴⁾ Въ подлиннику послѣ сего написано: „Господа нашего, Иисуса Христа, услыша“ — и обчеркнуто кругомъ, какъ неправильно написанное.

⁵⁾ Издаваемый здѣсь списокъ „Молитвы святаго священномученика Киприана“ нѣсколько спутанъ. Такъ, весь этотъ абзацъ (начиная съ „Господь“... и кончая словомъ „бывшихъ“... нужно помѣстить послѣ слѣдующаго абзаца, передъ абзацемъ, начинающимся со слова... „исцѣленія“... Причёмъ нужно замѣтить, что въ данномъ мѣстѣ допущенъ еще небольшой пропускъ.

голющаго сию молитву. И якоже насадилъ еси, Боже, рай во
¹), и отъ того исходить четыре рѣки: Фиссонъ и
Илтигрѣй, Ендрантъ ²), и обходять всего міра въ тиности, и
Адамъ, райскій человѣкъ, не можетъ ихъ удержати. Якоже
умножиль еси лѣта Іезекії царю, да умножатся лѣта, имущаго
сію молитву службою ангель, пѣніемъ серафимскимъ, Благо-
вѣщенiemъ пресвятаго Богородицы и отъ архангела Гаврила,
плотицкаго отъ Духа Святаго славнаго рождества, заполенія мла-
денецъ, святаго крещенія воспріемъ во Иотранстѣй рѣцѣ, посты
и искушеніе, еже подъять отъ діавола; ужаснаго суда, ужас-
нѣйшихъ твоихъ чудесъ, въ мірѣ бывшихъ...

...и просто всякое чародѣйство творити, и вси лукавіи бѣси мнѣ
работаху. И се убо, Господи, Боже, сильный и великий, благоволи-
вый отъ недостойнаго достойниу ми быти и спричаститимся священ-
ному твоему стаду, и преставленнымъ ³) величествомъ, милостив-
нымъ о мнѣ, и не восхотѣ погубити беззаконіемъ, знаема мя сотвори
твоей правой и непорочнай вѣрѣ; не гнушай ⁴) мене грѣшного
и недостойнаго раба твоего. Припадаю къ Тебѣ ⁵), прося твоей
отъ Тебѣ милости о всѣхъ христіанехъ твоего, Христа, стада
словесныхъ овецъ; и прошу пресвятое твое имя во славныхъ
христіанехъ, ихже имѣютъ чародѣяніе...

...исцѣленія дарованія, прокаженные очищаю, мертвны оживляя
ихъ; во Іеросалимъ входъ и въ церкви младенцомъ, воспѣваю-
щимъ: осанна, сыну Давидовъ, святый страстный ⁶) распятіе
и еже изъ мертвыхъ воскресеніе, и еже на небеса вознесеніе,
тмочисленныхъ словесъ восходнаго твоего пѣснословія, ежеодесную
съданія, втораго и страшнаго пришествія, и власть, ея же даль
еси своимъ ученикомъ и апостоламъ, и рекъ: чмже держите грѣхи—
держатся, а имже отпустите—отпустятся; и, аще елико раз-
рѣшите на земли, суть разрѣшени... ⁷) И сихъ ради именъ и
ради силы твоей великия, честнаго и животворящаго Креста
твоего, заклинаю и проклинаю вся духи лукавыя и отъ злыхъ
человѣкъ—отъ раба Божія (имя рекъ) и отъ дому его: создан-
нымъ Адамовымъ, жертвою Авелеовою, искушеніемъ Іевлімъ,

¹) Здѣсь было оставлено мѣсто для не разобранныго при списываніи
слова—„Едемъ“.

²) Нужно было написать: „Геонъ, Фисонъ, Тигръ и Евфратъ“.

³) Слово—„преставленнымъ“ вписано посѣг скорописью.

⁴) Нужно—„не гнушайся“.

⁵) Слова „къ тебѣ“ въ подлинникѣ пропущены и записанына полѣ.

⁶) Нужно: „святую страсть“.

⁷) Рядомъ съ этимъ словомъ на потѣ написано: „разрѣшено будетъ и,
на небеси тако жъ...“

пренесеніе Енохово, вѣра Авраамлею и пророчество пророкъ святынею патріархъ и святитель, и священномуученикъ кровю и апостольскихъ преставленія мученическая и вѣнчанія ихъ, заколенія святыхъ апостолъ¹⁾ Павла, дѣвства Иоанна Богослова, благовolenія Сиѳова, жезла Моисеова, священничества Аронова, дѣвства²⁾ святость Самойлову, Корнильеву ревность, моленія Елисеево³⁾, пророчество Іоны, видѣнія Данилова, жертву Исакову, послѣднее преступленіе Іовле, проданіе Іосифова, кротость Давидову, премудрость Соломонову, неопалимую купину въ горѣ Синайстѣй, силою ста и шести-десять ангель, иже во Египтѣ сшедшихъ подати исцѣленія человѣкомъ; моленіемъ честнаго, славнаго пророка и, предтечи крестителя Господня, Иоанна; страшнаго и несказаннаго имени твоего, всесильнаго и всевида Бога, ему же предстоять тысяча тысячи и тьмы тьмами ангель и архангель⁴⁾), и святыхъ мученикъ, и преподобныхъ отецъ, и святыхъ праведныхъ богоотецъ Иоакима и Анны, и святыхъ, и праведныхъ, и блажен-ныхъ, и Христа ради уродивыхъ, пустынножителей, пустынникъ и пустынницъ, и святыхъ постникъ, постившихся постомъ и моленіемъ, иже въ горахъ и въ пещерахъ, и въ пропастехъ земныхъ, и всѣхъ святыхъ, иже отъ вѣка Тебѣ благоугодив-шихъ Господу Богу нашему. Ради бо сихъ имень и ради свя-тыхъ ангель, молитвами ихъ, прогонаемъ и отдалаемъ всякую злобу и лукавства, и зависть, и ревность, и связаніе, и удер-жаніе, и злострѣленіе, и лукаво око, и злоглаголаніе, и языч-ное уяденіе, и примолвы, и все, что бѣдное⁵⁾), и совѣтованіе злыхъ человѣкъ, лихой зглѣдъ и иныхъ уроки, злые, пакост-ные, и злые примолвы бѣсовскія, и клятвы, и заклинанія душепагубныя и тѣловредныя, и недугованія, и къ смертонос-нымъ язвамъ, и всякихъ шкотъ житія сего суетнаго во убо-жію и умаленію живота и имени, къ полученію злыхъ всякихъ страстей, бѣдныхъ, насиженныхъ и на всякихъ, всякимъ волхвованіемъ волхвующихъ, наглость, или худость и всякую шкоту, что зло да отдалится отъ раба Божія (имя рекъ), аще глаголю и милися⁶⁾ дѣю единаго непобѣдимаго Бога, иже въ

¹⁾ На полѣ поправка— „святаго апостола“.

²⁾ Оставлено мѣсто для неразобранныаго слова; нужно читать „Іисуса Навина“.

³⁾ Вмѣсто „Елисеево“ начато было— „Моисе“ и обчеркнуто.

⁴⁾ Въ подлинникѣ стоить— „архангемъ“.

⁵⁾ Вѣроятно— „вѣдное“.

⁶⁾ Въ подлинникѣ— „и мылся“.

трехъ лицъхъ воспѣваемаго, яко да подаси всѣмъ человѣкомъ¹⁾ православнымъ спасеніе и рабу своему (имя рекъ), въ немже лежитъ святая сія молитва. И что лукаво бысть въ дому томъ, въ немже прочтется сія молитва, яко да разрѣшится, аще будеть на небеси связано или на земли, да разрѣшено будетъ, или въ мори, яже на земли сей, или на пути, или на поля, или въ горахъ, или въ пещерахъ, или въ пропастехъ земныхъ, или въ рѣцѣ, или во истоцѣхъ, или въ кладези, или въ кровли, или въ дверехъ, или во оконцѣ²⁾), или въ верхнемъ порогѣ, или въ нижнемъ, или на здѣ, или въ тинѣ, или въ основѣ, или въ стѣнѣ—да разрѣшится. Или во дворѣ, или ³⁾, или во входѣ, или во дверцѣ, или на пути, или на поля, или въ горахъ⁴⁾, или въ пещерахъ, или въ пропастехъ земныхъ—да разрѣшится. Или во брускѣ, или во рѣбѣ, или въ древѣ, или въ листѣ и корени, и въ вѣтви—да разрѣшится. Или на поля въ нивахъ и въ виноградехъ, или во рѣхъ, или въ травѣ, или въ древѣ, или въ бани, или въ пещи, или въ капищи идолъскомъ, или во власѣхъ брадныхъ, или въ кожи плотской, или въ главнемъ убрусѣ, или въ ножныхъ обувенії⁵⁾), или въ златѣ, или въ сребрѣ и въ мѣди, или въ свинцѣ, или въ оловѣ, или въ желѣзѣ, или въ морскихъ рыбахъ, или въ животныхъ четвероногихъ земныхъ, или во птицахъ, летающихъ по воздуху, движимыхъ и недвижимыхъ, или въ хараты, или въ бумаги, или въ чернилѣ, или въ иѣкоторой вещи—да разрушится. Аще ли есть написано въ семидесяти двою языцѣхъ—да разрушено будетъ, понеже азъ разрѣшихъ и разрѣшаю, прогнахъ и прогоняю Калуса, Пира, Маруса, Лукми, Лурами⁶⁾, Рахана прогнахъ и еще отъ раба Божія (имя рекъ) и отъ дому его, имущаго сію молитву, и отъ всего имѣнія его малаго и великаго силою честнаго и животворящаго Креста Господня и со всѣми небесными силами, предстоющими предъ высокимъ и страшнымъ престоломъ Господнимъ силъ, ангель и архангель, и святыхъ и праведныхъ патріархъ—Авраама и Исаака, и Іакова. Таке молю святого собора пророкскаго: Захарію и Іоанна Предтечу, и Елісея⁷⁾, и Осія, Наума, Аввакума,

¹⁾ Въ подлинникѣ—„человѣко“.

²⁾ Послѣ этого слова на полѣ скорописью написано,—

³⁾ Въ текстѣ оставлено мѣсто для неразборчиваго слова.

⁴⁾ Въ подлинникѣ стоитъ—„вгораѣ“.

⁵⁾ Нужно читать—„обувеніяхъ“.

⁶⁾ Въ подлиннике эти слова написаны такъ: „лоукми лоурами“.

⁷⁾ Въ подлиннике написано—„иелесия“.

Софонія, Аггея, Михея, Малахія, Іеремія, Іезекіїла, Ісаю, Данила, Амоса, Самуїла, Ілію и святихъ тріехъ отрокъ — Ананію, Азарію, Мисайла. Молю сословіє святихъ, праведныхъ Богоотець Іоакима и Анны, Іосифа Обручника, Давида, пророка и царя, Іакова, брата Господня, Симеона Богопріимца и Симеона, сродника Господня, святаго, праведнаго Іова и Іоны, и всѣхъ святихъ, молитвами ихъ отъ вѣка благоугодившихъ и послужившихъ Господу Богу нашему, Ісусу Христу. Молюся и прошу лики святихъ и славныхъ, и всехвальнихъ двѣнадцать апостоль и собора семидесяти апостолъ, иже во святихъ отецъ нашихъ вселенскихъ учителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Іерофія Афинейскаго и Діонісія Ареопагита, и Іоанна Милостиваго, Амфілохія, епископа Іконійскаго, Аверкія Ерапольскаго, Афонасія Великаго и Кирилла; иже во святихъ отца нашего Николы, архіепископа, Миръ Ликійскихъ чудотворца, и иже во святихъ отца нашего Петра, митрополита Московскаго, чудотворца; иже во святихъ отца нашего Леонтія, епископа Ростовскаго, чудотворца¹⁾, и Амбросія, епископа Медіоламскаго, Потапія, Ипатія и Спиридона, и Елеуферія, Епіфанія, Андрея Критскаго, Софронія Іеросалимскаго, Селивестра, папы Римскаго, Григорія чудотворца, Лазаря, иже въ Галасіи, Григорія Акраганскаго, Прокопія Десятоградца, Григорія великаго²⁾ Армени, преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ: Сергія и Варлаама, и Кирила, и Семіона Столпника, Евменія чудотворца, Даниила Столпника, Алимба и Аникиты, и преподобныхъ отецъ нашихъ, иже въ Синаи и въ Раифѣ избіенныхъ, и преподобныхъ отецъ нашихъ: Козмы Халкідонскаго, Іоанна Дамаскіна, Стефана Саванта, Георгія Никодимійскаго, Феодора Написаннаго, Антонія Великаго, Арсенія, Евфимія и Саввы, Ефрема Сиріна, Павла Фивейскаго, Іоанна Кушника, Павла, иже въ Латрѣ, Феодосія общія жизни, Викулы, епископа Змирскаго, Иларіона чудотворца, Марка, епископа Фряческаго. Кирила діакона, святаго священномученика Власія, епископа³⁾

и Поликарпа, Ипатія Ганграскаго, Дорофея Тирскаго, Феодота Киринейскаго и всѣхъ святихъ священномученикъ молещемъ и молитвами, соблюди раба своего (имя рекъ). Молю убо лики святихъ, славныхъ, добropобѣдныхъ Христовыхъ вели-

¹⁾ Въ подлиннику — „чудвѣр’ца“.

²⁾ На поль поправка — „иѣ“; нужно читать — „Великія Арменіи“.

³⁾ Оставлено мѣсто для вписанія неразобранныго слова.

хомучениковъ¹⁾ воинства: первомуученика Стефана, архієпіскоша²⁾, Георгія³⁾ Побѣдоносца, славнаго чудотворца, Димитрія великомученика, Сидора Ліоградскаго, Феодора Тирона⁴⁾, Феодора Стратилата и иже съ ними, всѣхъ⁵⁾ четыредесети тысяча мучениковъ и мученицъ, всѣхъ небесныхъ твоихъ силъ⁵⁾; и трехъ святыхъ мученикъ Евстратія, Авксентія, Евгенія, Мардарія⁶⁾ и Ореста; и святыхъ мученикъ Мины, Виктора и Викентія; и святыхъ исповѣдникъ Гурія и Самона, и Авила дьякона; и святыхъ мученикъ Мины, Ермогена, Евграфа; и святаго великомученика Никиты; и святыхъ великомученикъ сорокъ, иже въ Севастії; и святыхъ младенецъ, избіенныхъ за Христа, четырнадцать тысячи; и святыхъ седми отрокъ, иже во Ефесѣ, и святыхъ мученикъ Карпа и Папили⁷⁾, и Ерміла, Стратоника, святаго мученика Іакова Пермскаго и святаго праведнаго Алексія, человѣка Божія, и святыхъ мученикъ Изарія⁸⁾, Гервасія, Протасія и Келесія, и святыхъ чудотворцевъ и безсребрениковъ Козмы и Доміяна, Кира, Іоанна, Пантелеїмона⁹⁾ и Ермона¹⁰⁾, Самсона и Деомида, Моисея и Фалелія, Фотея и Анікиты, и всѣхъ святыхъ мученикъ, иже проліявшихъ кровь за Тебѣ, Христа Бога нашого, и всѣхъ святыхъ твоихъ молитвами. И лико святыхъ мученицъ: Евдокії, Феодоры Александристкія и святыхъ великомученицы Екатерины, и Параковіи, Варвары, Ульяны, Мавры, Пелагії, Ирини, Гликерії и святыхъ Елены царицы и со царемъ Константиномъ, и святыхъ Феодосіи дѣвицы, преподобныя мученицы Февроніи, святыхъ мученицы Евфіміи всехвалыныя и святыхъ Кирика и матери его Улиты, и преподобномученицы Евдокії, и всѣхъ святыхъ молитвами. Молитвъ¹¹⁾ пречистыя твоя матери помилуй и спаси раба твоего (имя рекъ), яко благій Богъ и человѣколюбецъ. Аще хто сію молитву держитъ въ дому, не придетъ къ нему злой,

¹⁾ Начало слова—“велико” приписано на полѣ.

²⁾ Нужно читать—“архідіакона”.

³⁾ Въ подлинникѣ написано—“Георгія”.

⁴⁾ Въ подлинникѣ написано—“тира”.

⁵⁾ Со слова „всѣхъ“, кончая словомъ „силь“ вписано впослѣдствіи скопісью въ оставленный при письмѣ промежутокъ.

⁶⁾ Имена—“евстратія авксентія евгентія мардарія” повторены скопісью на полѣ.

⁷⁾ М. б.—“Вавилы”.

⁸⁾ Вѣроятно—“Назарія”.

⁹⁾ Въ подлинникѣ написано—“Пантелеїмона”.

¹⁰⁾ Вѣроятно—“Ермолая”.

¹¹⁾ Пропущено—“ради”.

ни лукавой духъ¹⁾), зависть и ревность, и чародѣяніе, и бѣдами болѣзными, которое злое лукавство ни въ утрѣ, ни въ день, ни въ вечеръ, ни въ нощь, ни въ полунощь, яво написана бысть сія молитва отъ святаго священномуученика Кипріана и утвержена, и изнаменана бысть отъ святаго Троицы единосущныя, отъ Отца и Сына, и Святаго Духа на погубленіе и на прогнаніе всякому злу злыхъ сѣтей ловящихъ саддукей,

²⁾) нарицаемыхъ Елефанъ, аще рѣхъ, Самосовыхъ и всего рода ихъ, Исамена и всего лика ихъ, и все отбѣгаеть ихъ словесемъ Господнимъ, о помже утвердися небо и земля, и молитвами Матери твоей и святыхъ небесныхъ силъ со всѣми святыми нынѣ и присно, и во вѣка вѣкомъ. Аминь. (147).

XXIII.

[Тетрадь изъ четырехъ листовъ въ четвертую долю, ш. 17 снт., дл. 22 снт., съ небольшими полями (ш. 1,5 снт.) съ лѣвой стороны. Бумага очень плохой выдѣлки съ филигранями „1818“, „В. Ф.“, „С. Р.“. Почеркъ неувѣренный лица, мало державшаго перо въ рукахъ; знаковъ препинанія нѣть; ореографія очень неправильная. На л. 4 записи другими чернилами: „Лаврентьей Корѣнековъ руку приложилъ за себя“. „Петръ Корѣнековъ руку приложилъ за себя“. На л. 4 в. приписка передъ заговоромъ № „Сия слова пучеглавиковъ ловить“. Въ разныхъ мѣстахъ тетрадки, между строчками, различными почерками и чернилами вписано еще нѣсколько отдѣльныхъ словъ.

Рукопись пріобрѣтена отъ крестьянина Андрея Антонова Вологодской губ., Сольвычегодского уѣзда, Черевковской волости, въ декабрѣ 1907 года; а имъ куплена въ Солигаличскомъ уѣздѣ Костромской губерніи у охотника.

Ореографія исправлена, фопетические особенности сохранены].

¹⁾ Часть молитвы со слова—„Аще...“, кончая словомъ „духъ“..., вписана скорописью въ оставленный промежутокъ.

²⁾ Оставлено мѣсто для внесенія неразобранного слова.

№ 14. [Заговоръ на удачную охоту].

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Стану я, рабъ Божій Александръ, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле, поклонюсь и помолюсь истинному Христу, Бѣлому Царю, Егорю Храброму, скожу солнышку: Истинный Христосъ, Бѣлый Царь, Егорей Храбрый, дайте мнѣ зайцевъ бѣлыхъ, ярыхъ Божихъ звѣрей, черноухихъ, короткохвостыхъ,—ко мнѣ, рабу Божію Александру, ва весь на куломный промыселъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ двѣнадцати вѣтровъ, съ востока и съ запада, съ лѣта и съ сѣвера, изъ-за рѣкъ, изъ-за рѣчекъ, изъ-за горъ, изъ-за ручьевъ, изо всякихъ логовъ, ото всякихъ ловцовъ, изо всякихъ суземовъ, изъ-подъ ельниковъ, изъ-подъ березниковъ, изъ-подъ мелкихъ чащай,—собирайтесь, собѣгайтесь къ рабу Божію Александру на весь на куломный промыселъ! Собирайтесь, собѣгайтесь, у меня на куломномъ промыслу есть юства сладкая, медянная, питеръ идера¹⁾, вишненіе, калачи и праники, ситнево мяккое²⁾, осиново прутье сторожевое. И вы, зайцы бѣлы, яры, Божи звѣри, черноухіе, короткохвостые, естьму сладкую медянную и осиново прутье сторожевое пейте, ѿште, веселитесь безотпяточно, безоглядочно вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. На небеси громныя тученъки здымаются, изъ тѣхъ изъ громныхъ тученекъ дождь, громъ, молния сверкаетъ; такъ же бы у меня, раба Божіяго Александра, на куломномъ промыслу пейте, ѿште и веселитесь, осиново прутье сторожевое, безотпяточно и безоглядочно, вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Какъ съ небеси снѣгъ валится, такъ у меня, у раба Божіяго Александра, зайцы бѣлы, яры, Божи звѣри, черноухіе, короткохвостые, у меня, у раба Божіяго Александра, куломки ронили бы вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Какъ истинный Христосъ сотворилъ небо и землю и держить у Себя,—тако бы мой промыселъ зайцевъ сдерживалъ, прочь не отпускаль. И какъ нанѣ Бѣлый царь всю Россію держить, такъ бы мой промыселъ зайцевъ держаль, прочь не отпускаль. Какъ я, рабъ Божій Александръ, радуюсь Христову дню, Христовой Пасхѣ, пирогамъ и шаньгамъ, и вся Россія, матъ-

¹⁾ Очевидно переписчикъ при списываніи не разобралъ это мѣсто.

²⁾ Хлѣбъ изъ—„ситной”, т. е. просѣянной сквозь сито, муки; мягкий ситный считается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лакомствомъ, за неимѣніемъ лучшаго.

земля, маленьки ребятки—яичкамъ, Христосъ воскресе,—такъ бы зайцы бѣлы, яры, Божи звѣри, черноухіе, короткохвостые, пейте ѿште эту ѿстру сладку, медянную, осиново прутье сторожевое, пейте, ѿште и веселитесь безотпяточно, безоглядочно, вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Которые слова забытущія и обыдущія—будьте вы, мои слова, всѣ сполна переговорены вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Тѣмъ словамъ небо—ключъ, земля—замокъ. (148).

№ 15 [Заговоръ противъ порчи].

Всякому рожоному человѣку: соли въ глазъ, песку горячаго, огня палающаго—злому и лихому, порченику и урочнику. Всякому рожоному человѣку Божіи твари не узнать; облака не открыть, не отпереть; частыхъ звѣздъ не оббивать и не ошипать; утряны вари топоромъ не пересѣкчи; млада мѣсяца не ототкнуть, не отпереть—такъ и меня, раба Божія Александра, ни кому не испортить, не изурочить вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Которые слова забытущія, обыдущія—будьте вы, мои слова, всѣ сполна переговорены вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Небо—ключъ, земля—замокъ. (149).

№ 16. [Заговоръ противъ порчи].

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Встану я, рабъ Божій Александръ, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, пойду въ чистое поле, поклонюсь и помолюсь истинному Христу, Бѣлому Царю, Егорью Храброму; облакомъ оболовусь, утренней зарей подноявшаяся, младымъ мѣсяцемъ сотынуся (?), частыми звѣздами затычуся отъ призоровъ, отъ причи (такъ), отъ прикосовъ, отъ урочливаго человѣка, отъ прикосливатаго человѣка, отъ чернаго, отъ черемнаго, отъ русаго, отъ бѣлаго, отъ черноглаза, отъ сѣрглаза, отъ бѣлоглаза, отъ черноплата, отъ сѣраплата, отъ бѣлоплата, отъ одножена, отъ двоежена, отъ однозуба, отъ двоезуба и отъ троезуба, и отъ колдуна, и отъ колдуны, отъ бѣдуна (такъ) и отъ бѣдуны (такъ), и отъ всякия злыхъ, лихихъ, и отъ своей жены, и отъ чужія, и отъ своего человѣка, и отъ чужого, и отъ своей семьи, и отъ чужія, и отъ всякаго рожденного: отъ сутулаго и отъ горбатаго, напередъ поклоняющаго, отъ старца, отъ старицы, отъ чернеца, отъ черничихи и отъ попа, и отъ дьякона, и отъ подоморя, и отъ всего

крылоса, и отъ дѣвки-простоволоски, отъ бабы-бѣлоголовки, отъ дѣвки-простоволоски, на дорогѣ стричнаго, постигающаго, за-сматривающаго, завидяющаго. Злому и лихому, порченику, урче-нику, всякому рожденному человѣку—маякина въ глазъ, же-лѣзна спица въ гузно, дресваный камень въ зубы—злому и лихому, порченику и урченику. (150).

№ 17. [Заговоръ на удачный промыселъ].

Зайцы бѣлы, яры, Божьи звѣри, черноухie, короткохвостые, собирайтесь къ рабу Божию, Александру, на куломный промы-
сель со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ двѣнадцати вѣтровъ,
пейте, ѿште и веселитесь осиново прутье сторожевое; пейте,
юште и веселитесь по всякъ день, по всякъ часъ, безотпя-
точно, безоглядочно.

Которые слова забытущія, обыдущія, будьте, мои слова, всѣ
сполна переговорены по всякъ день, по всякъ часъ, безотпя-
точно, безоглядочно, вѣть по вѣку, отнынѣ и до вѣку. (151).

№ 18. [Отрывокъ заговора противъ порчи].

Чуръ, глаза своего, чужого; чуръ, думы своея, чужія; чуръ,
человѣка своего, чужого; чуръ, своей семьи, чужія; чуръ, отъ
своей жены и чужія; чуръ, съ велика и до мала; чуръ, чело-
вѣка всякаго! (152).

[Послѣ этого заговора другою рукою и другими черни-
лами написано]:

Сия слова пучеглазиковъ ловить.

№ 19. [Заговоръ на удачную охоту].

Какъ я, рабъ Божій Александръ, пойду по куломному про-
мыслу, увидѣль у меня куломка, лежить у меня въ куломкѣ
зайчикъ, лежитъ: у меня сердце зрадовалось и звеселилось и
кровь во мнѣ закипѣла—и тако же бы и въ зайчикахъ бѣ-
лыхъ, ярыхъ, черноухихъ, короткохвостыхъ. Идите по кулом-
ному промыслу, увидите, у меня куломка стоитъ; у куломки
осиново прутье сторожевое,—такъ бы у васъ сердце зрадова-
лось и звеселилось, кровь у васъ закипѣла. Пейте и ѿште,
и веселитесь вѣть по вѣку, отнынѣ и до вѣку. (153).

№ 20. [Отрывокъ заговора на удачную охоту].

Какъ куда ты идешь,—туда батюшка и матушка, братецъ и сестрица, дѣдушка и бабушка, родъ и племя, всѣ туда идите. (154).

№ 21. [Отрывокъ заговора отъ порчи].

Отбился рабъ Божій, Александръ, отъ уроковъ ото всякихъ. (155).

XXIV.

[Тетрадочка изъ десяти ненумерованныхъ листовъ въ восьмую долю, ш. 10 снт., дл. 16 снт.; безъ полей. Бумага плохой видѣлки, филиграны чуть замѣтны и нераазборчивы. Написана скорописью XVIII вѣка (средина); почеркъ красивый, четкий, убористый — опыта писца — съ завитками и разнаго рода украшеніями. Каждый заговоръ отчеркнутъ отъ соседнихъ горизонтальными линіями; заглавія обчеркнуты со всѣхъ сторонъ. Записей, указывающихъ на происхожденіе и владѣльцевъ этого любопытного сборничка, нѣтъ. Немногочисленныя приписки и поправки отмѣчены въ текстѣ въ соответствующихъ мѣстахъ.

Находящіеся въ моемъ распоряженіи листки представляютъ собою только нѣкоторую часть, можетъ быть, довольно обширнаго сборника заговоровъ. Л.л. 1—8 составляютъ первую тетрадь сборника, отъ второй тетради остались лишь средніе листики (пришиты довольно прочно), а сколько всего было листовъ определить невозможно. Такимъ образомъ, между 8 и 9 листами этого сборника нѣсколькихъ листовъ недостаетъ, конецъ также утраченъ. Рукопись носить на себѣ слѣды долговременного и частаго употребленія: разбита, запачкана, углы обтрепаны и загнуты, двойная сшивка, слѣды продольныхъ и поперечныхъ перегибовъ; послѣдніе листы совсѣмъ смяты.

Переписчикъ этого сборника заговоровъ былъ человѣкъ для своего времени, повидимому, довольно образованный. Прежде всего, онъ знаетъ одну изъ системъ тайнописанія (такъ называемую „тарабарскую грамоту“¹⁾) хотя, употребляется ее довольно

¹⁾ Ключъ „тарабарской грамоты“ см. на стр. 4.

своеобразно: иногда почти весь заговоръ сплошь написанъ „тарабарской грамотой“, иногда же только отдельные слова, или даже отдельные буквы въ словахъ. Привожу типичный примѣръ: заговоръ № 25-й.

Муца упякъ. |В о і и д| зерся ло ощадерь: м цъ с'сл-
пивто" хесѣфіа змошию¹⁾ лкань муца петань у б і б пыпѣ
идовѣту і шовѣки шѣтошъ арипъ| прочошо^р да нсю" до З^х
на воду.

Зналъ переписчикъ также и латинскую и, повидимому, польскую азбуки. Онъ очень любить вставлять отдельные буквы и цѣлымъ слова, написанные латиницей. А иногда и нѣсколько строкъ подъ рядъ изображаетъ латинскими буквами. Напр.: заговоръ № 24-й.

Slova на гимей. Чошогит З^{ма} натот Perst о'тмезенца...
и т. д. А предыдущее средство почти сплошь написано латин-
скими буквами.

Кромѣ „тарабарской грамоты“, латинскихъ и польскихъ буквъ, переписчикъ обильно пользуется сокращеніями словъ (выбрасывая среднія буквы, отбрасывая конечныя), и даже однѣми начальными буквами. Вотъ какъ написано начало заговора № 29 О лужокѣ.

Г б б ѿ в ѿ і и' д| Я р і

Поэтому, въ связи съ нерѣдкими ошибками въ „тарабар-
щинѣ“, расшифровать всѣ заговоры стоило порядочныхъ уси-
лій, а нѣкоторыя слова такъ и остались не прочтеными.

Въ виду типичности и незначительного объема я помѣщаю
гесь сборничекъ цѣликомъ, не смотря на то, что нѣкоторые
отдѣлы имѣютъ не совсѣмъ близкое отношеніе къ материаламъ,
помѣщаемымъ въ этомъ выпускѣ.

Рукопись была приобрѣтена въ Шиштинской волости, Костром-
ского уѣзда, черезъ одного изъ учениковъ Семиловской второ-
классной церковно-приходской школы. У владѣльцевъ она упо-
треблялась на цыгарки, когда не имѣлось болѣе подходящей
бумаги.

Ореографія исправлена; фонетические особенности, за исключеніемъ явныхъ описокъ и искаженій, сохранены].

¹⁾ Вѣроятно, описка, вм. „змошию“, т. е. скровію.

Кмашпить [т.-е. Травникъ].

Есть трава Осотъ. А та трава добра. А кто ея знаетъ, и тотъ великий талантъ обрящетъ. А ростеть та трава прекрасна, свѣтла; листочки кругленыкія, что денешкама; высотою съ пять¹⁾; цвѣть разной всякой.

Есть тр.²⁾ Ковына. А та трава добра; собою въ человѣка ростомъ, а по ней—что иглы; цвѣть мохнатъ, синь. А ростеть по пахотнымъ мѣстамъ. А та трава добро держать во всякой храмянѣ; и коли животина вертится, вложи корень свяско (?) въ шерсть—не станетъ вергтаться.

№ 22. Молитва къ зубамъ.

Радуйся, стѣн и коренія. Изми болѣзнь отъ челюстей и зубовъ раба Божія (имя рекъ), да не обрашутся во вѣки. Христе Боже, дай же ему, Господи, помощь и здравіе, исцѣленіе болѣющимъ зубомъ и главою челюстей рабу своему (имя рекъ). Святый Тихонъ, утиши, Господи, болѣзни и вся недуги зубные, молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ ангель и архангель, и святыхъ апостоль, и мученикъ, и всѣхъ святыхъ отецъ ради молитвами укроти недуги у раба Божія (имя рекъ), яко Ты еси самъ Богъ и Владыка всѣхъ, Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну, и Святому Духу инынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь (156).

Говорить на соль или на чеснокъ.

Есть трава Богородицкая. Ростеть кустиками; а листочки—что дикая мята; собою мягка; цвѣть на немъ синь. А та трава добра человѣку отъ уроковъ и отъ призорокъ при—всѧкихъ; или у женскаго пола болѣть груди—истолки, хлебай и парь. Или очи прѣютъ—парь травою, поможеть Богъ.

Есть трава Котовыя Руци³⁾. Ростеть кустиками по ржамъ⁴⁾ и по ячменю; а на ней шишочки синеныкія. А та трава добра у кого желви есть—хлебай, помилуетъ Богъ. Или кто избу

¹⁾ Вѣроятно—„въ пять“, т. е. въ четверть.

²⁾ Въ подлинникѣ вездѣ, начиная съ этого мѣста пишется сокращенно вѣсто „трава“—„тр.“.

³⁾ См. „Тараバラскую грамоту“; передъ этимъ названіемъ зачеркнуто другое—„Перекось“, см. ниже.

⁴⁾ Вѣроятно—„по ржамъ“.

ставить, положи подъ исподнее бревно—и тотъ станеть жить славно и богато.

Есть трава **Перекось**. Ростомъ мала; видомъ темна и листомъ темна жъ; цвѣтъ воронъ, какъ стручки, а въ ней сѣмечки. И отъ нея спать: уже и змій, и лягуша, и всякая гадина; а человѣку положить въ голови—и онъ спить судки восьмеры или деветеры. Съ нее сѣмечко положи въ ротъ и поди водою—и вода раступится. А корень ея какъ человѣкъ.

Есть трава **Царскія Очи**. А та трава велми мала—въ иглу, и тонка, что игла. А жарь отъ нея, аки золото; цвѣтъ багровъ. А въ ней кажутся, что всякие узоры различные; а листу на ней нѣть; цвѣтъ—кустиками. А та трава добра въ очамъ, держать ея у себя. Или на бой пойдешь, возми съ собою—напрасныя раны минешь; бодръ и легокъ человѣкъ. Или кто хощеть птицы ловити, носи съ собою—уловишъ птицъ¹⁾ и звѣрей.

Есть трава **Одолѣнь**²⁾. Ростеть при рѣкахъ и при камени, и при черной землѣ, на сильныхъ³⁾ мѣстахъ, на старыхъ лугахъ. А та трава голуба, ростомъ въ локоть, цвѣтъ рудожелтъ, листочки бѣлые. А та трава добра, коли человѣкъ окорился смертою ядю, дай ему пить—скоро пронесеть верхомъ (и низомъ⁴⁾). А корень ея добръ отъ зубныхъ болѣзни; и коли пастухъ хочеть скотъ пасти, чтобы скотъ не расходился—держать у себя. Аще кто тебя не любить, дай ему пить—и тотъ человѣкъ отъ тебя не можетъ отстать до смерти. Или хощь звѣря убить, дай ему ясти.

Есть трава **Еугорь**. А ростеть та кустиками по сильнымъ мѣстамъ и по ременамъ⁵⁾. А та трава добра—иному попадеть и иному нѣть. А та трава держать торговому человѣку, кто хощеть богатъ быть, и ту траву. носить съ собою, куды не пойдетъ—много добра обращать и у людей честенъ будеть; во всякихъ ремеслахъ пошлетъ Богъ, съ великою честію и славою вознесется тотъ человѣкъ. А корень ея свѣтель, что ярый воскъ. А ростеть та трава при морахъ и при большихъ озерахъ.

Есть трава **Ацароша Глава**; ростеть возвѣ сильныхъ мѣстахъ, разметныхъ болотахъ, кустиками по 5 и по 6 и по 10, листочковъ. А вышиною въ пядь, на мѣстѣ высок...⁶⁾; а

¹⁾ Въ текстѣ—„п“.

²⁾ Сверху приписано: „хомов“, т. е. хорош.

³⁾ Въ текстѣ—„на синихъ“.

⁴⁾ Скобки въ подлиннике.

⁵⁾ т. е. „по ременямъ“.

⁶⁾ Надъ строкой какая-то неразборчивая лигатура.

цвѣтъ багровъ, а иной рудожелтъ; а какъ розцвѣтеть — вѣлми хороша, кукшинцами всякимъ цвѣтомъ. А ту траву рвать со крестомъ Господнимъ и говорить: „Отче нашъ“,— „Помилуй мя, Боже“... Аще кто въ грамотѣ не умѣеть, соторить 300 молитвъ: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго!“ А ту траву давать пить, кто порченой человѣкъ — облегчить въ тотъ часъ. Или у жены дитя не родится, дай, ей пить, женѣ,— и родить. А кто хочетъ діавола видѣть или еретика, и тое травы окатить корень водой, и положи на престоль, и не зимай 40 дней¹⁾; и какъ²⁾ пройдутъ тѣ дни, и ту носи съ собою — и ты увидишъ бѣсовъ воздушныхъ и водяныхъ. И коли кто ставитъ церковь и полату — земля кажется подъ пимъ.

Аще у кого гной идетъ изъ ушей, вари вербу въ водѣ и лей въ уши — гной выйдетъ изъ ушей.

О травѣ Колгань. А ростеть суха и тепла. А кто траву держить подъ языкомъ — а кровь пущаетъ и лихую кровь изгонитъ.

Возми Папоронъ неистлѣнъ, на все счастливъ въ бѣдахъ; дай попу освятить — носи при себѣ.

А кто изломить руку или ногу, возми меду прѣсного да разсыти гораздо, да утри кирпичю, да утри сѣмени льнянаго, да 9 яицъ, смѣшай все вмѣстѣ и прикладывай къ больному мѣсту.

Чтобъ изъ носа шла³⁾ кровь, возми мяты огородной⁴⁾ смѣшай съ прѣснымъ медомъ густо и скатай катки, какъ гвоздики, и клади въ ноздри.

Аще кто Лебеду варить въ винѣ, да піеть порану — всю нутряную болѣзнь изгонитъ.

Аще у кого жена бѣгаєть, и ты поймай ласточку и винь сердце, дай ей сѣсть или пить и не будетъ бѣгать.

[Писано латинскими буквами].

У ково конь нутряной болѣзни болитъ, возьми муравьевъ гнѣзда да шарь въ водѣ долго. И какъ выпипитъ въ третью, и ты процыди сквось сито, да навари сою коноплянаго, смѣшай съ тою водою вмѣстѣ. Давать юно въ ротъ по 3 ложки ве-

¹⁾ Было сначала написано „недѣль“, потомъ перечеркнуто и написано — „дней“.

²⁾ Слова — „и какъ“ написаны дважды.

³⁾ Вѣроятно — „не шла“.

⁴⁾ Въ подлинникѣ — „мятой огород.“.

ликихъ, чтобы проглотилъ, и привяжи его, да покрой его теплымъ, чтобы припотѣль,—и здравъ будетъ.

У кого конь сохнетъ, и возьми 3 лопатки дектю да три головки чесноку, да яицъ сырыхъ, и смѣшай вмѣстѣ, да вбей коню въ ротъ—отъ того здравъ будетъ.

Есть зелье, отъ мороза добро: конопли дикія да крапивного сѣма, да смѣшавъ съ прѣснымъ медомъ, да мажь лице и руки, и ноги, и тѣло свое—ино хотя бось поиди, не станетъ забнуть.

Аще что хощеши у кого просить, есть трава на то—**Быліе**. А растеть она по дубравамъ; а цвѣтъ, что конооплянъ. И какъ у кого что просишь, ту траву держи въ правой рукѣ и съ ней, не жалая, даютъ.

У кого глава болитъ за многое время, или обморокъ обходитъ, или глухота, или горечь, и ясти не сладитъ, да испивають **Фиряки**—исцѣлить и удушью помогаетъ.

У кого сердце болитъ,—есть трава **Мачелино Яйцо**. А ростеть по пожнямъ; а листъ у нея, какъ копыто конево; а корень у нея черный. И какъ змія уясть, скоро исцѣлить. А корень ухватясь въ житномъ квасу и пей на тощее сердце.

№ 23. Егда женился человѣкъ и у жены потеряетъ ниѳцу¹⁾.

Говорить на чистую воду трижды и окати дѣству.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа.

Како Христосъ, царь небесный подъ землею кромѣшной адъ словомъ крѣпокъ и плотень, и неизбѣжанъ и словомъ своимъ святымъ разверзивъ его; тако развязи, Господи, словомъ моимъ у сей рабы Божіей (имя рекъ) отъ жилъ 3, 2, единую жилу становую и проходную, и отвори у ней водяной проходъ, (Pizdu)²⁾ какъ, прежде сего, чтобы шла изъ нея мочь и кровь, и женская немочь отъ сихъ моихъ словъ въ новѣ и ветхѣ, и по всякой день отнынѣ и до вѣка, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (157).

А которая жена ляжетъ съ мужемъ, а колганъ держитъ подъ языкомъ, ино въ ту ночь не зачинется младенецъ. Иному не надобно сказывать, трава.

[Весь этотъ отдѣль записалъ латинскими буквами].

¹⁾ Сбоку этого заговора приписка—“сокшомис”, т. е. сотворилъ.

²⁾ Такъ написано и въ подлинникѣ.

№ 24. Слова на чирей.

Говорить трижды на тотъ перстъ отъ мезенца: Да плюнь на перстъ трижды. Да очерти кругомъ чиряя перстомъ тѣмъ трижды.

Господи, Боже! Благослови, отче! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Ни отъ камене плоду, ни комени (?) отъ угля, ни травы, ни зелени. Тако бъ у раба Божія (имя рекъ) отъ чиряя не было ни щепоты, ни болѣзни—всегда, нынѣ и при-
сно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (158).

№ 25. Руда унять.

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Земля со облацемъ, мѣсяцъ съ солнышкомъ, желѣзина зъ бровію¹). Стань, руда, не кань у раба Божія (имя рекъ) отнынѣ и до вѣку и во вѣки вѣковъ. Аминь. (159).

Проговори, да и плюнь до трехъ разъ на воду.

№ 26. На щепоту.

Наговоръ на деревянное масло.

Господи, Боже! Благослови, отче! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Есть рѣка-рѣченъка. Противъ рѣки-рѣченъки стоять тутъ стопка. Что въ той стопки сѣдѣтъ старая баба, шетъ у раба Божія (имя рекъ) кости и жилы, щыпоти²) и болѣзни, и всякие уразы. И чтобы у меня, раба Божія (имя рекъ), не было бы ни щепоты, ни болѣзни, ни въ кости, ни въ сердцы—всегда, отнынѣ и до вѣку, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (160).

№ 27. О лкояпіи жуя.

Есть гора костяна. На той горѣ есть стулъ костянъ. На томъ стулѣ костяномъ сѣдѣть царь костянъ, подпершись своимъ костылемъ костянымъ: шляпа на главы костяна, рукавицы на рукахъ костяны и сапоги на ногахъ костяны. И весь тотъ царь костянъ, и вси семьдесятъ три жилы костяны, и становая жъ жила кость. Такъ бы и у меня, раба Божія (имя рекъ), вси семь-
десятъ три жилы и вси семьдесятъ три жилы—суставы были бы

¹⁾ Вѣроятно нужно— „съ кровію“.

²⁾ Въ подлинникѣ стоять— „быноки“.

костяны, и вся и становая жъ жила была бы костяна, и стояла бъ она на жубъ сто разъ и тысячу па постреканіе, на малое мѣсто на женскую нифцу и дѣвичью: на черную, на русую, на красную, на бѣлую и на всякую—мѣсяца молода и ветхा, и па перекройныхъ дняхъ. (161).

№ 28. О здравії.

Господи, благослови Боже. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Святый Боже, свѣтлое красное солнце, в капай въ меня, раба Божія (имя рекъ), руда мѣдна, руда желѣзна, руда оловянна и заключи, истинной Христосъ, своими божественными устами сердце мое. (162).

№ 29. О сухотѣ.

Господи, Боже! Благослови отче! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Я, рабъ Божій (имя рекъ), стану, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ ызыбы дверьми, изъ двора воротами; пойду далече, въ чистое поле. Есть далече, въ чистомъ полѣ, славная рѣка *Nепр.* Какъ изъ той рѣки Напра выносить ярой осенней ледъ, такъ бы сносило и срывало съ меня, съ раба Божія (имя рекъ), и съ моего бѣлого тѣла, и съ ретивого сердца та свѣжая, ключевая вода тоску и сухоту по той по рабыници Божіи, (имя рекъ). Какъ далече, въ чистомъ полѣ, мечитце бѣлой горносталь межъ темные лѣсы,—такъ бы металась та черная остудная тоска промежъ меня, раба Божія (имя рекъ). И тебѣ¹⁾ бъ мои словеса силни и крѣпки; тѣмъ моимъ словамъ отнынѣ и во вѣки. Аминь. (163).

[Предъ слѣдующимъ заговоромъ, отдельно, написано по тарабарски] Кровь унять.

№ 30. Отъ щепоты.

Господи, Боже благослови. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Есть въ чистомъ полѣ славное Окіянъ море. Въ томъ славномъ Окіянѣ морѣ есть бѣлой островъ. На томъ бѣломъ островѣ стоитъ золотъ стуль. На томъ золотѣ стулѣ сѣдить староматера жена, во правой руки держитъ золоту иголочку съ восковой ниточкой, зашиваетъ у меня, у раба Божія (имя рекъ),

¹⁾ Вѣроятно—„тѣ бы“.

кровавыя желѣзныя раны, укладныя раны: тѣло къ тѣлу, мясо къ мясу, жилу къ жилы, кость къ кости, жила къ жилы, суставъ къ суставу, сердце къ сердцу, печень къ печени—и чтобъ ни щепело бы и не болѣло у раба Божія (имя рекъ), щипѣло бѣ и болѣло у мертваго во гробѣ. И стани моя красная кровь, запекнися и не кани у меня, у раба Божія (имя рекъ), отнынѣ и до вѣка, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (164).

№ 31. Промышлять звѣря или птицы.

Господи, Боже благослови. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду пerekрестясь, изъ ызыбы дверьми, изъ двора воротми, путемъ-дорогою—въ чистое поле, въ черные лѣсы и въ зеленую дубраву, на промыслы, промышлять всякаго звѣря и всякую птицу. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), въ чистомъ полѣ на востокъ лицемъ, на западъ хрептомъ; и помолюся я, рабъ Божій (имя рекъ), матерѣ Пресвятаго Богородицы: снеси, мать Пресвятая Богородица, Владычица, Духа Святаго съ небесь; настави мя, Госпоже, раба Божія (имя рекъ), ходечи въ темныхъ лѣсахъ промышляти всякаго звѣря и всякую птицу. И сохрани мя, мать пресвятая Богородица, Владычица, своею ризою нетлѣнною, Духъ Свѧтъ послы съ небесь—отъ уроковъ и отъ призоровъ, и портежи, и отъ своей думы, и отъ своей мысли, и отъ товарищевой думы, и отъ товарищевой мысли, и отъ всякаго лихого человѣка, и завидливаго глаза, и отъ старца, и отъ старицы, отъ еретика, отъ колдуна и отъ колдуны, отъ блядуна и отъ блядуны, отъ кудесника, отъ кудесницы, отъ клеветника и отъ клеветницы, отъ красноглаза и отъ бѣлоглаза, и отъ черноглаза, и отъ бѣловолоса, и отъ русоволоса, и отъ красноволоса, и отъ черноволоса, волоса¹⁾, и отъ двоезуба, и отъ троезуба, и отъ двоежена, и отъ троежена, и отъ сопливца, и отъ возгривыя²⁾, и отъ пучеглаза, и отъ кривого, и отъ слѣпого, и отъ плѣшатаго, и отъ попа, и отъ попады, и отъ бѣлоголовки, и отъ двоеголовки, и отъ человоловъ (?), и отъ вдовца, и отъ вдовицы, и отъ отрока, и отъ отроковицы, и отъ жосоля³⁾, и втай смотрящихъ, и въявь смотрящихъ, и съ хвоста смотрящихъ, изъ

¹⁾ Повидимому, лишилее дополненіе.

²⁾ Тоже самое, что и предыдущее слово.

³⁾ Можетъ быть—„холопя“.

избы смотрящихъ¹⁾ , изъ окна смотрящихъ и сквозь оконницу смотрящихъ, изъ дверей смотрящихъ, изъ съней смотрящихъ²⁾ , изъ воротъ, исъ-подъ воротъ смотрѣть, изъ тыну смотрѣть, и встрѣчу идучи смотрящихъ, и въ зади идучи смотрящихъ. И сохрани мя, мать пресвятая, пречистая Бого родица, Владычица³⁾ , [пошли] Духа Святаго съ небесъ, и меня, раба Божія (имя рекъ), ризою нетлѣнною сохрани отъ уроковъ и отъ призоровъ, и отъ портежевъ, и отъ своей думы, и отъ своей мысли, и отъ товарищевой думы, и отъ товарищевой мысли, и отъ всякаго лихого человѣка, и завидливаго глаза. И чтобы меня, раба Божія (имя рекъ), никто не могъ ни поткнуть, не испортить, ни думою подумать, ни мыслю помыслить. Хто не могъ изъ меня, раба Божія (имя рекъ), и крови испить, и тотъ бы меня, раба Божія (имя рекъ), не поткнуть и не испортить. И хто не можетъ въ лѣси лѣсу изчитать⁴⁾ , и тотъ не могъ бы меня, раба Божія (имя рекъ), испортить. И хто не можетъ въ лѣсу хвои исчитати, и тотъ не могъ меня, раба Божія (имя рекъ), не поткнуть, не испортить, ни думою подумать, не мыслю помыслить не въ новѣ мѣсяцѣ, не въ перекровѣ⁵⁾ мѣсяцѣ, не въ полнѣ мѣсяцѣ, не въ ущербѣ мѣсяцѣ, не въ межныхъ дняхъ⁶⁾ , не на утреннй зори, не на вечернй зори, не на всходѣ солнышномъ, не по закату солнца, ни въ день при солнцѣ, ни въ нощи при мѣсяцѣ, не въ утрахъ рано, не въ вечеряхъ поздно. Постави Госпоже, мать, пресвятая Богородице, Владычице, Духъ Свѧтъ съ небесъ, закрой своею ризою нетлѣнною и кругомъ меня, раба Божія (имя рекъ), тынъ желѣзной отъ уроковъ и отъ призоровъ, и отъ портежевъ, и отъ своей думы, и отъ товарищевой думы, и отъ своей мысли, и отъ товарищевой мысли, и отъ земли до небесъ, и отъ неба до земли, со всѣ со четыре стороны,—и чтобы меня, раба Божія (имя рекъ), не хто не могъ не поткнуть, не испортить, ни думою подумать, не мыслю помыслить отнынѣ и до вѣка. Нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (165).

Выйди промышлять въ лѣсъ, стань на востоche лицемъ, на запатъ хрептомъ и проговори на топъ⁷⁾ да и плонь на себя и разотри З-жды.

¹⁾ Въ подлинникѣ написано—„слотъ регистъ“.

²⁾ Въ подлинникѣ—„слотъ слокъ чечистъ“.

³⁾ Въ подлинникѣ—одиѣ начальныя буквы.

⁴⁾ Слово „изчитать“ въ подлинникѣ написано дважды.

⁵⁾ Вмѣсто—„въ перекроѣ“.

⁶⁾ Въ подлинникѣ—„цнямъ“.

⁷⁾ Неразобранные переписчикомъ мѣсто.

№ 32. Иглу сквозь щеку проводить, мѣдь, желѣзо—не болить, не щемитъ.

Море котлянѣтъ, кровь не канетъ у меня, (раба Божія имѧ рекъ) ни въ семидесяти жилахъ, ни въ семидесяти костяхъ. Уляхся, щепота и ломота моя, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. (166).

№ 33. Корова млечко потеряетъ.

Наговаривать на воду и на крапиву. И этой крапивой подойникъ парить. И на гшерстяпо¹⁾ камень.

М о л и т в а .

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Есть славное Окіянъ-море. На томъ на славномъ Окіянѣ-морѣ есть бѣлъ островъ. На томъ на бѣломъ островѣ есть бѣлой камень. На томъ бѣломъ камени сѣдѣть пречистая Богородица, Мати Божія на престолѣ своеемъ. И какъ ты, пресвятая Богородица, испустила моря и рѣки, и озера изъ одного мѣста, исъ-подъ бѣлого камени; такъ ты, пречистая Богородице, испусти молоко изъ моей милыя животини, исъ коровы (какова шерсть)²⁾, изъ разныхъ шерстей, изъ ея вымя. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (167).

№ 34.

Есть въ Окіянѣ-морѣ желѣзной камень, заваленъ булатнымъ бревномъ. И подъ тотъ камень ушла зубатая щука. И какъ той щуки исъ того каменя вонъ не бывать, такъ бы сему (имѧ рекъ) сей бы желѣзной иглы изъ бѣла тѣла не исходить. Заключаемъ бревенная (?) уста и руки всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (168).

А потомъ.

[Послѣ сего нѣсколько листовъ вырвано.]

¹⁾ М. б.—древесный.

²⁾ Скобки въ подлинникѣ.

№ 35. [Отрывокъ заговора противъ холоднаго оружія].

.... ни которая скорби, но такъ же бы я, рабъ Божій (имя рекъ), не слышиль бы въ себѣ ни побой, ни удару, ни уразу. И какъ же лежить мертвецъ въ земли, не слышитъ побой, ни удару, ни уразу,—тако жъ бы я, рабъ Божій (имя рекъ), не слышалъ бы въ себѣ ни побой, ни удару, ни уразу, ни щепоты, ни грыжи. Какъ отваливается камень отъ Господня гроба, такъ же бы отваливалось отъ меня, раба Божія (имя рекъ), всякое разное оружіе. Сколь легко віется хмелевое перо около тычины, столь бы легко падало около меня, раба Божія (имя рекъ), всякое разное оружіе¹⁾ молода мѣсяца, и ветхा мѣсяца, и перекроя мѣсяца, и въ меженные дни, и во исходную пятницу, во вѣки. Аминь (169).

№ 36. Молитва отъ грыжи избавлять.

Господи, Боже. Благослови, отче! Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Есть море-окіянъ. И въ томъ морѣ-окіянѣ есть бѣлой камень Латырь, высота его ξ ²⁾ сажень, долгота его 60 сажень. На томъ камени Латыри стоять хрустальной теремъ. И во томъ хрустальномъ терему стоитъ золотъ стуль. На томъ золотомъ стулѣ сѣдѣть красная дѣвица, подпоясалась золотымъ поясомъ, подперлась золотымъ посохомъ.—„Государони ты, красная дѣвица, дай ты мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), грыжныхъ словъ добрыхъ. Грызеть у раба Божія (имя рекъ) и вотчину (?) золотная грыжа, лѣстова грыжа, нуповая грыжа, мокрая грыжа, костянная грыжа, бѣлая грыжа, красная грыжа, родимая грыжа, привязанная грыжа, кила грыжа и изотеческая грыжа, сердечная грыжа, делная (?) грыжа, подпуповная грыжа, поясовая грыжа, водяниая грыжа, кровавая грыжа, пригнойная грыжа, суставная грыжа, нутрянная грыжа, верхняя грыжа, ручная грыжа, ножная грыжа. Грызеть та грыжа ветхъ³⁾ мѣсяца и молода⁴⁾ мѣсяца, и въ перекрои мѣсяца; по утраннимъ зорямъ и по вечернимъ; по всякой день, по всякой часъ

¹⁾ Здесь между строчками сдѣлана какал-то неразборчивая приписка блѣдными чернилами; далѣе такъ же есть нѣсколько такихъ приписокъ и поправокъ.

²⁾ Шестьдесятъ.

³⁾ Конечное *a* переправлено блѣдными чернилами на *u*.

⁴⁾ Тоже.

и по всякое время".—И зговорить красная дѣвица: „Ой еси ты, Грыжа! пошла еси ты, Грыжа, отъ раба Божія (имя рекъ) въ отчину¹⁾ щукою; и ты выди изъ него (или изъ нея) и пади къ бѣлому каменю; буди тамо до скончанія вѣка. Доспѣй себѣ грыжа въ камени гнѣздо кругло (?)²⁾, а не грызи ты у меня, раба Божія (имя рекъ), вотчины, ни крови, ни тѣла, ни кости, ни мозговъ. Грызи себѣ, злая Грыжа, у тридевати рѣкъ головы, а не ѿшь ты, злая Грыжа, у раба Божія (имя рекъ) ни тѣла, ни крови, ни костей, ни мозговъ. Грызи себѣ, злая Грыжа, у тридевати³⁾ головы, а не ѿшь ты, злая Грыжа, у раба Божія (имя рекъ) ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ. Грызи себѣ, злая Грыжа, у тридевати древъ головы, а не ѿшь ты, злая Грыжа, у раба Божія (имя рекъ), ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ. Грызи себѣ, злая Грыжа, горькое древо осину, а не ѿшь ты, злая Грыжа, у раба Божія (имя рекъ) ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ отнынѣ и до вѣка, и до гробной доски; въ день и въ ночь, по всякой часи. Спаси, пречистая Богородице, святый Господь (!), Козмо и Даміанъ,—и предстаньте, государи, въ помощь къ сему изшему дѣлу. Которое слово вырвано⁴⁾, то бѣ было вставлено; которое слово напреди то бѣ было назади; кое слово назади, то бѣ было напереди. Чтобы не было больше мастера меня, раба Божія (имя рекъ); ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), отъ востоку и до западу, отъ юга и до сѣвера, и мнѣ, рабу Божію (имя рекъ) на здравіе, души моей на спасеніе, болѣзни моей на исцѣленіе, словамъ моимъ на прибыль—до умертвія тѣла моего, во вѣки вѣковъ. Аминь. (170).

Говори трижды на сало ворванное наптикись и натерино мleко⁵⁾). А мазать безъимяннымъ перстомъ или щучими зубами противъ того мѣста, гдѣ грызетъ.

№ 37. [Заговоръ противъ тоски по женшинѣ. Отсуха].

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду, перекрестясь, въ чистое поле, въ зеленые луги, къ матерѣ рѣки (имя рекъ). И какъ у матери рѣки береги стоять не розно, а другъ по другѣ, не тол-

¹⁾ М. б.: во пучину.

²⁾ Вѣроятно „кругло“.

³⁾ Пропущено название тридевати предметовъ.

⁴⁾ Сверху надписано—„не“.

⁵⁾ Какія-то, очевидно, неразобранныя переписчикомъ слова.

кутся и вмѣстѣ не сходятся, и течетъ та рѣка на нись безот-
пятно и безповоротно во вѣкъ по вѣку, и съ тѣхъ береговъ
смываетъ и изрываетъ всякие наносы и приносы иносить, и
сносить судой на мхи и на болота, и внишь по рѣкамъ на
дикіе острова и на чемерису, оправъ русскихъ людей,— и съ
раба Божія (имя рекъ) сходила бъ тоска и сухота смертная и
переломная, и женская красота. И какъ та матка-рѣка не
имѣть тоски и сухоты въ себѣ,— и тако бъ и я, рабъ Божій
(имя рекъ), не имѣль бы въ своемъ сердцѣ тоски и кручини
и злата женскія красоты отнынѣ и до вѣку. Аминь. И какъ
сей новопреставленный мертвѣцъ (имя рекъ) отсталъ сего свѣта
и отъ колокольного звону, и отъ пѣння церковнаго, и отъ міра
крещенаго, и не чуетъ, и не слышитъ на своемъ сердцѣ ни
tosки, ни сухоты, ни злата женскія красоты,— такъ же бы и
я, рабъ Божій (имя рекъ), отсталъ отъ сей рабы Божіей (имя
рекъ) тоски.... (171).

[На этомъ мѣстѣ заговоръ кончается. Конецъ рукописи
утраченъ].

XXV.

[Сборничекъ изъ 42+9+29, а всего изъ 80 нумерованныхъ
листовъ въ восьмую долю, ш. 10,5 снт., дл. 17 снт., съ малень-
кими полями въ 1—1,5 снт. Въ ветхомъ картонномъ переплетѣ,
съ кожанымъ корешкомъ. Переплетенъ изъ трехъ тетрадей,
писанныхъ тремя различными почерками. Первая тетрадь болѣе
новаго письма, послѣдняя—наиболѣе старого. Но, въ общемъ, всѣ
тетради написаны новымъ раскольничимъ полууставомъ (первые
две очень красивымъ и отчетливымъ) по двумъ линейкамъ, про-
веденнымъ острымъ орудіемъ. Въ началѣ первыхъ двухъ тет-
радей помѣщены узкія заставки, а въ концѣ—небольшія кон-
цовки, растительного характера, выполненные черными черни-
лами. Такого же рода концовка помѣщена и послѣ „заклинатель-
ной молитвы Марка Фрячского“ во второй тетради. Нѣкоторые
заговоры и молитвы во второй и третьей тетрадяхъ отдѣлены
другъ отъ друга нѣсколькими горизонтальными линіями. Заглавія
и начальные буквы статей, а также и нѣкоторыя замѣчанія
писаны киноварью. Болѣе другихъ киновари въ первой тетради.

Записей и приписокъ никакихъ нѣть, поправокъ тоже, хотя
тексты заговоровъ и молитвъ списаны довольно невразумительно.

Всѣ три тетради написаны въ разное время и вначалѣ

существовали какъ отдельные рукописи и только впослѣдствіи были соединены въ одномъ переплетѣ¹⁾). Двѣ послѣднія тетради перепечатываются здѣсь сполна, а первая лишь въ извлечениі съ отмѣткою пропущенныхъ статей. Послѣдняя тетрадь потерпѣла болѣе прочихъ и отъ времени, и отъ руки лицъ, пользовавшихся ею, тогда какъ первыя двѣ почти совсѣмъ новыя.

Ореографія исправлена, явныя описки и искаженія тоже; фонетическая особенности сохранены.

Рукопись приобрѣтена лѣтомъ 1907 года въ г. Костромѣ, на толкучкѣ, у торговца старыми книгами и вещами].

№ 38. Молитва заклинательная Марка Фряческаго²⁾.

иже принуди бѣса исповѣдати, колико есть могущихъ словомъ изгнati бѣсы, и како бѣсы боятся его. По искушениі преподобнаго Марка, иже дерзну, аки добрый воинъ Христовъ, самъ единъ обратися³⁾ со ополчающимъ враговъ душепагубныхъ и вожделѣ зѣло въ затворѣ.

Молитеся Богу, всегда помышляя о затворническомъ житіи. Господь глаголеть сіе: „ты же, егда молишися, види въ кльть и, затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему втайнѣ — и Отецъ твой, видяй втайнѣ, воздастъ тебѣ явъ“. Но добрый отецъ возврахнуся ему, отнюдь сего не творити, аки паче иныхъ, терпящихъ брань отъ прелестнаго врага. Воспомянухъ бо, како тамо одолѣхъ врагъ Марко, обращавшеся съ ними наединѣ ихъ, егда многими споспѣшствующихъ молитвами, воздвигоша тогда прощенія, иже созданъ бо въ тамо начавшія въ затворѣ зѣло подвизати и жити, и о спасеніи своемъ велия тщанія имѣти, по вся дни на большія труды простираясь, умервщля вся страсти похотныя гладомъ воздержанія, поѣкая тѣхъ мечемъ духовнымъ, сіе есть глаголомъ молитвы; лукаваго же разженныя же стрѣлы водою слезъ погашая.

И тако благодатию Божію не точю самъ уязвенія бѣсовскаго страненъ бѣ, но и пріяль отъ вседаровитаго Господа дарь исцѣленія чудотворно различныя язвы и недуги въ людехъ, изгоняти бѣсы. Къ сему убо, божественному, между иными приведенъ бысть нѣкогда для изцѣленія человѣкъ, одержимъ бѣсомъ, зѣло лютымъ и крѣпкимъ, яко древо неудобное, носимо десятю мужи, онъ единъ, вземъ, заверзаше. Желая прославленія

¹⁾ Такое представление, даетъ подробное разсмотрѣніе сборника.

²⁾ Съ этой молитвы начинается *вторая* тетрадь сборничка.

³⁾ Вѣроятно — братися, т. е. — бороться.

быти благодати отечества своего духовнаго, глаголю къ Марку, и повель таковаго человѣка тамо вести. Тогда бѣсный нача вопити: „Къ кому посылаши ма? Азъ бо не знаю приближитися къ нему святыхъ ради положенія. Въ ней же тридесять живущихъ чернорисцевъ, ихже боюся, съ прочими же брань имамъ“. Сія обладати бѣсному исповѣдавшу, повель паки нуждею его паки тамо влещи, да глаголанная имъ паче увѣрено будетъ. Влекущимъ убо вѣдуще, яко николиже бѣсный бываль и никого же знаетъ въ немъ. Вопросиша его: „Которыи суть, ихже ты боишися?“ Бѣ бо тогда всѣхъ сто и осьмидесять. Бѣсный же изочте по имени тридесять и глаголя: „Сіи все словомъ единымъ изгнati мя могутъ“. И рекоша ему паки тіи влекущіи: „Мы хощемъ затворитися“. Онъ же отвѣщая: „Кака польза мнѣ есть съ мертвыми братися? тіи бо нынѣ небольшія дерзновенія имутъ въ Богу молитися о всѣхъ черноризцехъ, приходящихъ къ нимъ. Но аще хощетъ брань мою видѣти, кромѣ бо тридесяти, якоже рекохъ, съ прочими бесми¹⁾ братися могу“. И нача показывать силу свою, глаголя, просторѣча бесми²⁾ языки, ихже николиже слышасте человѣкъ той, яко зѣло убоятися влекущимъ его, дивящимся измѣненію языка его и разногласію. Также прежде даже не внiti имъ, изгоняющимъ бѣсы, зѣло страшна бѣсомъ, и отбѣже бѣсъ отъ человѣка, нечистой той духъ, и нача ивцѣлѣвый добре творити и смыслити, сущіи же съ нимъ радостни быша и внидоша съ тѣмъ же, воздаянія ради хвалы Богу. Еже увѣдавъ, прїиде со всею таможе въ церковь и не знаше менѣ и иже³⁾ единаго отъ всѣхъ тридесяти, ихже нарече бѣснуся. Тогда вопросиша его: „Кто изцѣливъ тя?“ Онъ же, взирая на образъ пресвятаго Богородицы, глаголаше: „Яко съ тою срѣтомаша нась святіи отцы, тридесять числомъ, и таке изцѣлѣвъ“. Имже убо тѣхъ помянуши, въ лице же ни единаго знаешъ тогда изгнati бѣса. Ему же слава во вѣки вѣкомъ. Аминь. (172).

[Послѣ сего въ рукописи помѣщена нарисованная чернилами концовка въ видѣ цвѣтка].

№ 39. [Заговоръ отъ двѣнадцати лихорадокъ].

Сорокъ разъ: „Господи, Іисусе, Христе, Сыне Божій, помилуй мя, раба Божія (имя рекъ)“.

Двѣнадцать разъ — „Богородицу“...

¹⁾ М. б.—весьма, или же—всѣми.

²⁾ Вѣроятно—всѣми.

³⁾ Вѣроятно: имена ниже.

Избавь, Господи, отъ двѣнадцати кумохъ, отъ Иродовыхъ дочерей, худыхъ, босыхъ, нагихъ.

Тринадцать разъ говорить. (173).

№ 40. [Заговоръ, чтобы деньги велись]

Господи, благослови.

Ходи сіе древо на деньги: на злато, сребро и мѣдь. Деньги въ землѣ скрыты; утаенно сребро, разжено, искушено, отъ земли очищено седмерицею. Ты, Господи, сохраниши ны и соблюдеши ны отъ рода сего и во вѣкъ. Аминь. (174).

№ 41. Молитва заклинательная.

Аще Господь самъ спасался на Валивонцкой горѣ сорокъ дней и сорокъ нощей, себя показывалъ болящимъ рабомъ Божімъ на исцѣленіе, душамъ на спасеніе. Прилетѣль діавольской аггель Господа Бога исцѣляти: кто можетъ кромѣ мене лѣчить, я вѣймъ лѣкарь! Аще загорится сей камень, сожгися сей діаволъ во огнѣ. Силою честнаго и животворящаго Креста Господня заклинаю тя. Преврати, Господи землю камнемъ, вглубь ходу нѣту. з-се-ме-¹) преврати, Господи, въ нашу пользу. (175).

[Здѣсь кончается вторая тетрадь].

№ 42. [Заговоръ противъ оружія]²⁾.

Бога, Господа нашего, Іисуса Христа...³⁾ заговариваюсь и своимъ златымъ щитомъ ...⁴⁾ меня, раба Божія (имя рекъ), стрѣлять стрѣлою желѣзною и ударить саблею, и ткнуть копиемъ и рогатиною, и всякимъ каленымъ желѣзомъ. И пойдетъ стрѣла-желѣзница отъ меня, раба Божія (имя рекъ), во всякое же лѣзо сѣкучее и каленое, и простое. И пойдетъ изъ столпа въ дубъ, изъ дуба пойдетъ во всякое дерево; и дерево⁵⁾ пойдетъ за море Хвалинское. Похвала отца отъ стрѣлы-желѣзницы, отъ сабли и рогатины, и сѣкиры доспѣшныя, отъ булата краснаго и синяго, отъ стали и ножа, и отъ чинжала, и отъ свинцу.

¹⁾ Какія то странныя слова.

²⁾ Съ этого заговора начинается третья тетрадь.

³⁾ Повидимому, пропускъ въ текстѣ или плохо разобранное иѣсто.

⁴⁾ Тоже.

⁵⁾ Вѣроятно—изъ дерева.

и отъ мѣди, и отъ проволки мѣдной и желѣзной, и отъ всякаго приправу желѣзного. Лежитъ ли бѣль каминъ Алатырь въ мори-окіянѣ, кругъ того камня тридесять замковъ желѣзныхъ. И сколь тѣ замки крѣпки—моего супостата стрѣла втуне бываетъ и сѣкира за поясомъ, и рогатина въ рукахъ у всякаго лихова человѣка. Стоитъ ли пречистая Богородица, мати Христа Бога нашего, своею ризою защищаетъ меня, раба Божія (имя рекъ), отъ стрѣль-желѣзницъ и отъ булата, и отъ сабли, и отъ сѣ-киры доспѣшныя, рогатины и свинцу, и мѣди, и отъ проволки, и всякаго приправу желѣзного. Стоитъ великий Николае Чудо-творецъ и отжигаетъ отъ меня, раба Божія (имя рекъ), вся-каго лихова человѣка, немирнаго, емлющаго за руку и за во-лосы, и за всѣ составы; не пушаютъ моего супостата, лихова человѣка, и стрѣлы изъ рукъ его. Сколь крѣпки въ окіянѣ-морѣ тридесять замковъ, столь бы и на меня, раба Божія (имя рекъ¹)... Сколь крѣпка на бѣломъ камнѣ вора, столь бы крѣпко было мое тѣло, раба Божія (имя рекъ). На горахъ каменныхъ стою я, рабъ Божій (имя рекъ), покланяюся на всѣ четыре стороны Иисусу Христу, Вышнему Творцу, и Храброму Георгію, и архистратигу Михаилу, и всѣмъ небеснымъ силамъ, Гавріилу и Бозѣмъ и Доміяну, и архидіакону Стевану, и святымъ апо-столомъ Петру и Павлу, и всѣмъ святымъ апостоломъ. И ставлюся я, рабъ Божій (имя рекъ), въ горшоѣ и въ хотель желѣзной; и покрываюся церковю желѣзною, отыкаюся кругъ себя, раба Божія (имя рекъ), въ тридесять тыновъ желѣзныхъ, и замыкаюсь въ тридесять замковъ желѣзныхъ отъ своихъ супостатовъ и отъ всѣхъ воиновъ, и немирнаго плеча, отъ вѣдуна и отъ вѣдуницы, отъ отрова и отроковицы, отъ всякаго лихаго человѣка. Тогда меня, раба Божія (имя рекъ), испортить, когда на небеси перещитають звѣзды частыя и коли окіянъ-море вы-сохнетъ, и когда тѣ ключи изъ мора-окіяна востанутъ, и коли ту змѣю исъ того камня выгонятъ. И коли тѣключи воста-нутъ, и коли та змія-скоропивка востанетъ,—тогда меня, раба Божія (имя рекъ), смыщутъ вѣдуны и вѣдуницы, и всякой лихой человѣкъ. И тѣхъ имъ въ небеси звѣздѣ не перещитать, и мора не выпивать, змія-скоропивка не выгнать, раба Божія (имя рекъ) не парчивать, а моимъ супостатомъ и всякимъ людямъ, и воинскимъ людямъ, вѣдунамъ и вѣдунницамъ—древенъ камень, желѣзной тынѣ въ горло всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (176).

¹⁾ Незамѣченный переписчикомъ пропускъ.

№ 43. [Заговоръ противъ оружія].

Бога, Господа нашего Иисуса Христа, заговариваю я, рабъ Божій (имя рекъ), тѣло свое грѣшное отъ стрѣлы и отъ сабли, и отъ рогатины, и отъ сѣкиры доспѣшныя. Буди тѣло мое грѣшное крѣпче камени и булата, и всякия вещи, и желѣза простого, и паче мѣди. Помилуй, Господи, раба Божія (имя рекъ) отъ пули и ядеръ, и стрѣль... Крестъ Господень, миръ Господа, Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа. Стой, стрѣла, не ходи до меня, раба Божія (имя рекъ)! Не ходи, стрѣла, чрезъ Дѣву Марію и чрезъ пророка Іоанна, Крестителя Господня, и чрезъ ангели и архангели, и чрезо вся святыя жены, и чрезъ вся праведные христіаны, которые поживши въ заповѣдехъ и въ законѣ Господни! Стой, стрѣла, не ходи до меня, раба Божія (имя рекъ), повелѣніемъ Бога и праведнаго, чрезъ Благовѣщеніе пресвятаго Богородицы! Стой, стрѣла, не ходи до меня, раба Божія (имя рекъ), чрезъ обѣщаніе милосердія Божія!¹⁾ Стой, стрѣла, не ходи чрезъ терновъ вѣнецъ, который былъ на главѣ Господа нашего, Иисуса Христа! Стой, стрѣла, не ходи до меня, раба Божія (имя рекъ), чрезъ копія и гвоздіе Господа нашего и Спаса, Иисуса Христа, всемогущаго Бога, иже никтоже не можетъ сокрушити службника своего, раба Божія (имя рекъ), и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (177).

№ 44. [Заговоръ противъ оружія].

Есть езеро желѣзное; есть царь желѣзный. И тотъ царь имѣеть власть, и защищаетъ отъ всякаго желѣза меня, раба Божія (имя рекъ), отъ сабли и копія, и отъ мѣди, и рогатины, и отъ топора, и ножовъ, и отъ всякихъ дѣтели приплодныя. Помилуй, Господи, нась, истинный Христосъ, Царь Славы небесной, мене, раба Божія (имя рекъ): роса буди о всякое же-лѣзо. Поведи, Царь, стрѣлы прочь отъ меня, раба Божія (имя рекъ), во всякое древо и желѣзо, клей — въ рыбу, а рыба — въ море; а перья — во птицу, а птица — въ небо; полети отъ меня, раба Божія (имя рекъ), всякое желѣзо и всякія стрѣлы, и рогатины, и копія, и сабли, и книжалы, и топоры — прочь отъ меня, раба Божія (имя рекъ), нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (178).

¹⁾ Въ текстѣ: милосердіе Божіе.

№ 45. [Заговоръ противъ оружія].

Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его, и да бѣжать отъ лица его ненавидащи его, яко исчезаетъ дымъ, да исчезнуть бѣси отъ лица любящихъ Бога; буди путь ихъ тьма и ползокъ, и ангель Господень прогоная ихъ, видящіи мя воинъ бѣжаша отъ мене, раба Божія (имя рекъ), падутъ на нихъ угліе огненно, низложиши ихъ во вратъхъ, благословеніе Господне на главѣ моей, всуе зубы супостатомъ сокрушиль еси, Господи, и на мнѣ благословеніе. Азъ усну¹⁾ и спахъ, яво Господъ заступить мя. Суди, Господи, обидящимъ мя, возстани на борющія мя, возстани, сокруши, Господи, подъ ноги наша, да порены²⁾ были бы намъ и падшіи подъ ноги нашими. Сокруши, Господи, лукъ ихъ и стрѣлы, и пищали, и пушки, и пули, свинецъ и олово, и всякое желѣзо, и древо ихъ. Крестомъ ограждаюся, супостатомъ своимъ сопротивляемся, не боящеся его ховарства и ихъ обаятельства, яко гордость ихъ упраздниша и попранъ бысть на древѣ крестнѣмъ. Силою распятаго Христа спаси, Господи, люди своя и благослови достояніе свое. Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу, и нынѣ, и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (179).

[Слѣдующій заговоръ, хотя и написанъ сплошь, но легко можетъ быть разбитъ на размѣренныя строки, что мною и сдѣлано].

№ 46. Заговоръ на ружье и порохъ.

Идетъ Адамъ дорогой,
Несеть въ рукахъ колоду.
Порохъ — гравъ,
Дробь — пракъ.
Я въ ево насьду,
Онъ меня не убьетъ,
А отъ мово выстрѣла не уйдетъ.
Нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (180).

№ 47. Молитва отъ сердоболи.

Боже великий, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, иже еси разрешилъ по твоему смотрѣнію, иже суть были во гробѣхъ

¹⁾ Въ псалмѣ читается—уснухъ.

²⁾ Вѣроятно—покорены.

отъ всѣхъ вѣкъ. Разрѣши, Господи, болѣзнь сию сердечную рабу своему (имя рекъ) всегда и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (181).

№ 48.

М о л и т в а

грознаго архистратига Михаила, чиноначальника¹⁾ небесныхъ силамъ. Отъ ускопу. Аще человѣку поднесутъ или²⁾ на чѣмъ подадутъ [отъ порчи].

Найди на полѣ два кола огородныя вмѣстѣ съ увитею и вырѣжь по жеребейку ись каждого кола, и почерпни воды ись проносу³⁾ или пекату⁴⁾, и вложи онья въ воду, два жеребейка, и прочитай молитву архангеломъ трижды, и пить онью отъ порчи.

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насть. Аминь.

Господи благослови отче. И архангелы Михаиль, Гавріиль и Уріиль, и Рафаїль, и всѣ зрять у дверей Господнихъ, и держать скіпетры въ рукахъ своихъ, иже хранитъ Господне, и дивятся множество ангелъ и архангелъ, и рекутъ: проклените Сатану со діявольскою силою и спаднею въ подземельную пропасть, въ бездну адovу, идѣже Мамонтъ, бѣсь проклятый, и Люциперъ зломышленный, Сатана треокаянnyй. Да не прикоснутся⁵⁾ или преисподнія, или воздушныя силы ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), или дому моему, или роду и подроду моему исчадіи ни во дни, ни въ нощи, ни на пути, ни при рѣкахъ и берегахъ, морахъ и рѣкахъ, и езерахъ, и источникахъ водныхъ, при горахъ и холмахъ, и пескахъ, и на распутіяхъ, и водахъ, и при косогорахъ, и дебрахъ, и лѣсахъ, и во боротахъ⁶⁾, и при поляхъ, и огородахъ, и разныхъ садахъ и усадахъ, истокахъ и впадаяхъ, и во всякому построеніи жиломъ, дворномъ и недворномъ, полевомъ и степномъ, ниже въ храмѣхъ Божіихъ и молитвенныхъ домѣхъ, ии при роспутіи часовенокъ, которая при накрытиіи лѣсномъ, отъ низпаденія, отъ воздуха. Да не утаится отъ знаменія и силы честнаго и животворящаго Креста Господня. Аминь. Но соблюди, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, молитвами пречистыя и препрославленныя Владычицы

¹⁾ Въ подлинникѣ—чиноначальника.

²⁾ Здѣсь кончается киноварное письмо.

³⁾ У Даля: проносъ на рѣкѣ, стрежень, русло, сильное теченье.

⁴⁾ М. б.—перекату.

⁵⁾ Въ подлинникѣ—не прикоснется.

⁶⁾ Есть—бортянныя ухожи (см. Даляр).

нашей, Богородицы, Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, спаси
меня, раба Божія (имя рекъ), во дни и въ нощи, предстоящихъ
и молящихся за мене и за всѣхъ православныхъ и согрѣшившихъ
предъ тобою и пречистымъ единороднымъ Сыномъ твоимъ,
Господемъ нашимъ, Иисусъ Христомъ. Аминь. (182).

№ 49. Молитва святыхъ двѣнадцати апостолъ¹⁾

и прочихъ семидесяти двухъ пророкъ, и праведныхъ святителей, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, великомученикъ и мучениковъ, преподобныхъ отецъ нашихъ Іоакима и Анны и всѣхъ святыхъ молитвами. Аминь.

По окончаніи молитвъ архангельскихъ, надъ чѣмъ говориль, велѣть больному сложить врестъ въ руцѣ тѣлесный и перекреститься, глаголя: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, благослови и освяти меня, раба Божія (имя рекъ), и сохрани мя силою Креста животворнаго ти. Трижды перекрестись и приложись трижды. (183).

[Далѣе помѣщается цѣлое чинопослѣдованіе противъ порчи молодыхъ— „когда другъ друга не узнаютъ“. Типиченъ псаломъ 90, гдѣ подлинный текстъ перемѣшанъ съ тирадами, ничего общаго съ псалтиремъ не имѣющими].

Аще что касается при свадьбѣ надъ молодымъ, *когда другъ друга не узнаютъ*: возьми воды и омочи обручальныя свѣчи по единому разу, и возьми два комочека воску отъ свѣчъ, и пусти на воду,— и перстни на чистой ниточкѣ, и говори трижды.

№ 50. Молитва первая.

Царю небесный...

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня, раба Божія (имя рекъ), и рабовъ Божіихъ новосочетавшихся бракомъ: раба Божія (имя рекъ) и рабы Божіей (имя рекъ). Господи благослови. Аминь. (184).

Царю небесный...

№ 51. Псаломъ 90.

Живый въ помоши вышияго въ кровѣ Бога небеснаго водворится, речетъ Господеви: заступникъ мой еси—рабъ твоихъ (имя рекъ). Заступи, спаси и сохрани, и помилуй отъ скорби, болѣзни душевной и тѣлесной, и сердечной. Ты еси и приѣ-

¹⁾ Киноварь.

жище мое, Богъ мой, и уповаю наль, яко той избавить тя отъ сѣти ловчи и отъ словеси мятежна; плещма своима осѣнить тя и подъ крылъ его надѣшися; оружіемъ обидетъ тя истина его, не убоишися отъ страха ношнаго, отъ стрѣлы, летящія во дни, отъ вещи, во тымъ преходящія, отъ сряща и бѣса полуденного. Ограждаюся, рабъ Божій (имя рекъ), именемъ Иисусъ Христовымъ и животворящимъ Крестомъ. Благослови и освяти, [Господи], и будь милостивъ рабомъ твоимъ, якоже прежде послалъ еси архангела своего Рафаила со отрокомъ Товитомъ избавити отъ пожрения рыбы и твою неишщеною и богатою милостію соопредѣлилъ еси раба Божія (имя рекъ) отца и матери и обладающему дѣвицу древнимъ зміемъ Люцеперомъ, и сокруши его въ полунощи мечемъ невидимо силою архангеламъ твоимъ, и пресыпа его въ прахъ и пепель. Аминь. Падаетъ отъ страны твоєя тысяча и тъма одесную тебѣ, къ тебѣ же не приближится. И нынѣ сотвори милость надъ симъ рабомъ Божіимъ (имя рекъ), якоже и прежде. Обаче очима своима смотриши и воздаяніе грѣшникомъ узриши, яко ты, Господи, упованіе мое, вышняго положилъ еси прибѣжище твое; не придетъ къ тебѣ зло и рана не приближится тѣлеси твоему, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ. Сохрани, Господи, во всѣхъ путехъ твоихъ раба твоего (имя рекъ) отъ потвора людскаго, мужеска пола и женскаго, и всякаго званія сопротивнаго и богоотступнаго чиновна и подчиновнаго, и разноязычнаго отъ икоты, потаготы, ломоты, тоски и утопа банныаго и передбаннаго, валетна и потворна, и костоломна, и чернонемошна, и кровоточна, проходна и утробна, предгрезъ и переполоха дневнаго и ношнаго, и оболученія всякия дичи, невстанихъ обоего пола, опышки, одышки и волоченія, и всякаго дичи насланныхъ отъ еретикъ и еретицъ, колдуновъ и колдуней, вѣдуновъ и вѣдуней избѣды слеса¹⁾ и переполохи, и всякія дичи отъ души и сердца, изо всея плоти и утробы, изъ главы и мозгу, отъ персей, изъ ружъ, изъ ногъ и всякия крови жильной и поджильной, и мозгу костнаго, и живицы, и подноготія. Иже аще рекль еси, Владыко, человѣколюбче Господи, въ писаніихъ своихъ: аще чисто соблюдеши душю свою мене ради и Матере моей, на рукахъ возьмуть тя, да не когда преткнеши о камень ноги твоєя. Господи, силою честнаго и животворящаго Креста твоего огражденіемъ спаси и сохрани, наступати на змія и скорпія, на аспида и василиска наступиши и попереши льва лютаго и змія дракона, яко на мя упова и избавлю и, покрью и, яко позна имя мое возвзоветъ ко мнѣ. (185).

¹⁾ Привожу буквально по подлиннику это невразумительное мѣсто.

№ 52. Псаломъ 10.

Глаголы мои внуши, Господи, разумѣй званіе мое, воими гласъ молитвы моей, Царю мой и Боже мой, яко ѿ тебѣ помолюся, Господи, — заутра услыши гласъ мой и услышу и, съ нимъ есмь въ скорби, изму и, прославлю его, долготу дній исполню и, и явлю ему спасеніе мое. Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. Аллилуїа трижды. (186).

И дать выпить, внедогатку спрыснуть. Потомъ молитва архангеломъ, которая впереди (см. № 48).

[Здѣсь, очевидно, кончается чинопослѣдованіе противъ порчи новобрачныхъ].

№ 53. Молитва отъ духовъ нечистыхъ.

Боже вѣчный, избави насть отъ плѣненія діавола, изми раба твоего (имя рекъ) отъ всякаго дѣйства духовъ нечистыхъ, — и имъ бѣсомъ отступитъ отъ души и тѣла отъ раба твоего (имя рекъ), и да не пребудуть, ниже таятся въ немъ, или на него нападающи, но да отбѣжитъ именемъ твоимъ единороднаго ти Сына, Господа нашего, Иисуса Христа, и животворящаго Креста, и Святаго твоего и животворящаго Духа отъ созданія рука твоихъ, да очист итсѧ отъ всякаго діавольскаго дѣйствія, навѣта, преображеніе и праведне, и благочестне поживеть, сподобляемъ пречистыхъ и животворящихъ таинъ, единороднаго ти Сына и Господа Бога нашего, Иисуса Христа, съ нимже благословенъ еси и препрославленъ, съ пресвятымъ и благимъ, и животворящимъ ти Духомъ, — всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (187).

№ 54. [Молитва отъ духовъ нечистыхъ].

Да отбѣгнутъ я отступить отъ дому сего и отъ мѣста сего⁴ и яже вхожденіи всякои путномъ и путешествіи, въ яденіи и питіі, отъ раба Божія (имя рекъ) — всякаго діавольскаго обстоянія и чародѣянія волшебная дѣйства окровленіемъ¹⁾ молитвы и воды сея окропленіемъ исчезните вси діавольскія силы во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. (188).

Послѣ оныя честь молитву архангеломъ, которая напереди (см. № 48).

¹⁾ Вѣроятно — окропленіемъ.

№ 55. Молитва священномученику Кириллу.

Господи, Боже, великий, всесвятый сый и препрославленный, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ. Слава ти съдѣвшему во свѣтъ бессмертномъ, егоже никотоже видѣ, ниже видѣти можетъ; иже тысячами тысящъ и тьмы тьмами святыхъ ангель и архангелъ: 1. Михаилъ, 2. Гавріилъ, 3. Рафаїлъ, 4. Уріилъ, 5. Семфіилъ¹⁾, 6. Рагудіилъ, 7. Варахіилъ — предстоять предъ тобою. Ты вѣси рабу твоему (имя рекъ), яко ие познавши ми тебе, истиннаго Бога, первѣе сие дерзахъ: блудъ творахъ съ тмочисленными женами и во образъ человѣкомъ, и спроста рещи—всякое чародѣйство дѣлахъ, и лукавы бѣси мнѣ работаху. Нынѣ убо, Господи сильный и великий, благоволивый отъ недостойнаго достойному быти, и сотвори мя причастника быти священному ти стаду, и преестественнымъ величествомъ милосердловавый о мнѣ, рабъ твоемъ (имя рекъ), не восхотѣ погубити мя со беззаконіемъ моими, знаема мя сотвори святый твоей непорочной вѣрѣ, не отверзи мя, грѣшнаго и недостойнаго раба своего (имя рекъ), припадающаго; Отче всесильный, Михаилъ архангель, иже ко Владыцѣ благоразумнѣй, яко слуго вѣрный сохрания, архангельскимъ и мысленнымъ старѣйшинствовати учиненъ бытъ отъ Вседержителя и, видѣвъ отступника падша, собравъ архангельскія лики, и рече: воннемъ добрѣ предъ сотворшимъ ии. Спасенію же нашему сопротивникъ и ратникъ, разгордѣвъ на Зиждителя и не сумнѣвся, рекъ: престоль мой на облацѣхъ поставлю и Вышнему подобенъ буду. И тако похвалихся, архангельскія испаде власти, яко же рече Господь: видѣхъ Сатану, яко молню, съ небесе спадша; данный же ему чинъ таожде съ нимъ низпаде, и, презорствовавъ, пострада.

1. Архангель Михаилъ есть побѣдитель супостатомъ, топчущъ Люципера, лѣвицею держаще вѣтву финичю зеленую, десницею же коне, имуще верху своею хоруговъ бѣлу, отъ коній конецъ обвивающуюся, а на ней червленый крестъ исканъ.

2. Гавріилъ — вѣстникъ Божіихъ тайнъ, держаще десницею фонарь съ возвженною внутрь свѣщею, въ шуйцѣ же зерцало каменно, аспида зелена, червленности иѣчто²⁾ мѣстами въ себѣ имуще.

¹⁾ Ниже—Сеалфіилъ, правильнѣе—Салафіилъ

²⁾ Въ подлинникѣ—но что.

3. Рафаиль—врачъ недугомъ, шуйцею, мало поднесеною, держащъ алавастръ врачеванія, десницею водящъ Товію отрока, носящаго рыбу, въ Тигрѣ ятую.

4. Уріль—сиянія сый, огня Божественнаго, просвѣтитель есть потемненныхъ, держащъ десницею мечъ обнаженный противу персей въ шуйцѣ, же низпущенной—пламень огненный.

5. Сеалфіль—молитель, моляй Бога выну о человѣцѣхъ и человѣка къ молитвѣ возбуждай; лице и очи долу низпущени имѣй, руцѣ же къ персамъ согбени, по подобію молящагося умиление.

6. Рагуділь—славитель Бога, имать служеніе утверждати человѣкъ, тружающихся любо славы ради Божія и ходатайствомъ воздаяніе; въ десницахъ имущъ вѣнецъ златъ, въ шуйцѣ же бичъ, отъ трехъ перловъ черныхъ, съ треми концы.

7. Варахіиль—благословенія Божія податель и божіихъ благодѣяній намъ ходатай, носящъ въ иѣдрахъ одежды своея цвѣты розъ бѣлыхъ.

И еже зрять у дверей Господнихъ, и держать скіпетры въ рукахъ, еже хранять ложе Господне и дивятся множество ангель и архангель, и рекутъ: проклените Сатану и діявола, да не прикоснется ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), ни въ день, ни въ нощь, ни на пути, ни на семъ же мѣстѣ,—но соблюди, Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, молитвами всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (189).

№ 56. Завѣщеніе Кипріаново.

И азъ, окаянныи, обѣщаюсь и кленусь всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ его образомъ, да разрушатся¹⁾, понеже и азъ разрѣшихъ и разрѣшаю, прогнахъ и прогоняю, и всю силу бѣсовскую проклинаю:

1. Калу,
2. Сапусъ,
3. Мараса,
4. Лукъ Малоубійской,
5. Ехорана, князя бѣсовскаго,
6. Верзаула совсю силою его проклинаю и прогоняю,
7. Чирила и всю силу его проклинаю,
8. Гайку,
9. Тагайку²⁾,

¹⁾ Вѣроятно—разрѣшатся.

²⁾ Можно читать и—Таганку.

10. Марту Фраску,
11. Фараонка,
12. и высокоумного Войну,
13. Обдѣнка,
14. Измаила Измаиловича и всю силу его,
15. и темного блудного бѣса Сольцу проклинаю,
16. проклинаю Каржикалка,
17. Картиналову жену,
18. и Штипильлимку,
19. Акенееса,
20. Дунейса,
21. Хрисокулиса,
22. Оракушку,
23. Дуйдукулиса,
24. Пантикалиса,
25. и Ерлидакевеса,
26. Ернидовоса,
27. Фектишилиса,
28. Анеиріала,
29. Факеіяла,
30. Мардикіала.

Проклинаю и прогоняю:

- Ихіда бѣса,
- Ефіопа грозного,
31. Езўита страшливаго,
32. Синца блудного,
33. Истукана грубнаго и огневиднаго,
34. Политама смутнаго
35. и водяного бѣса Ярахту.

Проклинаю и прогоняю:

36. Taxія,
37. Сенахія,
38. Елизаду,
39. Даила,
40. Мара,
41. Салуктамара,

42. Ереміорка и въ глубинѣ проклятаго змія, который привель Христа на распятіе.

Прогнахъ и прогоняю, и ихъ бѣсовъ проклинаю, и гдѣ въ кладезь со огнемъ адскимъ, изъ котораго данъ быть ключъ любому змію:

43. Люципера, егда спаде съ небесе въ преисподнія земли, гдѣ суть купно съ нимъ и осужденныя,

44. Манонъ беззаконный,
45. Сатана треокаянныи,
46. Амодей¹⁾ похотливый,
47. Веліарь превратный,
48. Верзауль, князь бѣсовскій,
49. Бемеръ окрутный,
50. Левитантъ, начальникъ надъ всѣми сыны гордыми, и
всі души подземныи, которыхъ часто отвергаютъ землю и тво-
рять быть вѣтромъ прежестокимъ, и причиняютъ за грѣхи наша
многія пакости.

Обаче же, Богу попушающу, проклинаю и прогоняю:

51. Сисайка,
52. Вентирка,
53. Обдулка.

Проклинаю и прогоняю:

54. Вентилирусьу,
55. Дуйдусву,
56. Дойдунка.

Проклинаю и прогоняю:

57. Афиковла,
58. Голиенто,
59. Коръ,
60. Корчала,
61. Тымусита,
62. Подра,
63. Артимана,
64. Едолима,
65. Амикрота,
66. Дивита,
67. Затайку,
68. Ливитута,
69. Ливакраса,
70. Ликраса,
71. Луероса,
72. Пулла,
73. Галифита,
74. Сайча,
75. Скора,
76. Чала,
77. Помалита,
78. Ѹовру.

¹⁾ М. б.—Асмодей.

79. Актимана,
80. Елоеома,
81. Амихала,
82. Натолетку,
83. Ливотуса,
84. Ливокраса,
85. Хикраса,
86. Лифроса,
87. Меркулка,

88. Амодея¹⁾ лукаваго бѣса и всю силу сатанинскую прогнахъ и прогоняю, и проклинаю отъ сего раба Божія (имя рекъ), отъ дому его и отъ всего имѣнія его, малаго и великаго. Боже всевышній, иже суть, разрѣши болѣзнь сердечную своимъ рабомъ (имя рекъ) и мнѣ, рабу твоему больному, и разрѣши болѣзнь сию. Заклинаю вась, бѣсовъ, одѣвающімся свѣтомъ, яко ризою, единъ, имѣй власть, единъ, имѣй бессмертіе, и какъ я предъ Богомъ и судомъ его всесильнымъ въ томъ когда отвѣтъ дать могу, что предъ²⁾ ихъ всей діавольской силы ни подъ какимъ видомъ ихъ не имѣть и ни отъ кого впредь не принимать, и обѣихъ разглагольствія проклятыхъ бѣсовъ не чинить, и никаковыхъ ихъ писенъ себѣ въ руки ни отъ кого не принимать, и ничему не учиться. Какъ суще мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможеть.

Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего, яко тому подобаетъ всяка слава, честь и поклоненіе Отцу и Сыну, и Святому Духу нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (190).

№ 57. Заговоръ нащетъ суду.

Господи, благослови, отче! Одѣйся свѣтомъ, яко ризою; пропиная³⁾ нѣбо, яко кожу; покрываай облаки, препояса поясомъ Пресвятая Богородица, свяжи уста, языки и гортани у князей и бояръ, и управителей, и вельможъ, и у всякихъ властителей, и у приказныхъ служителей, подъячихъ и monkъ супостатовъ, которые со мной, рабомъ Божіимъ (имя рекъ), судитися станутъ; свѣтъ отъ нощи всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (191).

¹⁾ Вѣроятно—Асмодея.

²⁾ Вѣроятно—впредь.

³⁾ Въ псалмѣ—простираяй.

[Я не считаю удобнымъ печатать здѣсь сполна обширное чинонослѣдованіе надъ бѣсноватыми, помѣщенное на первыхъ 42 листахъ этого сборника, такъ какъ, во-первыхъ, иѣкоторая часть его (незначительная впрочемъ) является вполнѣ канонической (напр. псалмы Давида), а, во-вторыхъ, весь текстъ его я разсчитываю помѣстить въ другомъ мѣстѣ, снабдивъ нужными поясненіями, примѣчаніями и параллельными мѣстами. Но, по моему мнѣнію, все-таки нужно и вполнѣ умѣстно ознакомить съ содержаніемъ этого чинопослѣдованія лицъ, занимающихся заговорами и т. под. произведеніями, такъ какъ и въ данномъ случаѣ все основывается на вѣрѣ въ мощную силу словъ заклинателя. Поэтому въ дальнѣйшемъ даются тексты начальныхъ и конечныхъ заклинательныхъ молитвъ, перечисленіе ихъ и описание дѣйствий заклинателя. Сначала]

№ 58. Заклинатель со умиленіемъ и слезами чтѣть молитву сю: ¹⁾

Господи, Іисусе Христе нашъ, всел твари Творче, Создателю, живаго и бессмертнаго Отца, Сыне ²⁾, собеиачальне и соприсо-сущие, многаго ради бѣзмѣрнаго ³⁾ твоего человѣколюбія апо-столомъ своимъ власть давый, еже наступати на змію и на скорнію, и на всю силу вражію, и еже о имени твоемъ бѣзы изгоняти. Отъ нихъ же и азъ недостойный другопріимательне твоимъ человѣколюбнымъ смотрѣніемъ сіе достоинство пріимъ ⁴⁾, Твое великодѣлное и всестрашное имя со страхомъ и трепетомъ въ ⁵⁾ смиреніи мноземъ призываю, Тебѣ, Владыцѣ моему ⁶⁾, молюся: првзри на мя, недостойнаго раба твоего, и, преврѣвъ ми вся согрѣшенія вольная и невольная, укрѣпи мя иныхъ на брань сю, дерзновеніе ми подавая и силу, еюже побѣдимъ ⁷⁾ бывъ сатана, яко молниѧ съ небесе ииспаде; яко да и азъ, твою побѣдою вооруженъ крѣпко, побѣжу и сокрушу лютаго сего змія силу. Твоя бо есть держава, сила же и царство, и слава со безначальнымъ ти Отцемъ и пресвятымъ, и благимъ, и животворящимъ ти Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (192).

¹⁾ Заглавіе писано киноварью.

²⁾ Въ подлинникѣ — Сына.

³⁾ Въ подлинникѣ — бессмертнаго.

⁴⁾ Въ подлинникѣ — пріими.

⁵⁾ Въ подлинникѣ *въ* пропущено.

⁶⁾ Въ подлинникѣ — владычице моемъ.

⁷⁾ Въ подлинникѣ — побѣдити.

№ 59. А сіе, воставъ, водою священною кропитъ себе и бѣсноватаго, и всѣхъ глаголя: ¹⁾)

Сила и дѣйство всесвятаго и животворящаго Духа, освятившаго ²⁾ воду сию, да свободить отъ всякаго насилия и обстоянія вражія и насть всѣхъ да утѣшишь. (193).

Посемъ глаголи: [№ 60].

Благословенъ буди день и чась, воныже Господь и Богъ нашъ, Іисусъ Христосъ, родивыйся ³⁾ отъ Дѣви Маріи на сокрушение и ⁴⁾ разрушение діавольскаго мучительства и спасенія вѣрныхъ..... ⁵⁾ (194).

[Далѣе приводятся лишь киноварные помѣты и начало и конецъ молитвъ].

Заклинатель знаменуетъ себе крестнымъ знаменіемъ и крѣпкою вѣрою.

Во имя Отца в т. д. Повелѣваю вамъ, вселувавымъ, сквернымъ и нечистымъ духовомъ.... Конецъ... изображеніемъ знаменія честнаго и животворящаго креста Господня, нашего Іисуса Христа, имже испразднена бысть немощная ваша и мучительская власть.

№ 61. Взмъ въ десницу крестъ, подносить его, крестообразно знаменуетъ бѣсноватаго, глаголя:

Се Крестъ Господень, бѣжите, противныя силы, побѣдилъ бо есть, отъ волѣна Іудова, Господь и Богъ нашъ, Іисусъ Христосъ, поправый и сотрій вашу немощную силу. (195)

Знаменуетъ себе и обою страну крестомъ:

Господи, оружіе на діавола Крестъ твой даль еси намъ.... Конецъ... заступленіе сему бѣсу (или бѣсомъ) раба Божія сего (има рекъ) душу и тѣло.

¹⁾ Киноварь.

²⁾ Послѣ сего въ подлинникѣ еще разъ поставлено—Духа.

³⁾ Въ подлинникѣ—родися.

⁴⁾ Въ подлинникѣ—сокрушение.

⁵⁾ Точки въ подлинникѣ.

[Далѣе, съ незначительными пропусками, помѣщены бѣзъ обозначенія „Псаломъ 67“. Послѣ него:]

Слава... и нынѣ. Аллилуia 3-жды.

И аbie начинаетъ со всякимъ вниманіемъ и велиимъ дерзновеніемъ иже во святыхъ отца нашего Василія Великаго надъ страждущимъ:

Боже Богоў и Господи Господей, огненныхъ чиновъ Творче и невещественныхъ силъ Хитрче... Конецъ... твоє бо пъснословится пресвятое имя и отъ всякаго дыханія со страхомъ славится всесвятое имя Отца и Сына и т. д.

Взмъ священный поясъ, обложивъ выю бѣсноватаго, паки повелѣваеть¹⁾ симъ образомъ:

Повелѣваю тебѣ, иже аще тебѣ²⁾, нечистый душа, и всѣмъ клевретомъ твоимъ.... Конецъ... дондеже силою Бога вседержителя изгнани будете. Сице вамъ завѣщаю, крѣпко повелѣваю во имя Отца и Сына....

[Затѣмъ читается евангеліе отъ Матфея, зачало 34 (гл. X, ст. I—8), въ которомъ говорится, какъ Іисусъ Христосъ далъ ученикамъ власть надъ духами нечистыми.]

И паки, возложивъ десницу на главу его, глаголетъ: [№ 62].

Словесами³⁾ божественнаго евангелія да угаснетъ и исчезнетъ въ тебѣ (имя рекъ) вся сила лукаваго дѣвола и да вселиится сила Божественнаго Духа. Аминь. (196).

Крестомъ благословляетъ;

Се Крестъ Господень... Прежде написася (см. № 61). Господи, оружіе... (см. № слѣд.).

[Послѣ сего слѣдуетъ] псаломъ 53. [Послѣ псалма заклинатель]

¹⁾ Въ подланникѣ—аки повелѣваемъ.

²⁾ М. б.—въ тебѣ.

³⁾ Въ подланникѣ—словеса.

абіе со всякимъ дерзновеніемъ и крѣпостію чтеть молитву
Василія Великаго:

Заклинаю тя, злоначальника хульнаго, начальника сопротивного возстанія.... Конецъ... предавый въ долгую нощь и день тебе, всѣхъ алобы искусителя, изобрѣтателя¹⁾ діаволу, яко велий еси страхъ Божій и велия слава Отца....

И аbie со умиленіемъ чтеть сию молитву:

Господи Саваофъ, исцѣлай всякую болѣзнь и всякій недугъ, призри на раба твоего... Конецъ... бевъ всякаго препятія славити Тебе, единаго Бога, въ Троицѣ святѣй славимаго Отца и Сына, и т. д.

Да исчезнетъ въ тебѣ (имя рекъ) вся сила лукаваго діавола и да вліется сила Божественнаго Духа. Аминь.
Псаломъ 117. „Исповѣдайтесь Господеви“...

Молитва святаго Григорія Чудотворца:

Запрещаетъ ти Господь, діаволе, пришедый въ міръ, вселившися въ человѣцѣхъ... Конецъ... устранися отъ Божіаго создания сего своею силою и ангелы твоими. Яко прославится имя твое Отца и Сына...

Также символъ православныя вѣры 1-жды Так же «Трисвятое» и по «Отче нашъ»... Молитва Богоматери:

„Богородице, Дѣво, радуйся“...

Чти молитву сию:

Боже вѣчный, избавивый родъ человѣческій... Конецъ... благословенъ и препрославленъ съ пресвятымъ и благимъ, и животворящимъ ти Духомъ нынѣ и присно....

Псаломъ 34. „Суди, Господи, обидящія мя...“

¹⁾ Въ подлинниакѣ—изобрѣтателя.

Молитва Иоанна Златоустого:

Божественное и святое, и великое, и страшное, и нестерпимое... Конецъ... во вся дни живота своего Богу живому и истинному. Тому подобаеть всякая слава, честь и поклонение....

Молитва святаго Иоанна Златоустого:

Всѣмъ нечистымъ духомъ запретивъ и силою глагола изгнавъ легиона... Конецъ... съ нами свободно прославится. Безначального Отца съ единороднымъ Ти Сыномъ...

Молитва святаго Григорія Чудотворца:

Богъ святый, страшный и славный во всѣхъ дѣлѣхъ и крѣпости своей... Конецъ... предавъ во тьму кромѣшную, идѣже червь не усыпаетъ и огнь не угасаетъ. Яко держава Христа, Бога нашего со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ...

Псаломъ 3-й. „Господи что ся умножиша“...

[Двѣ заклинательныя молитвы помѣщаю далѣе въ полномъ видѣ].

№ 63. Молитва святаго священномученика Күпріана¹).

Призываю тя Владыко, Боже Вседержителю, вышній, неискусимый, мирный Царю! Призываю Тя, сотворшаго небо и землю, отъ Тебе бо произиде алфа и омега,—сій есть начатокъ и конецъ, предавый человѣкомъ въ послушаніе четвероночный и безсловесный животныя. Ты бо покорилъ еси, Господи, прости руку твою крѣпкую и мышцу твою высокую и святую, и просвѣщеніемъ твоимъ святымъ посѣти созданіе твое сіе, и исполни ему ангела мира, ангела державна, души и тѣла хранителя, яко да запретить и отженеть отъ него всякаго²) лукаваго и нечистаго демона. Ты бо еси единъ Господь высокий, Вседержитель благословенный въ вѣки вѣковъ. Аминь.

Заклинаю тя Духомъ, вдохнувшимъ человѣкомъ животъ вѣчный, егоже имѧ страшно и усты человѣческими неизглагоданно!

¹⁾ Заглавie писано киноварью.

²⁾ Въ подлинникѣ слова: отъ него всякаго—написаны дважды.

Заклинаю тя грядущимъ огнемъ и жупеломъ, и пескомъ, и трубою; ему же явшуся, солнце побѣжть на западъ и звѣзы спадутъ на землю, и восплачутся вся племена и людіе!

Заклинаю тя спедшимъ въ дольнаа страны и земли и расторгшимъ твердыя вереи, и разрушившимъ болѣзни смертныя, и благовѣстившимъ патріархомъ изъ мертвыхъ воскресеніе!

Заклинаю тя ходившимъ по морю и укротившимъ волны его!

Заклинаю тя повелѣвающимъ морю издати¹⁾ вся въ немъ истопившіяся и земли въ ней лежащихъ мертвыхъ преставити живыхъ на судъ Богу!

Заклинаю тя повелѣвшимъ морю не преступати предѣла своего, дондеже придетъ Господь судити міру!

Заклинаю тя сошедшими на Синайскую гору и глаголавшими съ Моисеемъ и Арономъ, и явившимся имъ въ пламени огненному и въ стогрѣ облачномъ!

Заклинаю тя изведшимъ люди своя отъ земли Египетскія и давшимъ имъ изъ камени сладкую воду пити, и претворившимъ воду въ кровь.

Заклинаю тя казнившимъ Египта Моисеемъ десятию язвъ!²⁾

Заклинаю тя поразившимъ первенца Египетскаго!

Заклинаю тя попалившимъ Содома и Гоморру, и пять градовъ иныхъ одожденiemъ съ небеси огненного града!

Заклинаю тя сѣдащимъ на престолъ славы, предъ нимже огнь течеть и ему же предстоять тьмами темъ ангель и тысячиющими тысяща архангель и серафимъ, воцюющихъ: „свѧть, свѧть, свѧть, Господь Саваофъ, исполнь небо и земля славы твоей: Благословенъ еси во вѣки. Аминь!“

И ты, душа лукавый, аще и не хотя, воздаждь славу именіи святому его, идѣже аще сѣдиши въ удеси тѣла созданія сего, или въ главѣ, или въ тѣлеси, или въ крови, или въ очи, или въ сестехъ, или въ языцѣ, или въ выи, или въ плещу, или между плещами, или въ мышцахъ, или въ персахъ, или въ души, или въ сердцы, или въ селезнѣ, или въ плющахъ, или въ чревѣ, или подъ чревомъ, или въ точилѣхъ, или въ естественныхъ предѣлахъ, или въ крѣпости, или въ жилахъ, или въ костяхъ, или въ листѣхъ, или въ голенѣхъ, или въ ногу, или въ лицахъ, или въ кровицахъ, или въ костѣхъ, или въ мозгу, или въ крови, или въ властѣхъ, или въ нохтѣхъ, или во всемъ тѣ-

1) Въ подлинникѣ: повелѣваю хотящимъ по морю и здати..

2) Разстановка словъ должна быть: Моисеемъ, казнившимъ Египта десятию язвъ.

лесъ—отлучися, отстриши и назди, душе лукавый, и дасть славу Господеви, яко Господь сильный надъ всѣми есть; ибо клястся¹⁾, идѣже аще кто призоветъ имя Господне, еще исчезнути вамъ.

Заклинаю тя именемъ Господа, Іисуса Христа, распеншагося при Понтійстѣмъ Пилатѣ!

Заклинаю тя речшимъ: „небо миѣ престоль есть, земля же подножіе ногама моима!“

Заклинаю тя архангелами его Михаиломъ и Гавріиломъ, Уріиломъ и Рафаїломъ!

Заклинаю тя великимъ именемъ сына Божія отлучитися отъ созданія сего и ниже съ нимъ ясти, ниже съ нимъ сложну быти съ нимъ, подати славу имени святому его!

Заклинаю тя всеобразне на злострѣтеніе и нападеніе дневное и полуденное, и полунощное, идѣже аще еси, отлучися отъ созданія сего и не изведи душу, не разсыпи, ниже разруши тѣло его, но остави его чиста и жива на службу Богу!

Заклинаю тя грядущимъ утвердити²⁾ престолъ между небомъ и землею и судити всему роду человѣческому, праведнымъ же и грѣшнымъ!

Ты убо, душе нечистый, убойся имени святаго его и отъиди отъ созданія сего, убойся огня неугасимаго, ровва огненнаго, всепоядающаго; убойся и уготованаго огня и жупела³⁾ и приклони губителей; убойся явльшагося Моисееви и Ааронови на горѣ Синайстѣ; убойся явльшагося⁴⁾ Іоанну на рѣцѣ Йорданстѣ, егоже видѣвше, рѣка убояся, и уступи, и возвратися вспять. И ты, душе лукавый, убойся, отступи, отстриши отъ созданія сего. Заклинаю тя одѣюющимся свѣтомъ, яко ризою, единѣмъ, имѣющимъ безсмертіе⁵⁾). Тому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе Отцу и Сыну, и Святому Духу нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (197).

№ 64. Молитва заклинательная⁶⁾.

Заклинаю тя, гордыни и всякой злобы, лукавства же и отступства изобрѣтателю⁷⁾ и начальниче, діаволе, превеликимъ,

¹⁾ Въ подлинникѣ—клястеся.

²⁾ Въ подлинникѣ—утверди.

³⁾ Въ подлинникѣ—огнь и жупель.

⁴⁾ Это слово вставлено мною.

⁵⁾ Въ подлинникѣ—бессмертіе.

⁶⁾ Заглавие писано киноварью.

⁷⁾ Въ подлинникѣ—изобрѣтателю.

предивнымъ, страшнымъ именемъ единаго, въ Троицѣ славимаго и поклоняемаго Отца и Сына, и Святаго Духа, небо и землю, и вся, яже на нихъ, видимая и невидимая, и тебе, добра и свята, отъ небытія сотворшаго и извергшаго¹⁾ тя и всѣхъ спопѣщниковъ твоихъ злобъ, нечистыхъ духовъ, съ небесъ, узами мрака связавши ихъ²⁾). Убойся сего, осужденниче, и скоро изыди отъ созданія сего!

Заклинаю тя, вселувавый враже человѣческаго рода, древнимъ зміемъ, превеликимъ и страшнымъ именемъ Господа нашаго, Іисуса Христа, ему же всяко волѣно небесныхъ и земныхъ, и преисподнихъ съ трепетомъ покланяется. Убойся, проклятый низверженниче, изыди, устранися, отъ созданія сего!

Заклинаю тя и запрещаю ти спасительнымъ воплощеніемъ Господа нашего, Іисуса Христа, и преславнымъ его отъ приснодѣвы Маріи рождествомъ, имже ключи дѣвы невредимы³⁾, цѣлы сохрани. Убойся сего, истины сопротивниче, отъ созданія сего!

Заклинаю тебе, всѣхъ злыхъ искустителю, плотю осмодневною обрѣзвавшимся Господемъ и четыредесатимъ днемъ съ двою матерю во Іерусалимъ приведеннымъ⁴⁾, и на обятіяхъ праведнаго Симеона возлегшимъ, и дванадеситолѣтняго возрастомъ сый возвещшимъ во Іерусалимъ, и посредѣ учителей синедшимъ и разумомъ своимъ Божественнымъ и отвѣты предивными всѣхъ послушавшихъ удививый. Убойся сего, отступниче мерзкій, скоро изыди.

Заклинаю тя, сиверный демоне, Господемъ, во Йорданѣ плотю крестившимся⁵⁾, и Духомъ Святымъ, во образѣ голубиномъ сопшедшими на нань и гласомъ Отчимъ съ небесе бывшимъ: „Ты еси сынъ мой возлюбленный, въ Тебѣ благоволихъ!“ Убойся сего, безстудный лестче, и отъиди, и ктому не возвратися!

Заклинаю тя, погибельный душе, четыредесять дней и четыредесять нощей постившимся и твое искушение, діаволе, побѣдившимъ; речь: „не искусиши Господа Бога твоего!“ Убойся сего, всякия⁶⁾ лжи отче, и аbie отъ созданія сего устранися!

Заклинаю тя, діаволе, Богомъ воплощеннымъ, на земли явившимся и съ человѣки пожившимъ, неизгѣтнаго благодѣянія

¹⁾ Въ подлинникѣ—извергшагося.

²⁾ Въ подлинникѣ—связавшихъ.

³⁾ Въ подлинникѣ—невредимъ.

⁴⁾ Въ подлинникѣ—приведены.

⁵⁾ Въ подлинникѣ—крестившагося.

⁶⁾ Въ подлинникѣ—всякаго.

соторшимъ и путь спасенія мірови показавшимъ, и повелѣнія спасительныя давшимъ, и бѣсы словомъ прогнавшимъ, и различные недуги исцѣлившимъ. Се, убойся сего, адскій вселукавый смотче, вострепещи, устранися!

Заклинаю тебе, адскій, всенагубный лвѣ, прокаженный очистившимъ, слѣпныя прозрѣти, нѣмыя глаголати, глухія слышати, хромыя ходити, разслабленный возстати соторшимъ и мертвый воскресившимъ¹⁾). Убойся сего, исконный человѣкоубійца, діаволе, и скоро съ трепетомъ бѣжи!

Заклинаю тя, прегордый лукавства рачителю, смиреніе намъ показавшимъ въ изложеніе твоєа высокія гордыни умовеніемъ²⁾ ногъ святыхъ своимъ апостоломъ. Убойся сего, гордынею вознесійся и до ада низверженіемъ смирившися, и абіе изыди и бѣжи!

Заклинаю тя, всякаго сороства и немилости исполненный мучителю, на тайной своей вечери преестественно существо хлѣба въ тѣло свое пречистое и существо вина въ кровь свою пречистую претворившимъ и вѣрнымъ своимъ въ снѣдѣ³⁾ и питіе въ оставленіе⁴⁾ грѣховъ подавшимъ и сіе творити въ свое воспоминаніе повелѣвшимъ. Убойся Того, всѣхъ ерѣсей изобрѣтателю и нечестія всякаго кореню, діаволе, и ничто же умѣди, но абіе изыди, устранися!

Заклинаю тя, всѣхъ грѣховъ и погибели источниче, безкровною, страшною, животворищею жертвою тѣла и крове Господа нашего Іисуса Христа, еюже⁵⁾ вѣрніи спасаются, ты же и погибельная твой сила испражняется. Убойся сего⁶⁾, непоказательная злоба, мерзкій нечистый душа, и бѣжи отъ создания сего!

Заклинаю тя, зависти глубина преестественная⁷⁾, въ вертоградѣ молитвою Господнею и каплями крове, яко поть отъ пречистаго тѣла его на землю капиuvшиими. Убойся сихъ, добронепавищниче и погибели сыне, и скоро изыди!

Заклинаю тя, прелести всякия источниче, изволившимъ свя занъ, бѣнь и ведень къ Аянѣ и Каїфѣ, заущенъ же и оплеванъ, и люто мучимъ въ иощь быти, и Пилату представшимъ,

¹⁾ Въ подлинникѣ—воскресившимъ.

²⁾ Въ подлинникѣ—умовеніе.

³⁾ Въ подлинникѣ—въ снѣдѣ.

⁴⁾ Въ подлинникѣ—овленіе.

⁵⁾ Въ подлинникѣ—его-же.

⁶⁾ Въ подлинникѣ—сехъ.

⁷⁾ Въ подлинникѣ—глубиною преестественною.

и отъ него много истязаннымъ мучимый, и у столпа на гонори-
ваннымъ, и битымъ, и въ хламиду на руганіе облеченныймъ,
вѣнцемъ терновымъ обложеніймъ¹⁾, тростю по главѣ биченнымъ,
отъ Ирода укореніймъ и поруганнымъ²⁾, и на смерть отъ Пилата
осужденымъ. Убояся сего, древняя злоба, всякия муки
достойный, и его лютыхъ болѣзней, и страшныхъ, намъ же
спасенныхъ³⁾ муки, имиже⁴⁾ твою немощную силу скруши,
и съ трепетомъ въ бѣгство претворися!

Заклинаю та, съ небесе спадшаго, Деннице, на смерть ве-
домыи Господемъ и крестъ свой понесшии, и многая уничи-
женія, и раны тогда отъ вѣрюющихъ его спасенія нашего по-
гибли же тогда отъ вѣрюющихъ его ради претерпѣвшихъ⁵⁾.

Заклинаю та, безстудный оболгатель и клеветниче, наго на
крестѣ посредѣ двою разбойнику пригвожденыи, ощтомъ и
желчю напоенныи⁶⁾ и лютыми и неизлаголанными болѣзнями
Его, яже лютыми на крестѣ нашего ради спасенія, осуждены
же⁷⁾ твоего, діаволе, претерпѣ; и святыми Его пречистыя крове
нешадными изліяніи⁸⁾. Убояся сихъ, Божій враже и лжи, и лу-
кавства источниче, ужаснися и аbie изыди!

Заклинаю та, безстудный оболгатель и клеветниче, седмию
словесъ Господнихъ на крестѣ на спасеніе наше, на твою вѣч-
ную погибель изреченными, и животворною его смертю, еюже
мы ожихомъ, ты же умерщвленъ еси. Убояся сего, всякия bla-
гости вѣчно осуждениче, возстени и скоро исчезни отъ соада-
нія сего!

Заклинаю та, всякия правды противниче, Тѣмъ, егоже солнце
на крестѣ висяща, видѣвши, померче и земля восстрапета, и
завѣса церковная раздрася, и его же силою каменіе распадо-
шаися и гробы отверзошаися, и тѣлеса усопшихъ святыхъ во-
сташа и, по воскресеніи Его, внидоша во святый градъ, Іеру-
салимъ, и явишася многимъ. Убояся сего, суровый мучителю и
лукавства бездно, и скоро изыди, устранися отъ создания сего.

Заклинаю та, развратниче вселукавый, прободеніемъ пре-
чистаго ребра Господня, изъ него же истече кровь и вода въ

¹⁾ Въ подлинникѣ—обложенъ.

²⁾ Въ подлинникѣ—поруганъ.

³⁾ Спасительныхъ:

⁴⁾ Въ подлинникѣ—имже.

⁵⁾ Весь этотъ абзацъ очевидно спутанъ.

⁶⁾ Въ подлинникѣ—напоенный.

⁷⁾ Этого слова въ подлинникѣ нѣть.

⁸⁾ Въ подлинникѣ—изліяній.

наше спасение и обновление, въ твоем же конечное сотрение и силы твоей сокрушение. Убойся силы¹⁾ сего огня вѣчного вещества и скоро устранися!

Заклинаю тя, бѣзчинія всякаго и раздорства изобрѣтателю, Боготѣлеснымъ Господа нашего, Иисуса Христа, погребенiemъ и всесильнымъ Его во адъ съ душою и Божествомъ сопшествіемъ, иже тамо силою своею Божественною тебе, во злобѣ сильнаго злоначальника, связа и силы твоя, твоей злобы, изпраздни, и души праведныхъ, тамо связанныхъ плѣни, и съ Собою²⁾, яко силенъ въ крѣости, возведе. Убойся сего, вѣчнаго Божія гнѣва наслѣдническаго, и скоро отъ созданія сего отзыди!

Заклинаю тя, крамольниче наѣтливый, смертью смерть по-правившъ и твою мучительскую державу разрушившъ, преславно же изъ мертвыхъ силою своего³⁾ Божества самовластию воскресившъ, Господемъ нашимъ, Иисусъ Христомъ. Убойся крѣпкаго побѣдоносца, Божій сопротивническаго и погибельный сосуде, и стрепетно вскочи, устранися!

Заклинаю тя, клятвы осужденія наслѣдническаго, по воскресенію своемъ апостоломъ своимъ преславно плотю явившимся и миръ свой тѣмъ, и власть свою на прогнаніе тебе давшимъ, и съ ними рыбы печеної и отъ пчель сотъ ядившимъ, и юному приносеніемъ своихъ ребръ пречистыхъ, ручныхъ же и ножныхъ язвъ увѣрившимъ и четыредесять дней на земли пребывшимъ. Убойся сего, вѣчныхъ муки повинническаго, скоро иззыди и далече отскочи отъ созданія сего!

Заклинаю тя, мерзкій и всякая нечистоты исполненный душа, плотью возвнесшимся на небеса Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ, со словою⁴⁾ одесную отца сѣдающимъ и, скончавшимся днемъ Пятъдесятницы, по своему неложному обѣщанію Духа Святаго, отъ Отца исходящаго, на своя апостолы во огненныхъ языцѣхъ виспославившимъ, и тѣмъ благоразуміемъ тѣмъ же весь миръ просвѣтившимъ, и отъ идолослуженія къ себѣ обратившимъ, тебе же и твою лесть испразднившимъ. Убойся, всякой злобы неистощимая пучино, вострецющи, убойся, отбѣжи!

Заклинаю тя, напрасный, свирѣпый и напущенный душа, паки со словою многою на облазѣхъ грядущимъ судити живыхъ и мертвыхъ⁵⁾ великимъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ,

¹⁾ Въ подлинникѣ— „силы“ въ скобкахъ.

²⁾ Въ подлинникѣ— и собою.

³⁾ Въ подлинникѣ— своею.

⁴⁾ Въ подлинникѣ— славу.

⁵⁾ Въ подлинникѣ здесь снова повторено слово— су ти.

Иисусъ Христомъ, тебе же и всю споспѣшную, алебную силу вѣчному огню въ нескончаемую муку предати хотящимъ. Убоися сего, духъ хищный, звѣрю, огня же геенского и муки вѣчныя виновнич! Изыди, что медиши^ю небесныя браны побѣжденный начальнич! Отступи, Божій отступниче! Устранися, Богомъ побѣжденный хульнич! Бѣжи, Христомъ испражненный и попранный, враждоначальнич!

Богъ, сильный въ крѣости и крѣпкій въ силѣ, страшный въ браняхъ и дивный въ чудесахъ,—Той тебѣ, милости недостойному, всякия неправды исполненному и свѣтоносія лишенному прелестнику, крѣпко и грозно мною, работѣ своимъ (имя рекъ) повелѣваетъ отъти отъ созданія сего въ пустая и безводная мѣста, идѣже ниже человѣкъ, ниже звѣрь обитаетъ, и этому во вѣки не возвратитися въ нему, яко сила и держава, царство, слава Христа Бога вашего съ безначальнымъ его Отцемъ и пресвятымъ, и благимъ, и животворящимъ его Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (198).

[Далѣе, послѣ черной чернильной концовки, помѣщены списки имёнъ святыхъ, помогающихъ противъ духовъ нечистыхъ].

№ 65.

1. Михаилъ архангель,
- Гавріилъ архангель,
- Ілья пророкъ,
- Харлампій священномученикъ,
5. Іоаннъ преподобный,
- Николай чудотворецъ,
- Сергій Радонежскій,
- Тихонъ преподобный,
9. Нифонтъ преподобный. (199).

XXVI.

[Отрывокъ, два листа in Folio (ш. 21 снт., дх. 33 снт.), какого то большого сборника, представлявшаго собою нѣчто вродѣ записной книги. Бумага и почеркъ (скоропись) второй половины XVIII вѣка. Филигрань—сидящая въ загородкѣ съ длиннымъ посохомъ фигура и буквы А. Г. В; на другомъ листѣ монограмма (срвн. Лихачевъ табл. 84. № 582¹—1762 г. и 582²—1770 г.).

Въ этомъ отрывкѣ безъ всякаго порядка и связи помѣщены рядъ замѣтокъ преимущественно медицинскаго характера, наряду съ которыми записана и печатаемая ниже молитва „Отъ младенческаго“ съ указаниемъ ритуала. Кроме медицинскихъ средствъ (какъ напр.: „сипатея отъ зубовъ“, „отъ пьянства“, „если спазмы“, „отъ почесунъ харашо“ и т. под.) здѣсь же даются свѣдѣнія: какъ „узнавать какія месецы будуть“, „для пчелъ“, „отъ мошки“ и пр. Вообще, вся рукопись была вѣроятно, цѣнной сокровищницей разнаго рода народно-медицинскихъ и суевѣрныхъ средствъ, повѣрій, гаданій и примѣтъ.

Неизвѣстный составитель старался писать по возможности тщательно и четко; съ обѣихъ сторонъ каждой страницы отличованы узкія полы (2 снт.).

Рукопись не переписывалась съ другой, а отдельныя замѣтки заносились по мѣрѣ накопленія матеріала. Это доказывается разнохарактерность почерка и различная чернила, которыми написаны находящіяся рядомъ мелкія замѣтки.

Листы были вырваны изъ переплетенной рукописи.

Приобрѣтеніе сдѣлано въ Костромѣ на толкучкѣ, вмѣсть съ другими бумагами, въ 1908 г.

Ореографія рукописи исправлена; фонетическія особенности сохранены].

Хараші читать сю молитву, естьли кто въ умѣ помѣшатца. А читать ее 40 дней, и каждой день по 12 разъ прочитать, то апять придется въ разумъ человѣкъ.

[Эти слова, съ которыхъ начинается нашъ отрывокъ, вѣроятно относятся къ другой, не сохранившейся, молитвѣ].

№ 66. Отъ младенческаго молитва.

Изусъ шолъ чрезъ Йорданъ, встрѣтился въ дѣтскимъ младенцомъ. Изусъ спросилъ: „гдѣ ты хочешь идти?“ Младенецъ сказалъ:—Имъ-мерикъ¹⁾.— А Изусъ сказалъ: „Тебѣ не надо идти; воротись въ Йорданъ!“ (200).

Когда эту молитву читать, то сложить три пальца и вокругъ водить, докамѣ читаешь, потомъ читать будешь.

„Во имя Бога Отца“... Х и перекрестить. „Бога Сына“... Х перекрестить. „Бога Святаго Духа“... Х перекрестить. „Аминь, аминь, аминь“. Х перекрестить.

А до креста читать, то всо тремя пальцами обводить.

¹⁾ Вѣроятно это значить—имя рекъ.

[Позволяю себе, для характеристики отрывка, присоединить еще одну любопытную запись о лечении осиновой коркой болезни въ боку, такъ какъ здѣсь указанъ и своеобразный результатъ лечения].

№ 67. Отъ боку лекарство осиновая корка.

Одна дѣвочка была больна съ ребячества до 17 лѣтъ бокомъ, Калусской губерніи, господина Валадимера Иваныча Демидова. Сколько лекари не лечили, не было лехче. Но старуха-мать ее наскоабила осиновой корки и напарила, и, проѣдя жижу, пила по два стакана въ день, а коркой парила,— то боку стало лехче, перешло въ животъ, и здѣлались муки и патуги, и черезъ 5 дней родила камень порядочной, и стала здарова. (201).

XXVII.

[Въ архивѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, не смотря на сравнительное обиліе материаловъ по Костромской губерніи, при тщательномъ просмотрѣ рукописей удалось найти только два помѣщаемыхъ ниже подходящихъ №№. Крайне скучны въ архивѣ О-ва свѣдѣнія и вообще по народной медицинѣ Костромской губерніи].

№ 68. [Заговоръ отъ порѣзу или порубу].

На морѣ, на окianѣ лежитъ Латышъ камень; на томъ каменѣ сидитъ дѣвица: золотой гребешокъ, шелковый узелокъ; прядеть тонко-на-тонко, навиваетъ того-на-туго. Когда ниточка порвется, то и кровь уймется. (202).

[Изъ архива И. Р. Г. О-ва; XVIII, 19. Рукопись *I. Тихомирова*. „Этнографическое описание села Рождествина Нерехтского уѣзда Костромской губерніи“, стр. 9. 1853 г.].

№ 69. [Средство отъ утина].

При болѣзни поясницы кладутъ больного на порогъ дома, головою въ сѣни. На спинѣ кладутъ дѣвѣ въ четверть длины палочки крестообразно. Первый рожденный человѣкъ, мужчина

или женщина, либо послѣ всѣхъ рожденный, береть топоръ и по палочкамъ три раза ударяетъ остріемъ.

Больной спрашивается:

„Иванъ, что ты рубиши?“

Тотъ отвѣчаетъ:

— „Угинъ рублю!“

Больной опять приговаривается:

„Руби больше, чтобы не было!“ (203).

[Изъ архива И. Р. Г. О-ва; XVIII, 14. Рукопись С. Кострова. „Галичъ и его уѣздъ“, стр. 7].

XXVIII.

[Заговоры, записанные лѣтомъ 1908 г.]

[А.) Отъ Аны Петровой, прислуги въ г. Ветлагѣ, крестьянки изъ подгородной деревни, 39 лѣтъ отъ роду. Она уже болѣе десяти лѣтъ живеть въ прислугахъ „по господамъ“, т.-е. въ усадьбахъ и въ городѣ, но въ силу заговоровъ вѣрить, хотя и говорить, что не всякий заговоръ силу имѣть и не всякий человѣкъ заговаривать можетъ: другой только зубы заговариваетъ, т. е. болтастъ зря, безъ пользы. Заговорамъ научилась отъ матери, которая знала ихъ „нѣсколько“ (въ смыслѣ много), а сама Анна Петрова не все выучила, а которые и попризабыла.]

№ 70. Заговоръ отъ блокъ, клоповъ, таракановъ и другихъ насѣкомыхъ.

Блохи, клопы, тараканы и всякая тварь,

Вотъ иду я къ вамъ, гость:

Мое тѣло, какъ кость;

Моя кровь, какъ смола;

Ѣшьте мохъ, а не меня!

Слово мое крѣпко. Ключъ, замокъ.

Аминь, аминь, аминь. (204).

№ 71. Утренняя молитва.

1. Ангелю мой,
Сохранителю мой,
Сохрани душу мою,
Скрѣпи сердце мое.
5. Врагъ-сатана,
Отступись отъ меня—
Есть у меня
Почище тебя,
Да получше тебя:
10. Марко да Лука,
Третей Никита, св. мученикъ,
За меня муку терпить,
За меня Христа молить;
Есть Иванъ-богословъ,
15. Другъ Христовъ.
Попередъ меня крестъ,
Назади меня крестъ,
Я крестомъ крестилась (лся),
„Богородицей“ оградилась.
20. Господи, благослови.
Аминь. (205).

№ 72. Приговорить парня.

1. Господи, благослови,
Господи, спаси,
Господи, помоги!
Голубчикъ мой,
5. Я—голубка твоя,
Хочу съѣсть тебя
Съ руками,
Съ ногами,
Съ ясными очами,
10. Со буйной головой,
Съ умомъ, мыслию твоей,
Человѣческой.
Я—дыхать,
Ты по мнѣ вадыхать;
15. Я—помнить,
Ты по мнѣ тосковать,

Ни днемъ, ни ночью покоя не видать;
Мой—вздохъ,
Твой—охъ!

20. Такъ бы и было, какъ сказано,
Крѣпко-на-крѣпко завязано. (206).

Зааминить трижды. Читать по зарямы, на вечерней и на утренней.

№ 73. Отговорить дѣвку отъ парня.

Не во имя, не Отца, не Сына и не Духа Святаго. Не аминь.

Встану я, раба Божія (имя рекъ), не благословясь, пойду, не перекрестясь, изъ дверей не въ двери, изъ воротъ не въ ворота, сквозь дыру огородную. Выйду я не въ чистое поле, не въ подвосточную сторону, посмотрю въ подзакатную сторону. Подъ той ли подзакатной стороной течеть смородянная¹⁾ рѣка; по той ли смородянной рѣкѣ плыветъ смердячій челнъ, въ смердячемъ челнѣ сидить Немаль-человѣкъ—чертова рожа, змѣиная кожа, съчи глаза, волчья пасть, медвѣжій взглядъ, образъ звѣриный, а вздохъ змѣиный. И какъ этотъ Немаль-человѣкъ страшенъ и ужастенъ, горекъ и приторенъ,—такъ же бы казался и страшенъ, и ужастенъ, и горекъ, и приторенъ рабъ Божій (имя рекъ) рабъ Божіей (имя рекъ) днемъ и ночью, утромъ и вечеромъ, въ полдень и заполдень, въ полночь и заполночь, на ветхомъ мѣсяцѣ и на молодицѣ, и на перекрой; во всякое время и безвремяне! Какъ бы звѣрь рискучій въ темномъ лѣсѣ, какъ змѣй ползучій въ чистомъ полѣ. Не могъ бы рабъ Божій (имя рекъ) съ рабомъ Божіей (имя рекъ) ни думы подумать, ни мысли помыслить, ни взглядъ взглянуть, ни бесѣды побесѣдоватъ. Дрались бы и цапались, и въ глаза кидались, въ кровь царапались и навстрѣчу бы не встрѣчались, и на умѣ другъ друга не держали всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ. Аминь, аминь, аминь! (207).

Послѣ этого заговора взять сучекъ двойнашку, разломить надвое, одну часть сожечь, а другую закопать въ землю, съ приговоромъ:

№ 74.

Какъ двумъ этимъ часточкамъ не сростись и не сойтись, такъ же бы рабъ Божіей (имя рекъ) съ рабомъ Божіимъ (имя рекъ) не сходиться и не встрѣчаться навѣчно. (208).

¹⁾ Т. е.—смрадная, воловинная.

№ 75. Противъ крови заговоръ

1. Встану, благословясь,
Поиду, перекрестясь,
Въ чистое поле,
На синее море.
5. Въ чистомъ полѣ,
На синемъ морѣ
Синій камень,
На немъ конь карій;
На конѣ сидить человѣкъ старый,
10. Держитъ въ рукахъ иголку золотую,
Ниточку шелковую;
Шьетъ, рану зашиваетъ,
Кровь-руду унимаетъ,
Щемоту-ломоту вынимаетъ,
15. Призоры, прикосы отгонаетъ,
Отъ раба Божьяго (имя рекъ).
Ты, кровь, стань
Не теки и не кань
у раба Божьяго (имя рекъ ¹).
20. Во вѣки вѣковъ. Аминь. (209).

Говорить три раза, обводя трижды иголкой вокругъ раны.
Иголку бросить въ рѣку или колодецъ.

№ 76. Отъ усовей ²).

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.
Возьму я спицу желѣзную,
Востреѣ у спицы мѣдное,
Пойду усово волоть.
„Усово, ты, усово волючая,
Ты меня колешь разъ, я тебя—два;
Ты меня—два, я тебя—три;
Ты меня—три, я тебя—четыре;
Ты меня—четыре, я тебя—пять;
Ты меня—пять, я тебя—шесть;
Ты меня—шесть, я тебя—семь;
Ты меня—семь, я тебя—восемь;

¹) Заговоръ раздѣленъ на стихи мною.

²) Колотье въ поясницахъ и въ бокахъ.

Ты меня — восемь, я тебя — девять;
Ты меня — девять, я тебя — девяносто девять,
Сто, пятьсот и тысячу.

Не переколоть тебѣ меня ни во вѣки вѣковъ. Аминь.
Изыди и не коли раба сего (или рабу сию, имя рекъ). Аминь,
аминь, аминь. (210).

Приговаривая эти слова покалываютъ болюче мѣсто ка-
зимъ-либо острый орудіемъ, лучше всего „громовой стрѣлкой“.

[Б) Сюда же присоединяю и двѣ нижеслѣдующія вещи,
записанныя въ Ветлугѣ же отъ ямщика, урожденца Ветлужскаго
уѣзда, имя и фамилию котораго, равно какъ и мѣстожитель-
ство, записанныя на отдѣльномъ лоскутѣ бумаги, унесъ вѣтеръ
изъ случайно раскрывшейся моей записной книжки].

№ 77. Бумага къ лѣсовику.

Пишу: царю лѣсному, царицѣ лѣсной, съ малыми дѣтьми;
царю земланому и царицѣ земляной, съ малыми дѣтьми; царю
водяному и царицѣ водяной, съ малыми дѣтьми. Увѣдомляю я
васъ, что у раба Божьяго (такого-то) потерялась бурая (или
какая) лошадь (или корова, или другая скотинина, обозначить
съ примѣтами). Ежели найдется у Васъ, то пошлите, не мѣш-
кая ни часу, ни единой минуты, ни единой секунды. А какъ
по моему не сдѣлаете, буду молиться на васъ святому велико-
мученику Божью Егорью и царицѣ Александрѣ. (211).

[Такого рода бумагу или „прощеніе“ пишутъ, если у кого
либо пропадетъ какая-нибудь скотинина. Пишутъ на берестѣ
справа нальво (обыкновенно только начало, а остальное дого-
вариваются) въ трехъ экземплярахъ: одинъ привязываютъ къ
дереву въ лѣсу, другой зарываютъ въ землю, а третій бросаютъ
съ камнемъ въ воду. Послѣ этого пропавшая скотина должна
притти сама на дворъ къ хозяину].

№ 78. Если корова удои потеряетъ.

Сходи на семь ключей или на семь рѣкъ, возьми воды въ
одну бутылку. Приди домой, зажги Богоявленскую свѣчу и
обойди съ „Богородицей“ вокругъ коровы трижды. Потомъ водой
съ семи ключей обмой вымя и говори:

Есть царь лѣсной, есть царь земляной, есть царь водяной,
а Небесный Царь всѣмъ царамъ Царь. Благослови, Господи,

меня, раба Божія (имя рекъ), и крестьянскій мой животъ. Ваята сія вода не ради хитрости, не ради мудрости, а ради Божіей милости: быль бы милый мой животъ крестьянскій здравъ и цѣль; и доила бы по прежнему и больше прежнаго во сто разъ, и бѣжало бы молочко по титечкамъ утромъ и вечеромъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (212).

[В) Выписано изъ рукописи, принадлежащей священнику с. Ивалъ, Хмелевицкой вол., Ветлужского уѣзда, о. Константину Островскому].

№ 79. Отъ дури (сумасшествія).

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Самъ Господь родился, бѣлый свѣтъ установился. Самъ Господь, Іисусъ Христосъ, съ небесъ спущался и [святым(и)] молитвам(и) благословлялъ раба своего (имя рекъ¹). Не кипи горячая кровь, не играй сердце у раба Божія (имя рекъ²) отъ дурной собаки, отъ лѣснага, отъ водяного, отъ первыхъ щенковъ. Самъ Господь, Іисусъ Христосъ, съ небесъ спускается и беретъ правой рукой шелковую пletкву и отхлестываетъ отъ нечистаго духа, отъ вѣтранаго, отъ лѣсного, отъ водяного, отъ еретика, отъ еретицы. Съ вѣтра пришло, на вѣтеръ поди; съ лѣсу пришло, на лѣсъ поди; съ воды пришло, на воду поди; отъ дурной собаки пришло, на собаку поди; отъ еретика пришло, на еретицу пришло, на еретицу поди. Зара потухаетъ и полегаетъ; у безъимянаго перста имя нѣть, имя не было—и не будетъ вѣки по вѣки, отнынѣ и до вѣка. Аминь. (213).

№ 80. На лечение скота.

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь; выйду я въ чистое поле, подъ красное солнце на Окіанъ-морѣ. На Окіанъ-морѣ стоять Божья церковь. Въ Божіей церкви—златъ престолъ. За златымъ престоломъ Самъ Господь, Іисусъ Христосъ, сидить и отчитываетъ 74 ногти, 74 когтя, 74 скорби, 74 болѣзни. И беретъ Самъ Господь, Самъ Іисусъ Христосъ три прута желѣзные и бьетъ корову (назвать имя

¹⁾ Шептунъ говорить свое имя.

²⁾ Называется имя больного.

екорины, редь и прѣтъ шерсти), и убиваетъ 74 скорби, 74 болѣзни, 74 ногти: костовой, мозговой, выпрягальный, запрягальный, тпрукальный, нукальный. Что не договорилъ, переговорилъ,— то впереди слово будетъ. У безымянного перста имя нѣть, имя не было и не будетъ вѣки по вѣки, отнынѣ и до вѣка. Аминь. (214).

[О. Константинъ Островскій, занимался собираниемъ свѣдѣній по народной словесности для Костромской ученой Архивной Комиссіи, разспрашивалъ лицъ, слышавшихъ за колдуновъ, объ ихъ заговорномъ искусствѣ. Но всѣ они отвѣчивались, только одинъ, да и то „подъ веселую руку“, рѣшился сказать священнику два приведенные выше заговора. На уговориванье священника бросить свое занятіе старикъ отвѣчалъ: „Нѣть, батюшка, польза большая вѣдь отъ ихъ бываетъ. Да, ну, хоть ругай, не ругай,—а тебѣ сказать можно было, потому какъ ты моложе меня“. И помолчавъ немного, добавилъ: „А и забавникъ же ты, батюшка!“ намекая очевидно на его разспросы и записи].

Заговоры и нашептыванія, кажется, обнимаютъ весь быть крестьянина, здоровье его самого и его скота; для примѣра приведемъ хотя вотъ эти:

[Г) Записаны въ с. Спасскомъ Кологривского у.].

№ 81. Заговоръ отъ пчель.

Сыра земля матушка,
Изосима и Савватія,
Пчолья мати,
Пчолушки-матушки,
Вы меня не жальте,
Въ бѣло тѣло не вливайтесь,
Кровь-руду на землю не пускайте!
Крѣпко-на-крѣпко, и нынѣ, и присно, и во вѣки
вѣковъ. Аминь. (215).

№ 82. Шутливый заговоръ отъ зубовъ

Зубы, вы, зубы,
Выболите всеѣ зубы,
Останьтесь одиѣ губы! (216).

[Не смотря на явно шуточный характеръ заговора, больные зубами часто сердятся, когда его слышать, такъ какъ вѣрятъ, что это пожеланіе можетъ исполниться, если у произносящаго дурной глазъ, или если есть какое-нибудь неудовольствие на больного].

XXIX.

[Тетрадь, 11 л. въ четверть (ш. 18 снт., дл. 22 снт.), второй половины XVIII вѣка; почеркъ—скоропись; филигрань—гербовый щитъ, поддерживаемый двумя львами, и годъ—„1783“. Начало и конецъ утрачены. Рукопись содержитъ въ себѣ рядъ духовныхъ стиховъ и апокрифовъ, но начинается и заканчивается отрывками молитвъ. Пробрѣтена рукопись въ Ветлужскомъ у. Костромской губ.].

№ 83. [Молитва].

... и исцѣли ему душевные и тѣлесные недуги, струны же и язвы, яко да прославитъ величество ея, Благодатная, и поеть съ нами имя Твое святое. Ты бо еси истинный Богъ нашъ, Врачъ душамъ и тѣлесмъ нашимъ, и Тебѣ славу возсылаемъ—Отцу и Сыну, и Святому Духу нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (217).

№ 84. [Заговоръ при трудныхъ родахъ].

Не борзась.

Иже обрѣте Іисусъ Христосъ со Іоанномъ Богословомъ, и обрѣте жену родшу и сердцемъ болѧщу, не можетъ родити. И рече Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, Іоанну Богослову: „гряди, Іоанне, рцы ей въ правое ухо: отъ Бога рождающу, отъ Бога питающу, изыди, младенецъ Христовъ, Христосъ тя зоветъ“. Помяни, Господи, сыны Едомскія, въ день Іерусалимъ глаголющія: истощайте, истощайтесь до основанія земли! Яко Твоя держава и Твое есть царство, и сила, и слава Отца и Сына, и Святаго Духа—нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (218).

№ 85. Молитва Антипѣ чудотворцу.

Рды съ умиленіемъ:

О, великий священномуучениче Антипо, помилуй мя, грѣшнаго раба своего (имя рекъ), отъ такой великой и тяжкой болѣзни зубовной, тебѣ бо дана отъ Бога таковая благодать — изѣлити болѣзнь зубную. О, великий священномуучениче Антипо, помилуй мя, грѣшнаго смиренного раба своего (имя рекъ); виждь мою скорбь и воздыханіе и преложи мою печаль... (219).

XXX.

[Излекаю также нѣсколько напечатанныхъ уже, но повидимому мало известныхъ заговоровъ

А) „Костромскія Губернскія Вѣдомости“, 1865, № 30, ч. неофф., стр. 249—250. Корреспонденція „Изъ Кологривскаго уѣзда“].

№ 86. Отъ тишины у младенца ¹⁾.

„Встану я, рабъ Божій *такой-то*, благословясь, перекрестясь, пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ черные облака; есть у меня, раба Божія,—въ чистомъ полѣ окіанъ-море,—на окіанъ-морѣ стоитъ златъ островъ, на златѣ островѣ стоитъ престоль, на златѣ престолѣ стоитъ Мать Пресвятая Богородица, съ синя мора пѣну сдуваетъ и спахиваетъ,—сдуй, смахни съ раба Божія (такого-то) двѣнадцать тишинъ, двѣнадцать камчужищевъ ²⁾, двѣнадцать недужищевъ, двѣнадцать щировыхъ ³⁾, костовыхъ, ломовыхъ, жильныхъ и полужильныхъ; ключи, замки—въ воду, огонь въ гору; во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь“. (220).

Прочитать этотъ заговоръ трижды.

¹⁾ Тишиною называется всякая болѣзнь, соединенная съ потерей сна, задумчивостью или бредомъ, поврежденіе умственныхъ способностей, у дѣтей—родимецъ, падучка и др.

²⁾ Название чирьевъ кучковатыхъ и паховиковъ.

³⁾ Вѣроятно—жировыхъ,

№ 87. Отъ ногтя у скота ¹⁾.

„Я, рабъ Божій,—встану, перекрестясь, Богу помолясь, честнымъ иконамъ поклонясь, выйду въ чисто поле, пойду изъ заворъ въ заворы ²⁾ къ синю морю, у синя моря стоять кузница; въ кузницѣ великие кузнецы: Мать Пресвятая Богородица, да четыре Евангелиста Марко и Матвій, Иванъ и Луканій, ³⁾ и Кузьма и Даміанъ ⁴⁾. Мать Пресвятая Богородица благослови, прикажи заковать, забить, отъ благословленного живота отъ скотинушки—двѣнадцать злыхъ недужищъ: корчевыхъ, ломовыхъ, костовыхъ, жильныхъ ⁵⁾, загонить ихъ въ окіянъ море, на самое роднище ⁶⁾, безживотную сторону; дайте Божій скотинушкѣ житѣе и здоровье, хозяину-христіанину на радость и всромогу. Аминь“.

Есть заговоры отъ людскаго, т. е. какъ бы напущенного людми, отъ переходящаго и проч.

Въ ловлѣ звѣрей или птицѣ, у пчеловодовъ, занимательны нѣкоторые пріемы и дѣйствія, наприм., если принесенную домой птицу—рабка, тетерю, зайца испортить кошка или собака въ томъ мѣстѣ, гдѣ хранится, то, по убѣжденію ловца, непремѣнно нужно, чтобы на будущее время была удачна охота, той кошкѣ или собакѣ разрѣзать ухо, добыть крови, окуриться ею самому, окурить ружье или капканъ, или петли—прочитавъ на передѣ заговоръ, обыкновенно, благословясь, перекрестясь — съ призываніемъ святыхъ, отговариваніемъ отъ призоровъ, отъ бабъ пустоволосыхъ, разноглазыхъ, кривозубыхъ, двоезубыхъ и т. д. Охотникъ окуривается самъ, окуриваетъ ружье, капканъ, петли; пчеловодъ окуриваетъ ули пахучими травами: богословской травою, бѣлою дремою, овсанкою и многими другими, и непремѣнно тутъ у него же есть росной ладонъ, бывшій въ церкви, богоявленская, субботняя и пасхальная свѣтка; у пчеловода—осколки отъ краевъ церковныхъ колоколовъ ⁷⁾.

1) Здѣсь размѣщается чемерь и друг. въ этомъ родѣ.

2) Проходъ въ огородѣ, забираемый жердями.

3) Лука и Луканій—имена въ народѣ не различаются.

4) Приводятся и другіе святые, кому и гдѣ какіе по обычаяу нужны: здѣсь разумѣется обычай православныхъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни молиться извѣстными святыми.

5) Набирается двѣнадцать кому какихъ съумѣется.

6) Туда, гдѣ какъ бы самое море зачинается—въ бездну.

7) Добываемые въ первый пасхальный утревій звонъ.

Бортяники въ Великій четвертокъ залѣзають на дерева, жужжать и гагайкаютъ въ томъ повѣры, что какъ далеко слышень ихъ крикъ, такъ отъ тѣхъ поръ пчелы будуть узнавать его бортъ и садиться въ нее, магнить тоже непремѣнная принадлежность пчеловода.

Здѣсь не приводимъ еще другой видъ заговоровъ, въ противоположности выше приведеннымъ, называемыхъ противными и читаемыхъ съ конца, что называется—съ аминя, и уже не съ призваніемъ святыхъ, а темной силы; не имѣемъ ихъ въ подлинникѣ, но прочетъ ихъ слыхали, и добыть ихъ списанными едва-ли удастся, какъ секретъ зонгарей, содержащий особенно въ тайнѣ.

Суевѣrie есть и такого рода: прошедшаго лѣта бытъ падежъ скота—одинъ крестьянинъ, для избавленія отъ падежа своего скота, зарылъ живими кота и свою охотничью собаку; другое семейство закопало живую одну собаку.

[Б) Изъ „Костромской Старинѣ”, изд. Костромской Губернской Архивной Комиссіи].

IV. Дѣло о Костромскомъ посадскомъ Дмитріѣ III., судившемся за написаніе къ женѣ своей чародѣйственной записки и дурное съ нею обращеніе.

(Началось 5 окт. 1827 года, кончено 10 окт. 1827 года).

Чародѣйственная записка... слѣдующаго буквально содержанія:

№ 88. [Присушка].

Ка дверь приклоняется, какъ приклонись женщина ко мнѣ, къ рабу Дмитрію,—Александра утромъ, вечерами и зарями, и днями, и часами—и до(ро)лы, и дьяволы, и сотоны, и чертенита. Послю тучу грозную и всѣхъ ваши дома выжгу и горье, долы и темны лѣса, и боры, и горы — все разрушу. (222).

№ 89. [Присушка].

Ка дверь притворяется, какъ приклонись женщина къ рабу Дмитрію Александра, приклонилась утрами, вечерами и днями, и часами, и минутами, но каждые въ умѣ держала, не спала и не лежала, что раба того на умѣ держала, и не пила, и не ъла, и дьяволы, и сотоны, и чертенита, и сатаныта приклоняйтесь къ намъ; луга, болота, горы и долы дѣлайте по моему: .

рабыню, ежи не сдѣлаеть по моему, не давайте сї ии ста(ть) и лежать, посылайте ко мнѣ, то раззорю луга и болота, и темные лѣса, послю тучу грозную; на морѣ на океанѣ, на островѣ на Буянѣ, вѣтры буйные, вѣтры храбрые, вѣтры полу-данные, ночные и полуночные, денные и полуденные дуйте и подувайте, Дмитрію Александрову ¹⁾) присушите и приворотите 70 жиль, 70 покосковъ, 77 суставовъ, 77 костей, 77 подкосковъ; какъ дверь воскидается туго на туго, также и она ко мнѣ, къ рабу, приклоняясь утрами и вечерами... (далѣе непечатныя ругательства) ...идолы, дьяволъ, покрывайте эти слова. (223).

Однажды Александра III. рассказывала ей при посадской, Авдотьѣ Алексѣевой Колодкиной, что поила своего мужа потомъ въ чаю и менструальной кровью въ красномъ винѣ и совѣтоваля и имъ сдѣлать это, говоря, что мужья ихъ будутъ ихъ больше любить и не будутъ ни за что ваказывать... (295 стр.).

„Костромская Старина“, вып. 3. Кострома. 1897. Н. А. Амбицкій. Извлеченія изъ 6 дѣлъ бывшей Костромской Уголовной Палаты 1810—1836 гг. (Стр. 277—278).

[В) Изъ „Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, 1908, № 17. „Отчетъ миссіонера Уренъскаго края Варнавинскаго у. о. Успенскаго].

Церковныя молитвы иными старообрядцами искаются до неузнаваемости. Напримеръ, приходилось мнѣ слышать, говорить о. миссіонеръ Успенскій, чтеніе молитвы ангелу-хранителю въ такомъ видѣ:

№ 90. [Молитва ангелу-хранителю].

1. Ложился спать (имя рекъ) отъ Духа Святаго,
Отъ печати Христовой.
Ангель мой,
Хранитель мой,
5. Сохрани меня
Во всю ночь безъ грѣха.
Дьяволъ-сатана
Откачнись отъ меня.
Есть на тебя
10. Исусова молитва,
Ангельскій крестъ.
Нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (224).

¹⁾ Вѣроятно—Александру.

ИМ:

№ 91. [Молитва ангелу-хранителю].

Ангелъ дневной и ночной, и полуночной, и часовой! помолися за меня, за грѣшного раба Божія. Положи, Господи, всѣхъ сусѣдей и сусѣдокъ по сердцу ко мнѣ, ко сиротѣ. (225).

За усопшихъ многими молитва читается такъ:

№ 92. [Молитва за усопшихъ].

Упокой, Господи, въ великомъ житїе семъ, яко человѣкъ согрѣши, яко человѣки Богъ простить и помилуетъ ихъ, вѣчныя муки избавить и причастія ученикамъ нашимъ болѣзнямъ сотвори. Извѣбай, Господи, отъ вѣчныхъ муки рабъ и рабынъ, и родительскія души безгрѣшныя и безвременныя. Отведи меня, Господи, отъ муки отъ вѣчныхъ, отъ огня отъ горючаго, отъ смолы отъ кипучія, отъ червей отъ ядучихъ, отъ морозовъ трескучихъ, раба Божія (имя рекъ), нынѣ и присно и т. д. (226).

Есть много въ приходахъ Варнавинского края „захаровъ“ и „заговорщицъ“, отчитывающихъ разныя болѣзни. („Отчетъ о состояніи и дѣятельности правосл. Костромскаго Феодоровско-Сергиевскаго братства за 1907 г.“, стр. 11—12).

[Г). Сюда же присоединяются и двѣ нижеслѣдующія молитвы апокрифического характера, которая подъ разными наименованиями (молитва о. Иоанна Кронштадтскаго, Серафима Саровскаго и др.) усердно распространяются желающими получить большую радость. Благодаря несложнымъ условіямъ, обеспечивающимъ исполненіе желаній, во всѣхъ городахъ находится много людей, занимающихся ея разсыпкой.

Вотъ что, напр., напечатано въ Костромской газетѣ:]

„Въ одномъ изъ номеровъ нашей газеты сообщалось, что одному изъ обывателей подкинуто было письмо слѣдующаго содержанія:

„Господи Іисусе Христе, молимъ тебя, святый Боже и т. д. Въ Іерусалимѣ былъ слышенъ голосъ, что кто будетъ читать эту молитву, тотъ будетъ избавленъ отъ всѣхъ бѣдъ, а не исполнившій будетъ наказанъ, т. е., если кто не обратить вниманія на молитву и не раздастъ ее 9 знакомымъ лицамъ“.

За послѣднее время многіе изъ обывателей получили такія письма. Такъ, на-дняхъ, точно такую же молитву, съ подписью „Голубка”, подкинули въ лавку Бородкина, что на Молочной горѣ; но такъ какъ это не достигло цѣли, то ему вскорѣ опять подбросили ее; такъ продолжалось три раза¹⁾.

[И въ то же время мы имѣемъ подобное же извѣстіе изъ далекаго Порта Аянъ, стоящаго на берегу Охотскаго моря:]

,..... лавочникъ былъ обезпокоенъ полученнымъ изъ Владивостока письмомъ неизвѣстнаго корреспондента. Письмо начиндалось такими словами: „Во время литургіи въ Иерусалимѣ былъ слышанъ голосъ: накажу вѣсть, народы!“ Внизу было приписано: „Кто эту молитву въ теченіе 9-и дней будетъ читать и 9 лицамъ каждый день пошлетъ одну, то уже послѣ 9-и дней желаніе его будетъ исполнено“. Задача была нетрудная, но въ данной глупши неисполнимая: какъ ни бывал лавочникъ, онъ не могъ найти девять грамотныхъ лицъ ни въ Аянѣ, ни въ его окрестностяхъ. Это обстоятельство очень беспокоило суевѣрнаго лавочника²⁾.

[Привожу тексты такого рода молитвъ:]

№ 93. Молитва.

Господи, Иисусе Христе, Тебѣ молимся! святый Боже, помилуй мя и всѣ людіе твоя; спаси нась отъ грѣховъ, ради Пречистыя крови—нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О, Иисусе Христе, Тебѣ молимся! святый Боже, святый кръпкій, святый бессмертный, помилуй нась отъ вѣчныхъ муки, ради пречистыя Твоей крови; прости намъ наши согрѣшенія, ради пречистой, пресвятой крови—нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Кто эту молитву будетъ читать самъ въ продолженіи девяти дней, и также въ теченіи того времени долженъ разослать разнымъ лицамъ, желаніе его будетъ исполнено.

Во время литургіи во Иерусалимѣ былъ гласъ: „накажу всѣ грады! И кто будетъ читать эту молитву, отъ всѣхъ бѣдствій и напасти будетъ спасень“.

Молитва эта была прислана епископу Воронежскому Антонію съ тѣмъ предостереженіемъ, чтобы ее разослать девяти лицамъ. А кто не захочетъ воспользоваться милосердіемъ этимъ, будетъ посыпанъ несчастіемъ. (227).

¹⁾ „Поволжскій Вѣстникъ“, 1908, № 779.

²⁾ „Сибирскіе Вопросы“, 1908, № 49—52. И. Абрамовъ, Э. Пекарскій. „На краю Сибири“.

№ 94. Молитва.

Господи Иисусе Христе!

Тебѣ молимся: Святый Боже, Святый Кръпкій, Святый Безсмертный, помилуй насть и всѣхъ людей твоихъ! спаси отъ грѣховъ нашихъ, ради Пречистой Крови Твоей,— нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О, Иисусе! Тебѣ молимся: Святый Безсмертный, помилуй насть и всѣхъ отъ всякихъ муکъ, ради Пречистой Твоей Крови,— нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Въ Іерусалимѣ, во время литургіи, былъ слышенъ голось говоращій: „всакому, кто будетъ читать эту молитву, того Богъ избавить отъ бѣдствій!“ Эта молитва была прислана Епископу, чтобы онъ разослалъ ее девяти лицамъ, и сказано: кто не хочетъ этого сдѣлать, того постигнетъ большое несчастье. И дѣйствительно,— въ Харьковѣ одинъ обыватель, получивъ эту молитву, не обратилъ на нее вниманія и сжегъ ее, и былъ наказанъ— онъ лишился единственной дочери. По полученію этой молитвы и вы разоплите ее *девати*¹⁾ знакомымъ и на деватый день Васъ постигнетъ большая радость. (228).

Трехдневный срокъ¹⁾.

XXXI. .

[Записи Я. Кузнецова, сдѣланные въ с. Троица-Леденгскомъ Костромской губ., Кологривского у. для Этнографического бюро кн. Тенишева].

№ 95. Урошная молитва.

Господи Боже, Господи благослови.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа.

Лягу я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, стану, перекрестясь; умоюсь святою утренней росой; утруся щитой, браной пеленою, и пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), въ чистое поле, въ востошнюю сторону. Въ востошной сторонѣ стоять звать столпъ; на златѣ столпѣ сидить старъ мужъ—Свѧтъ Духъ.

¹⁾ Подчеркнуто въ подлиннике.

Святымъ Духомъ снимаетъ и сдуваеть уроки, призоры и ляхіе приговоры отъ одноволоса, двоеволоса, троеволоса; одноглаза, двоеглаза и троеглаза; одновуба, двоезуба, троезуба; одногуба, двоегуба и троегуба; однодумца, двоедумца и троедумца; отъ почы, отъ попады; отъ дьякона, отъ дьяконицы; отъ дьячка, отъ дьячихи; отъ бабушки просвирии, отъ бабы нерасчески, отъ дѣвки волосогрызки; отъ колдуна, отъ колдуны, отъ своея думы крѣпкія. Подъите же вы въ широкіе лѣса, въ глубокіе омуты, тамъ вами жить добро, спать тепло. Будь моя молитва крѣпка и лѣпка: хитряе хитрова хитрока, мудрая мудрова мудрока. Кои слова были въ забытьѣ, будьте тѣ слова по путь. Мало молодо, (3¹) крѣпче булатного меча, вострѣе вострова ножа. Замокъ крѣпокъ, ключъ во ртѣ. (3) Замка изъ моря не доставывать, ключа изо рту не вынимывать и мою мольбу не испорчивати. (229).

№ 96. Утренняя молитва.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду, перекрестясь; пойду изъ избы въ двери, изъ дверей воротами; пойду я, рабъ Божій, въ чистое поле, подъ красное сонце, подъ свѣтлой мисець, подъ частыя звѣзды, подъ теплых оболок. Я, рабъ Божій, теплыми оболоками оболокуся, частыми звѣздами вокругъ сибя обтычуся, утренной зарей оповиажуся, вечерней зарей опояшуся. Пойду я, рабъ Божій, ко святу Окіяну морю, есть свять островъ тамъ; на святы острову лежить бѣлый камень Латерь; на томъ камнѣ стоитъ церковь папы Римской; въ ефтой церкви стоитъ златъ пристоль; на златѣ пристолѣ сидѣть самъ Ісусъ Христосъ, Матерь Божья, Царица небесная, въ златѣ ризѣ, держать золото перо и смахиваетъ, и спихиваетъ, и сдуваетъ, сметаетъ со свята Окіяна желту пѣну. Я ей покорюся и помолюсь, отъ бѣла лица до земли поклонъ возложу: смахни и спихни съ миные съ моих скотинки, съ целовика или животинки; отсытай и посытай въ темные лѣса, въ зеленых дубровы злые уроки, злые призоры и пакосные слова. Тутъ бы жили онѣ во вѣкъ, отъ нынѣ и до вѣку. Ключъ въ морѣ, замокъ въ ртѣ. Аминь. (230).

1) Знакъ 3 означаетъ, что слова „мало молодо“ надо произнести трижды, какъ и далѣе „замокъ крѣпокъ, ключъ во ртѣ“.

№ 97. Отъ урока бѣлки¹⁾.

Подымаются вѣтры вихори со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ востоку до западу, сымаютъ и сдуваютъ съ крутыхъ горъ бѣлы сиѣжки, сымаютъ и сдуваютъ съ вшивова добытка уроки, озены, призоры, злые-лихie приговоры. Подите же вы, уроки, озены, призоры, злые-лихie приговоры, понеситесь во лузя болота, дѣ скотинекъ привольно, народу невходимо, тамъ вамъ жить добро, спать тепло. Будь моя молитва крѣпка и липка: хитрѣе хитрова хитрова и шпучьева зуба. Аминь. (231).

№ 98. Молитва отъ нохти²⁾.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Стану я, рабъ Божій, благословяся, пойду, перекрестясь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, въ чистое поле, подъ прикрасное сонце, подъ свителъ мисецъ, подъ цастыѣ звѣзды, подъ теплыя оболока. Я, рабъ Божей, оболоками оболокуся, цастыими звѣздами обтыцюся, утренной зорей оповиажуся, вецерней зорей опояшуся. Пойду я, рабъ Божей, ко свату Окяну, есть тамъ святъ островъ; на святѣ острову лежить бѣлой камень Латерть; на камню Латерть стоитъ церковь папы Римской; въ ефтой церкви стоитъ пристоль; на златѣ пристоль сидить самъ Иисусъ Христосъ, Матерь Божья, Присвятая Богородица. Я покорюсь и помолюся, отъ бѣла лица поклонъ до земли возвложу: дай мнѣ, Осподи, на помоши Михайла Архандила съ каменнымъ шпиломъ, ешше дай мнѣ, Осподи, Егорья Хороброва съ вострымъ коньемъ. Михайло Архандель и Егорей Хороброй, вышибите и выстрілите изъ мозговъ гнилой скотины 77 нохтей: изъ головы, изъ глазъ, изъ языка, изъ ушей, изъ губъ, изъ нозрей, изъ кожи, изъ сердца, изъ лехкова, пещенки, крови горящей, изо всѣхъ 77 суставовъ, изъ паноцксовъ, изъ лашекъ, изъ ходатошныхъ жиль, изъ кожи, изо всѣхъ 77 нохтей витряной боли. Михайло Архандель и Егорей Хороброй, скѣтѣ и рубите 77 нохтей, отсылайте и посырайте въ тихіѣ лѣса въ зеленѣ лузя, изъ пцелки (вмѣсто—челки) въ гриву, изъ гривы

¹⁾ Есть повѣре, что тотъ охотникъ, который, подстрѣливъ бѣлку, замѣтить, что она долго не умираеть—не будетъ имѣть удачи въ охотѣ, пока не прочитается этого „урока“.

²⁾ Им. п.—нокотъ; болѣнь лошадей.

въ хрибеть, изъ хрибта во хвость, изъ хвоста въ тихій лѣсъ, въ глубокій омута, дѣ скотинѣ непривольно, народу невходимо. Кои слова въ забытьѣ, текитѣ впередѣ, служите по порядку той моей молитвѣ. Замокъ въ морѣ, клюць во ртѣ. Трою послѣ моей молитвы никово не имѣли бы уроки. Аминь. (232).

№ 99. Заяшная молитва.

Осподи Боже, Осподи, благослови! Лягу я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, стану, перекрестясь, умоюся святою утренней ледяной росой, пойду, утруся шитой, браной пеленою, подпояшуся свѣтымъ мисицемъ, обтыющица цистымъ мелкимъ звѣздами, пойду я въ чистое поле, въ восточную сторону; въ восточной сторонѣ стоить златая церковь, священна именная и апостольская церковь, въ ефтой церкви стоить златъ пристолъ, на златѣ пристолѣ сидѣть самъ Ісусъ Христосъ, царь Небесной, святъ-присвятая Божья матерь, Богородица, Михаилъ Архангель, Егорей Хороброй, Микола многомилостивой. Я къ этимъ ко святымъ подойду поближе, поклонюсь пониже: благослови мія, Христовъ Боже, ставить свои поставушки и половушки, золоты капканы, позолоцены пружинки, цѣлковыя силья на вольныхъ звирей: сѣрыхъ, бѣлыхъ зайцевъ; косолапыхъ, короткохвостыхъ, корноухихъ, желтыхъ, бронастыхъ рысей и лисиць, росомагъ и сѣрыхъ волковъ. И шли бы безпрепятственно онъ изъ-за тридевять морей, изъ-за тридевяти земель, изъ-за тридевяти городовъ, изъ-за тридевяти ловцовъ, изъ-за тридевяти хитрыхъ мудрыхъ мудрецовъ, изъ-за тридевяти паточинъ, такъ бы Божіи звѣри шли бы безпрепятственно по всякъ день, по всякъ цѧсь, по всяко Божіѣ время, днемъ и при свитломъ мисицѣ, и при цистыхъ звѣздахъ, при теплыхъ оболокахъ и утренней зорѣ, на восходѣ, на прикрасномъ мисицѣ. Мало молодо, (3¹) булатнова мечя, вострова ножа (3). Замокъ крѣпокъ, клюць во ртѣ. Какъ замка изъ мора не вынимывать, такъ и моей молитвы на зайцевъ не испорчивати. (233).

№ 100. Тетеревинная молитва.

Какъ на высотѣ Осподь Богъ украсилъ небо звѣздами, землю—зелеными травами, рѣки—берегами, мужей—женами, насы лисниковъ-охотниковъ—божиими птицами, рялковъ—ра-

¹⁾ Смотри примѣч. на стр. 86.

бушками, тетеревой—тетеревушками. Летите же вы, рапки, рябушки, тетерева, тетеревушки, со всѣхъ четырехъ сторонъ: отъ востоку до западу, изъ ельниковъ, изъ осинниковъ, изъ березниковъ, изъ малинниковъ, изъ ракитниковъ. Всѣ бы летили впередь на мой пищикъ¹). Кои слова въ забытьй, служите впереди. (234).

№ 101. Приворотная молитва.

Осподи Боже, Осподи, благослови.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа.

Языкъ—провѣтчицъ, зубы—межа, глаза—вода, лобъ—боръ, веди меня, сударушка, на дворъ, бери клюку, мели муку, пеки хлѣбъ, корми меня, будь отнынѣ и довѣру моя. Спушшу я, рабъ Божій, на бабную Божью дѣвицу (имя рекъ) три тоски тоскуюціѣ, три сухоты сухотушшіѣ, три жалбы жалбушшіѣ—въ сердце ретивое, въ леккое, пецень и въ кровь горячю, въ глаза и суставы, и въ мозга. И казался бы рабъ Божій (имя рекъ) рабицѣ-дѣвицѣ (имя рекъ) милля хлѣба-соли, милля милости Божьей, роду-племени, отця-матере, краснова сонца, свѣтлаво мисеца. Мало молодо (3²). Замокъ въ морѣ, клюць во ртѣ. Какъ замка изъ моря не вынимывать, клюця изо рту не доставывать (3). Кои слова въ забытьи, служите на вѣки впереди. Будь моя молитва крѣпка и липка, луще и зубастѣе зuba шишуцьева. (235).

¹) Пищикъ—дудочка, которой приманиваютъ птицъ.

²) Смотри примѣч. на стр. 86.

I. Распределение заговоровъ и пр. по мѣстностямъ.

Варнавинскій у., Уренъскій край. №№: 90—92.

Бетлужскій у. №: 70—78, 83—85.

” ” Пыщугская в., д. Ираклиха. №№: 4—8.

” ” Хмелевицкая в., с. Изваиль. №№: 79—80.

Галичскій у. №: 69.

Кологривскій у. №№: 86—87 и 95—101.

” ” с. Спасское. №№: 81—82.

Костромской у. (г. Кострома). №№: 1—8, 9—13, 38—67, 88—89, 93—94.

” ” Шишканская в. №№: 22—37.

Нерехтскій у., с. Рождествено. №: 68.

Солигаличскій у. №№: 14—21.

II. Распределение заговоровъ и пр. по содержанию.

Заговоры общаго характера. №№: 9—11, 49 и 93—94.

Молитвы ангелу-хранителю. №№: 90—91.

Молитва утренняя. №: 71.

” за усопшихъ. №: 92

Заговоръ нащетъ суду. №: 57.

” чтобы деньги велись. №: 40.

О здравіи. №: 28.

Отъ всѣхъ болѣзней. №№: 1, 8, 26 и 83.

Заклинательные молитвы. №№: 12, 13, 38, 41, 53 — 56 и 58—65.

Заговоры противъ порчи. №№: 15, 16, 18, 21, 48, 79, 95 и 96.

” противъ порчи молодыхъ. №№: 23, 27 и 50—52.

” на присуху. №№: 72, 88, 89 и 101.

” на оступду. №№: 29, 37, 78 и 74.

Заговоръ отъ сердоболи. № 47.

Заговоры отъ лихорадки. №№ 2, 3 и 89.

“ “ зубной боли. №№ 22, 82 и 85.

Заговоръ на чирей. № 24.

“ “ утинъ. № 69.

“ отъ усовей. № 76.

“ противъ грыжи. № 36.

“ отъ младенческаго. № 66.

“ “ тишины у дѣтей. № 86.

“ при трудныхъ родахъ. № 84.

Заговоры на раны. №№ 30 и 32.

“ кровь унять. №№ 25, 68 и 75.

“ на оружіе. №№ 35 и 42—46.

Охотничіи заговоры. №№ 4, 14, 17, 19, 20, 31, 97, 99 и 100.

Пастушки молитвы. №№ 5—7.

Бумага къ лѣсовику. № 77.

Корова мleко потеряетъ. №№ 33 и 78.

Заговоры отъ ногтя у скота. №№ 87 и 98

Лечить скотъ. № 80.

Заговоръ отъ насѣкомыхъ. № 70.

“ “ пчель. № 81.

Статья неопредѣленнаго содержанія. № 34.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

№.		СТРАН.
	Предисловіе	4
1.	Молитва Господу нашему Іисусу Христу	6
2.	Заговоръ отъ лихорадки	—
3.	Заклинаніе трасавицъ	7
4.	Заговоръ охотниковъ для ловли звѣрей въ капканы	9
5.	Пастушы молитвы. 1-я	—
6.	" " 2-я	10
7.	" " 3-я	—
8.	Молитва отъ всѣхъ болѣзней	11
9.	ко Пресвятой Богородицѣ	14
10.	Тоже	—
11.	Молитва Честному Кресту	15
12.	" Великаго Василія	—
13.	" святаго священномученика Кипріана	18
14.	Заговоръ на удачную охоту	25
15.	Заговоръ противъ порчи	26
16.	Тоже	—
17.	Заговоръ на удачный промыселъ	27
18.	" противъ порчи	—
19.	" на удачную охоту	—
20.	Тоже	28
21.	Заговоръ противъ порчи	—
22.	Молитва къ зубамъ	30
—	Травникъ	—
23.	Егда женился человѣкъ и у жены потеряетъ	33
24.	Слова на чирей	34
25.	Руда унять	—
26.	На щепоту	—
27.	О лкоапії жуя	—
28.	О здравії	35
29.	О сухотѣ	—
30.	Отъ щепоты	—
31.	Промышлять звѣря или птицы	36
32.	Иглу сквозь щеку проводить, иѣль, желѣзо—не болѣть, не щемить	38
33.	Борова млечко потеряетъ	—
34.	Противъ желѣза	—

№	СТРАН.
35. Заговоръ противъ холоднаго оружія	39
36. Молитва отъ грыжи избавлять	—
37. Противъ тоски по женщінѣ	40
38. Молитва заклинательная Марка Фрачскаго	42
39. Заговоръ отъ 12 лихорадокъ	43
40. чтобы деньги велись	44
41. Молитва заклинательная	—
42. Заговоръ противъ оружія	—
43. Тоже	46
44. Тоже	—
45. Тоже	47
46. Заговоръ на ружье и порохъ	—
47. Молитва отъ сердоболи	—
48. отъ ускону. Аще человѣку поднесутъ или на чёмъ подадутъ	48
49. святыхъ 12 апостоль	49
50. противъ порчи молодыхъ	—
51. Псаломъ 90	—
52. Псаломъ 10	51
53. Молитва отъ духовъ нечистыхъ	—
54. Тоже	—
55. Молитва священномученику Кипріану	52
56. Завѣщаніе Кипріаново	53
57. Заговоръ нащетъ суду	56
— Чиннослѣдованіе нацъ бѣсноватыми	57
58. Молитва заклинательная	—
59. Тоже	58
60. Тоже	—
61. Тоже	—
62. Тоже	59
63. Молитва святаго священномученика Кипріана	61
64. Молитва заклинательная	63
65. Списокъ святыхъ, помогающихъ противъ духовъ нечистыхъ	68
66. Отъ младенческаго молитва	69
67. Отъ боку лекарство осиновая корка	70
68. Заговоръ отъ порѣзу или порубу	—
69. Средство отъ утина	—
70. Заговоръ отъ блохъ, клоповъ, таракановъ и др.	71
71. Утрення молитва	72
72. Приговорить парня	—
73. Отговорить дѣвку отъ парня	73
74. Тоже	—
75. Противъ крови заговоръ	74
76. Отъ усовей	—
77. Бумага къ лѣсовику	75
78. Если корова удои потеряетъ	—
79. Отъ дури (сумасшествія)	76
80. На лечение скота	—
81. Заговоръ отъ пчель	77
82. " зубовъ	—

№	СТРАН.
88. Молитва	78
84. Заговоръ при трудныхъ родахъ	—
85. Молитва Антигѣ чудотворцу	79
86. Отъ тишины у младенца	—
87. Отъ ногти у скота	80
88. Присушка.	81
89. Тоже	—
90. Молитва ангелу хранителю	82
91. Тоже	83
92. Молитва за усопшихъ	—
93. Молитва	84
94. Тоже	85
95. Уропная молитва.	—
96. Тоже	86
97. Отъ урока бѣлки	87
98. Молитва отъ нохти	—
99. Заяшная молитва.	88
100. Тетеревинная молитва	—
101. Приворотная молитва	89
— Указатель географический.	90
— Указатель предметный.	—